
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Этнографическія наблюденія въ Абхазіи.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 22 декабря 1892 года).

Мм. Гг.!

Путешествуя въ теченіе 5 лѣтъ по Абхазіи, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе коротко познакомиться съ населеніемъ страны—съ его домашнимъ и общественнымъ бытомъ, съ его характеромъ, религіозными воззрѣніями, кое-какими преданіями и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ я старался заносить свои наблюденія въ записную книжку. Я долженъ однако сказать, что наблюденія эти велись безъ всякой опредѣленной системы: цѣль моихъ путешествій была совершенно иная—ботаническія изслѣдованія страны,—и я записывалъ лишь то, что приходилось случайно увидѣть или услышать во время моихъ кратковременныхъ остановокъ въ абхазскихъ аулахъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій составилось извѣстное количество матерьяла, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторое значеніе для лицъ, интересующихся этнографіей Кавказа. Впрочемъ, я не осмѣлился бы рекомендовать мои скромныя наблюденія Вашему просвѣщенному вниманію, если бы не побуждали меня къ этому слѣдующія соображенія: во-первыхъ, крайняя сбивчивость литературныхъ свѣдѣній объ образцахъ, и во-вторыхъ, быстрая утрата этимъ народомъ своей племенной самобытности, заставляющая опасаться, что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть многіе распространенные теперь обычаи, и что такимъ образомъ будущій этнографъ при своемъ стремленіи возстановить старинный бытъ страны можетъ встрѣтить величайшія затрудненія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ изъ этихъ соображеній. Что касается литературы объ Абхазіи, мы должны сказать, что едва-ли о какомъ-нибудь другомъ горскомъ племени Кавказа писали такъ много, какъ объ Аб-

хазцахъ. Но, если перечесть всю эту груду печатнаго матерьяла, разбросаннаго въ повременныхъ кавказскихъ изданіяхъ за 1860 и 1870 годы,— въ нашихъ представленіяхъ объ образцахъ неминуемо долженъ получиться необыкновенный сумбуръ: такъ сбивчивы, неясны, а часто и прямо противорѣчивы сообщаемыя о нихъ разными авторами свѣдѣнія. Мы не станемъ упрекать за это лицъ, собиравшихъ эти свѣдѣнія. Не слѣдуетъ забывать, что эти лица жили и дѣйствовали въ то время, когда мы еще далеко не могли назвать себя хозяевами положенія въ Абхазіи, и, вслѣдствіе этого, собираніе свѣдѣній въ странѣ было сопряжено съ величайшими затрудненіями и даже нерѣдко съ опасностью для жизни собирателя. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ среди литературы объ Абхазіи много весьма цѣнныхъ статей, которыя должны послужить основой для будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Абхазіи. Изъ этихъ статей на первомъ планѣ должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки Абхазской Миѳологіи» Соломона Званбайя, дающіе намъ превосходное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Абхазцевъ, а также цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 1870 и 1871 гг. и принадлежащихъ перу частію бывшаго начальника Сухумскаго Округа г. Введенскаго [1]), частію ген. Краевича [2]), частію неизвѣстнаго мнѣ автора, скрывшагося за 3 звѣздочками [3]), которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ религіознымъ состояніемъ Абхазцевъ, а также отчасти съ ихъ соціальнымъ бытомъ, именно: съ раздѣленіемъ на сословія, съ нѣкоторыми основаніями обычнаго права, со взглядами на бракъ. Укажемъ затѣмъ на статью г. Люлье въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Русск. Географ. Общества за 1857 г. [4]), точно устанавливающую границы абхазскаго племени на Кавказѣ и связь его съ другими кавказскими народностями. Отрывочныя, но чрезвычайно правдивыя и притомъ художественно изложенныя свѣдѣнія объ Абхазіи находятся въ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера фонъ-Торнау [5]). Статьи гг. Заводскаго и Аверкіева, помѣщенныя въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 годы, незначительны и по сравненію

---

[1]) Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, А—а (Введенскаго). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

[2]) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. III.

[3]) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ». Сб. Св. о Кавк. Горц. вып. VI.

Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. IV.

[4]) Общій взглядъ на страны, занимаемыя черкесами, абхазцами и другими народами. Зап. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ. кн. 4, 1857 г.

[5]) Приложеніе къ «Русск. Вѣстн.», 1864 г.

съ вышеупомянутыми статьями не представляютъ ничего новаго. Къ статьямъ гг. Мачварьяни и Чернявскаго слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью, такъ какъ эти господа собираютъ свѣдѣнія не на мѣстѣ, а изъ десятыхъ устъ. Абсолютно—невѣрныя, искажающія истинное положеніе вещей свѣдѣнія (которыя, къ сожалѣнію, нашли себѣ мѣсто въ почтенномъ трудѣ Дубровина «Исторія Кавказской войны»), находятся въ запискахъ Гавріила, еп. Имеретинскаго [1]) и въ полубеллетристическихъ очеркахъ писателя 50 годовъ Савинова (см. его «Достовѣрные разсказы объ Абхазіи», «Два года въ плѣну у горцевъ» и проч.). Вотъ вся главнѣйшая этнографическая литература объ Абхазіи. Если прибавить еще къ этому старинныя сочиненія Dubois de Montpereux, Клапрота и Гастгаузена—мы перечислимъ все, что писалось заслуживающаго вниманія объ Абхазіи. (Мы не говоримъ о многочисленныхъ статейкахъ, принадлежащихъ перу болѣе мелкихъ авторовъ, которыя разбросаны въ газ. «Кавказъ» за 1850—1870 гг.: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія настолько скудны и такъ противорѣчивы, что о нихъ не стоитъ совершенно упоминать. Равнымъ образомъ, мы проходимъ молчаніемъ книжку, изданную братіей Ново-Аѳонскаго монастыря (близь Сухума) подъ громкимъ заглавіемъ: «Описаніе Абхазіи»; это произведеніе, принадлежащее перу какого-нибудь доморощеннаго монастырскаго писаки, наполнено частію заимствованіями изъ другихъ авторовъ, частію собственными измышленіями, завѣдомо искажающими истину).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, литература объ Абхазіи не отличается особенною полнотою. Не говоря уже о томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ археологическія свѣдѣнія (если не считать сочиненій Dubois de Montpereux, Кондакова, Нордманна и друг., трактующихъ исключительно о древнихъ памятникахъ христіанской культуры) и не сообщается ничего о преданіяхъ народа,—и по другимъ отдѣламъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія частію неполны, частію сбивчивы. Вслѣдствіе этого, смѣю думать, что мои наблюденія оказались бы не лишними, пополнивъ собою нѣкоторые изъ существующихъ въ литературѣ объ Абхазіи пробѣловъ.

Первоначальной моей мыслью было сообщить вамъ, Мм. Гг., мои наблюденія въ томъ самомъ отрывочномъ видѣ, какъ они собирались и записывались. Но послѣ я рѣшилъ, что сообщеніе мое значительно выиграло бы въ интересности, если бы я, дополнивъ свои наблюденія нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными въ наиболѣе солидныхъ изъ вышеупомянутыхъ статей, представилъ бы вамъ болѣе или менѣе связный очеркъ современной Абхазіи. Такимъ образомъ въ мое сообщеніе, кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, войдутъ

[1]) Обозрѣніе абхазскихъ приходовъ («Кавказъ» 1870 г., №№ 42, 43, 44).

еще (съ надлежащими каждый разъ о томъ оговорками) и свѣдѣнія, почерпнутыя мной изъ литературы (именно—изъ статей Званбойя, Введенскаго и анонимнаго автора, скрывшагося за 3 звѣздочками).

Приступая теперь къ предмету своего сообщенія, я считалъ бы не лишнимъ ознакомить васъ прежде всего съ страной, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи.

Подъ именемъ Абхазіи извѣстна страна, лежащая на Восточномъ берегу Чернаго моря, приблизительно между 43° 20′ и 42° 20′ с. ш. На сѣверѣ она граничитъ съ Черноморскимъ округомъ, отъ котораго отдѣляется Гагринскимъ кряжемъ; на югѣ, по р. Ингуру, проходитъ граница ея съ Мингреліей. На СВ. Главный Кавказскій хребетъ составляетъ естественную ея границу съ Кубанской областью, а на югѣ и юго-востокѣ высокій контрфорсъ Главнаго Хребта, на 5 верстной картѣ носящій названіе хребта Дусодисвикъ, а у туземцевъ извѣстный подъ названіемъ Арюмъе, отдѣляетъ ее отъ Сванетіи. Въ общемъ, страна имѣетъ протяженія съ СЗ. на ЮВ. до 180 верстъ. Устройство поверхности ея въ разныхъ мѣстахъ различное. Но вообще можно сказать, что это преимущественно горная страна, какъ это отлично можно видѣть на рельефной картѣ. Горы Абхазіи не высоки; самыя высокія изъ нихъ едва достигаютъ 12500—13000 ф. (Псышь, Капышистра и Харюхра); но зато онѣ отличаются необыкновенно трудной доступностью и полнымъ бездорожьемъ въ нихъ. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ силу въ особенности по отношенію къ прибрежнымъ известковымъ горамъ, состояніе дорогъ на которыхъ превосходитъ всякое описаніе. Абхазскія горы пересѣчены множествомъ поперечныхъ ущелій, поразительныхъ по своей неприступности и дикости, по которымъ мчатся бурливыя горныя рѣчки, берущія свое начало въ ледникахъ Главнаго Кавказскаго хребта или въ залежахъ вѣчнаго снѣга въ глубокихъ ущельяхъ второстепенныхъ кряжей. Наиболѣе значительныя изъ этихъ рѣчекъ слѣдующія: Бзыбь, Гумиста, Келассуръ, Кодоръ, Гализча. Большинство рѣкъ, мы сказали, все время текутъ въ узкихъ и дикихъ ущельяхъ; но нѣкоторыя изъ нихъ какъ Бзыбь и Кодоръ, въ среднемъ теченіи своемъ протекаютъ по болѣе или менѣе широкимъ долинамъ, вполнѣ пригоднымъ для человѣческихъ поселеній, которыя тамъ нѣкогда и существовали. Въ сѣверной части страны отъ р. Бзыби до Псыртсхи, горы отстоятъ отъ моря приблизительно верстъ на 20, и между ними и морскимъ берегомъ остается болѣе или менѣе ровное пространство, носящее характеръ то низменности, то слегка возвышенной равнины, по которой волнами пробѣгаютъ, въ перпендикулярномъ къ морю направленіи, волнообразныя гряды не высокихъ холмовъ, отдѣляющіяся другъ отъ друга неглубокими долинами рѣчекъ Аиста, Хюнста, Мычишь и проч. Эту узкую береговую часть страны мы называемъ культурной полосой, потому что только здѣсь въ на-

стоящее время сосредоточены абхазскія поселенія.—Начиная отъ Псыртсхи и далѣе къ Сухуму и р. Кодору высокія предгорья подходятъ почти къ самому берегу моря, и культурная полоса, вслѣдствіе этого, чрезвычайно съуживается, доходя мѣстами всего до 3—5 верстъ. За Кодоромъ горы опять отступаютъ отъ морскаго берега, и культурная полоса снова расширяется, доходя въ Абживской части Абхазіи верстъ до 25. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ югу, тѣмъ все далѣе и далѣе отступаютъ отъ морскаго берега горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, культурная полоса все болѣе и болѣе расширяется, пріобрѣтая характеръ настоящей низменности, незамѣтно переходящей за р. Ингуромъ въ широкую Мингрельскую низменность. Въ Самурзакани (такъ называется самая южная часть Абхазіи), эта низменность мѣстами имѣетъ ширины верстъ до 40 и даже нѣсколько болѣе.

Охарактеризовавъ устройство поверхности страны, скажемъ теперь нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Защищенная отъ вліянія холодныхъ СВ. вѣтровъ высокою стѣною главнаго Кавказскаго хребта, который достигаетъ здѣсь 9500 футъ средней высоты, и открытая въ это же время вліянію теплыхъ и влажныхъ ЮЗ. вѣтровъ, дующихъ съ моря, Абхазія наслаждается чрезвычайно мягкимъ и ровнымъ климатомъ. Снѣгу въ странѣ выпадаетъ очень немного, и то ближе къ горамъ, въ частяхъ страны, удаленныхъ отъ берега моря; морозовъ ниже 7°—8° Ц. не бываетъ. Весна начинается здѣсь собственно въ мартѣ мѣсяцѣ; но уже въ февралѣ и даже въ январѣ мѣсяцѣ разцвѣтаютъ розы, фіалки, цикламены; а конецъ марта и начало апрѣля представляютъ здѣсь настоящій разгаръ весны: въ это время лѣса бываютъ давно уже одѣты зеленью, и всюду цвѣтутъ благовонныя ацалеи и каприфоль, красуются пышные рододендроны и подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ ютятся тысячи яркихъ орхидей, бурачниковыхъ и мотыльковыхъ растеній. Зима начинается здѣсь только въ декабрѣ мѣсяцѣ, и по своему характеру мало чѣмъ отличается отъ нашей южной осени. Нѣкоторыя мѣстности, какъ Псыртсха и Сухумъ-Кале, будучи защищены отъ холоднаго дыханія снѣжныхъ высотъ Главнаго Кавказскаго хребта цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ кряжей, находятся въ еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ климата, чѣмъ остальныя части страны: средняя годовая температура доходитъ здѣсь до 15° Ц., снѣгу почти совсѣмъ не выпадаетъ, термометръ рѣдко когда понижается ниже 1°—2° Ц.,—и здѣсь на открытомъ воздухѣ могутъ зимовать не только вѣчнозеленыя растенія средиземно-морской флоры, какъ мирты, олеандры, лавры, апельсины, лимоны, но даже и настоящія тропическія растенія, какъ пальма, бананы, бромелліи.—При такомъ тепломъ и влажномъ климатѣ, естественно, сила растительности въ Абхазіи поразительна. Роскошные дѣвственные лѣса, состоя-

щіе изъ смѣси лиственныхъ, вѣчнозеленыхъ и хвойныхъ породъ, покрываютъ всю страну, начиная отъ берега моря до значительныхъ высотъ, тысячъ до 7 футъ надъ уровнемъ моря, гдѣ они уступаютъ мѣсто привольнымъ нагорнымъ пастбищамъ, покрытымъ пышною, сочною травою и горящимъ милліонами яркихъ цвѣтовъ. Человѣку приходится здѣсь вести упорную борьбу съ лѣсомъ, который быстро зарастаетъ всѣ, брошенныя культурой земли. Абхазскіе лѣса заключаютъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ породъ. Не говоря уже о почти неистощимомъ запасѣ превосходнаго строеваго лѣса, состоящаго изъ каштана, дуба, клена, липы, пихты и пр., Абхазія изобилуетъ такими драгоцѣнными породами, какъ негной-дерево (Taxus baccata), грецкій орѣхъ (Juglans regia) и самшитъ, или кавказская пальма (Buxus sempervirens). Что касается культурныхъ растеній, то въ странѣ сѣютъ въ большомъ количествѣ кукурузу и кавказское пшено (Panicum italicum), въ незначительномъ количествѣ—табакъ и хлопчатникъ и очень рѣдко—пшеницу и ленъ. Изъ огородныхъ растеній разводятъ особый сортъ вьющихся огурцовъ, фасоль, арбузы, тыквы, дыни. Фруктовыхъ садовъ въ Абхазіи масса. Вся береговая Абхазія представляетъ собою какъ бы одинъ сплошной садъ. Тоже можно сказать и о Цебельдѣ и о верхнихъ долинахъ рр. Взыби и Кодора. Обычныя разводидимыя въ садахъ породы грушъ, сливъ, яблокъ, черешни, персиковъ и абрикосовъ не отличаются особенными достоинствами. Хурма (Diospyros Lotus), инжирь (Ficus Carica) и гранатникъ (Punica Granatum) растутъ въ странѣ первыя два дерева совершенно, а послѣднее—почти дико. Винограду въ странѣ разводится до 3 десятковъ разныхъ сортовъ. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ высокими достоинствами и даютъ превосходныя крѣпкія вина съ сильнымъ букетомъ, въ особенности 2 бѣлыхъ сорта, извѣстные подъ мѣстными названіями амлаху и авасырхвашъ, и 2 красныхъ сорта—качича и апапнышъ, изъ которыхъ получаются бѣлыя и красныя вина тѣхъ же наименованій.—Непроходимыя дебри абхазскихъ лѣсовъ, понятно, изобилуютъ всякаго рода звѣремъ и дичью. Кромѣ бездны разнаго хищнаго звѣрья — волковъ, лисицъ, шакаловъ, выдръ, куницъ, кабановъ, медвѣдей и проч.,— въ лѣсахъ водятся во множествѣ дикія козы, фазаны, горныя индѣйки, и мѣстами (въ дикихъ и недоступныхъ ущельяхъ р. Взыби и ея притоковъ) — олени. По нагорнымъ пастбищамъ и по скаламъ, вѣнчающимъ горныя вершины, бродятъ цѣлыми стадами серны и туры. Миріады дикихъ пчелъ гнѣздятся по лѣсамъ и на горахъ по скаламъ Абхазіи. Онѣ производятъ необыкновенно сладкій и ароматный мёдъ, которымъ Абхазія славилась изстари и который составлялъ нѣкогда въ странѣ, вмѣстѣ съ виномъ, предметъ обширнаго вывоза.

Вотъ, Мм. Гг., краткая характеристика физико-географическаго и есте-

ственно-историческаго состоянія страны, о которой идетъ рѣчь въ моемъ сообщеніи. Перехожу теперь къ непосредственной темѣ моего сообщенія.

Абхазія въ настоящее время, въ административномъ отношеніи образуетъ Сухумскій округъ, составляющійся изъ слѣдующихъ административныхъ участковъ (прежде—отдѣльныхъ округовъ): Гудаутскаго, Гумистинскаго, Кодорскаго и Самурзаканскаго. Гудаутскій участокъ есть самый сѣверный; онъ обнимаетъ всю такъ называемую Бзыбскую Абхазію, отъ Гагръ до Псыртсхи. Населенъ онъ почти исключительно образцами, числомъ до 15,000 душъ обоего пола. Административный его центръ—м. Гудауты на берегу моря. Гумистинскій участокъ составляетъ центральную часть Абхазіи съ г. Сухумъ-Кале. Онъ простирается отъ Псыртсхи до р. Кодора. Абхазскаго населенія въ этомъ участкѣ почти нѣтъ (есть всего 2—3 маленькія деревни), а заселенъ онъ преимущественно выходцами изъ разныхъ странъ, главнымъ образомъ—мингрельцами, трапезондскими греками, турсуками армянами, нѣмцами, русскими, эстонцами. Населеніе его оффиціально исчисляется въ 5.818 душъ обоего пола. Кодорскій участокъ, иначе Абжуа, тянется отъ р. Кодора до р. Гализги. Населеніе его—чисто абхазское, простирающееся до 15,820 душъ о. п. Административнымъ центромъ этого участка является приморское мѣстечко Очемчиры. Наконецъ, Самурзаканскій участокъ идетъ отъ р. Гализги до р. Ингура, т. е. до границъ Мингреліи. Это самый большой изъ всѣхъ 4-хъ участковъ. Населеніе его оффиціально показывается въ 30.529 человѣкъ. Населенъ этотъ участокъ Самурзаканцами—племенемъ абхазскаго происхожденія съ значительной примѣсью мингрельскаго элемента. Центромъ его управленія служитъ м. Окумъ, находящееся въ самой серединѣ Самурзакани [1]).— Населеніе Абхазіи сосредоточивается въ настоящее время исключительно въ береговой полосѣ страны, которую мы и называемъ поэтому культурной полосой. Но прежде, лѣтъ 30 назадъ, поселенія существовали всюду въ горахъ. Наиболѣе значительными изъ нихъ были поселенія Псхувцевъ въ долинѣ р. Бзыби и Цебельдинцевъ и Дольцевъ въ долинѣ р. Кодора. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа, около 1864 года, населеніе этихъ долинъ все цѣликомъ эмигрировало въ Турцію, и мѣста ихъ бывшихъ ауловъ въ настоящее время совершенно пустуютъ (исключая Цебельды, которая теперь быстро заселяется разными пришельцами, преимущественно греками и армянами).

Коренное населеніе Абхазіи, по изслѣдованіямъ бар. Услара, Загурскаго Дюлье и др., принадлежитъ къ совершенно самостоятельному племени, стоящему особнякомъ среди другихъ племенъ Кавказа. Это племя грузины сыздавна называли абхази, откуда и произошло наше русское названіе страны;

---

[1]) Свѣдѣнія о народонаселеніи почерпнуты нами изъ Кавк. календаря за 1892 г.

а у черкесовъ оно слыло подъ названіемъ абадза, или азега. Сами себя абхазцы называютъ апсуа, а страну свою апснэ; условнымъ откликомъ ихъ при встрѣчѣ съ другими горцами служитъ слово ахчипсё. Абхазцы имѣютъ очень мало общаго, какъ въ языкѣ, такъ и въ религіи съ своими бывшими сосѣдями—Черноморскими и Кубанскими черкесами группы адыге, т. е. съ Натухайцами, Шапсугами, Кабардинцами, Абазехами. Названіе послѣднихъ еще не должно подавать поводъ предполагать родственную связь ихъ съ Абхазцами, такъ какъ оно на языкѣ адыге означаетъ только: живущій ниже Абхазцевъ (Люлье). Что касается Убыховъ, жившихъ по сосѣдству съ Абхазцами, около Сочи и Вардане, то, если можно полагаться на слова турецкаго путешественника XVII в. Эвлія Эффенди, они были абхазскаго племени и говорили по абхазски [1]); по утвержденію же Люлье, Убыхи говорили совершенно особымъ языкомъ не имѣвшимъ сходства ни съ абхазскимъ, ни съ черкескимъ. Впрочемъ, объ Убыхахъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ какъ они тотчасъ же послѣ покоренія Кавказа всѣ до послѣдняго человѣка эмигрировали въ Турцію, а раньше мы не имѣли съ ними никакихъ сношеній, откуда могли бы почерпнуть о нихъ тѣ или другія свѣдѣнія. Другіе ближайшіе сосѣди Абхазцевъ—Джигеты (иначе: Садзенъ, Садзы или Саджзуа—какъ ихъ называли Абхазцы), которые жили по берегу моря у Гагръ и Адлера—народъ несомнѣнно абхазскаго происхожденія (Люлье). Послѣ Кавказской войны Джигеты также всѣ выселились въ Турцію. Къ абхазскому же племени принадлежали такъ наз. Медовѣевцы, или Медозюи, подраздѣлявшіеся на отрасли: Псхё, Ачхипсё и Аибга, занимавшія верхнія долины рр. Бзыби, Мзымты и Псоу; затѣмъ—Цебельдинцы, или Цамбалъ, занимавшіе среднее и верхнее теченіе р. Кодора, а также рядъ народцевъ, жившихъ по ту сторону Главнаго Кавказскаго хребта въ Кубанской области—на верховьяхъ рр. Большой и Малой Лобы, Урупа, Зеленчука и Кубани,—это общества: Багъ, Барокой, Шегерой, Тамъ, Кизилбекъ, Башилбай, Басьхогъ и др. Всѣ эти народы, послѣ окончательнаго замиренія Кавказа, выселились въ Турцію, за исключеніемъ небольшихъ обществъ на верховьяхъ рѣкъ Зеленчука и Кубани, которыя существуютъ тамъ и понынѣ.

Въ настоящее время, какъ мы уже упоминали выше, коренное абхазское населеніе занимаетъ лишь слѣдующія мѣстности Абхазіи: Гудаутскій участокъ,—здѣсь ихъ до 15,000 душъ, Кодорскій участокъ—до 16,000 душъ и 2—3 незначительныхъ деревни Гумистинскаго участка. Такимъ образомъ, общее число абхазскаго населенія достигаетъ теперь едва 32 тысячъ человѣкъ: это

---

[1]) „Кавказъ" 1870 г. №№ 64, 65, 68.

всё, что осталось отъ прежняго населенія Абхазіи, исчислявшагося въ 30-хъ годахъ въ 50 слишкомъ тысячъ, а въ 60-хъ въ 70 слишкомъ тысячъ.— Жители Гудаутскаго участка, или Бзыбской Абхазіи значительно рознятся по языку отъ жителей Кодорскаго участка, или Абживской Абхазіи. У первыхъ въ языкѣ вошло очень много черкесскихъ словъ, заимствованныхъ ими отъ своихъ сосѣдей—Черноморскихъ Черкесовъ; у вторыхъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Самурзаканью и Мингреліей, языкъ заимствовалъ много мингрельскихъ словъ. Кромѣ того, въ языкѣ тѣхъ и другихъ существуетъ разница и въ самыхъ звукахъ. Вообще, по словамъ знатоковъ абхазскаго языка, нарѣчіе Бзыбское и Кодорское различаются между собою почти въ такой же степени, какъ великорусское нарѣчіе отъ малороссійскаго. Кромѣ различія въ языкѣ, между населеніемъ Бзыбской и Абживской Абхазіи существуетъ нѣкоторая разница и въ обычаяхъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже). Что же касается Самурзаканцевъ, то о происхожденіи ихъ существуютъ два взаимно противуположныхъ мнѣнія. Одни утверждаютъ, что Самурзаканцы представляютъ пеструю смѣсь разныхъ народностей абхазцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ, гурійцевъ, грузинъ, разновременно сюда переселившихся, основывая свое мнѣніе на языкѣ Самурзаканцевъ представляющемъ особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Другіе же считаютъ ихъ народомъ абхазскаго происхожденія, въ который лишь впослѣдствіи, всего лѣтъ 200 назадъ, благодаря долговременному политическому вліянію на Самурзакань Мингреліи, вошелъ элементъ мингрельскій. Въ подтвержденіе своей мысли, они указываютъ между прочимъ на тотъ фактъ, что самыя распространенныя въ Самурзакани фамиліи—Зухбайя, Анчибайя, Акыртава, суть коренныя абхазскія, только видоизмѣненныя на мингрельскій образецъ—Зухба, Ачиба, Акыртаа. Мы лично относительно національности Самурзаканцевъ могли выяснить на мѣстѣ слѣдующее: Во 1) многія изъ самурзаканскихъ фамилій, дѣйствительно, настоящія абхазскія и даже считаются въ родствѣ съ таковыми же фамиліями Бзыбской Абхазіи. Въ 2) господствующій типъ населенія въ СЗ. части страны, на границѣ съ Абжуа, чисто абхазскій, въ ЮВ. части страны—чисто мингрельскій. Посерединѣ, около м. Окумъ, преобладаетъ типъ смѣшанный. Точно также варьируетъ и языкъ. Въ СЗ. части страны говорятъ почти чистымъ абхазскимъ языкомъ лишь съ самой незначительной примѣсью мингрельскихъ словъ; въ центрѣ Самурзакани, около Окума, говорятъ больше по мингрельски, хотя встрѣчаются и знающіе абхазскій языкъ. Наконецъ на ЮВ. отъ Окума, въ общинахъ Соберіи, Дихазурги, Чубурисхинджи и др., исключительно—господствующимъ языкомъ является мингрельскій, хотя старики разсказывали мнѣ, что въ старину здѣсь говорили больше по абхазски. Въ 3) названія горъ и рѣчекъ—почти исключительно абхазскія. Въ 4) часть религіозныхъ обрядовъ—несомнѣнно абхазскаго происхожденія, тогда какъ другіе мингрельскіе, а мо-

жетъ быть, создались даже на мѣстѣ; нѣкоторыя молитвы читаются только по абхазски. Въ 5) народныя пѣсни—мингрельскія. Въ 6) господствующіе обычаи, и на первомъ планѣ обычай гостепріимства—строго-абхазскіе. Сами Самурзаканцы не причисляютъ себя ни къ абхазцамъ, ни къ мингрельцамъ, но съ гордостью называютъ себя особымъ племенемъ—Самурзаканъ. Самое названіе Самурзаканъ происходитъ отъ слова Мурзаканъ и означаетъ: владѣніе Мурзакане. Такое названіе она получила въ началѣ прошлаго столѣтія отъ правителя ея Мурзакана Шервашидзе, при которомъ она отдѣлилась отъ Абхазіи и стала самостоятельной страной. Такимъ образомъ, большинство данныхъ говоритъ за то, что Самурзаканцы скорѣе происхожденія абхазскаго, и что мингрельскій элементъ явился сюда лишь въ сравнительно недавнее время.

Попробуемъ теперь охарактеризовать вкратцѣ внѣшній типъ Абхазцевъ. Всѣ Абхазцы вообще отличаются высокимъ ростомъ и хорошимъ сложеніемъ. Черты лица—крайне характерныя, сразу отличающія ихъ отъ другихъ племенъ. Въ особенности характеренъ абхазскій крючковатый носъ и черные глаза, смотрящіе изъ-подъ нависшихъ бровей дико и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно. Почти всѣ абхазцы—крайніе брюнеты. Блондины съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами попадаются какъ рѣдкое исключеніе. Курьезно, что изрѣдка попадаются лица съ огненно-рыжими волосами и еврейскимъ типомъ лица. Не остатки-ли это той самой народности, о которой говорится въ легендѣ о богатырѣ Брискиллія (или: Абрсклъ), поставившемъ цѣлью своей жизни истреблять людей съ рыжими волосами и голубыми глазами (за то, что они могутъ сглазить)? [1]). Обыкновенно всѣ—и молодые и взрослые люди бреютъ на головѣ волосы наголо, и оставляютъ только усы и бороду. Старики, въ особенности въ Самурбакани, имѣютъ очень почтенный видъ, напоминая изображенія древнихъ патріарховъ и апостоловъ. Въ Ю. В. части Самурзакани, какъ мы уже говорили, мужчины имѣютъ чисто мингрельскій типъ, т. е. черты лица болѣе тонкія и мелкія, выраженіе глазъ—болѣе мягкое.—Абхазскія дѣвушки въ общемъ очень миловидны, хотя имѣютъ очень крупныя черты лица, въ особенности чрезмѣрно длинный носъ. У нихъ чрезвычайно хороши большіе черные глаза, красиво вычерченныя брови и очень тонкій и стройный станъ. Красавицъ среди нихъ попадается очень мало. Большая часть красивыхъ типовъ давно была вывезена на продажу въ Турцію. Но и теперь еще въ нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ аулахъ—въ Отхарахъ Калдахварахъ, Блабурхвѣ, попадаются настоящія горскія красавицы,—вродѣ тѣхъ, о которыхъ въ старину шла такая громкая слава,—съ пышными волосами, съ необыкно-

---

[1]) См. эту легенду въ „Сборникѣ Матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ за 1892 г. (вып. XIII, отд. II).

венной бѣлизной и тонкостью кожи, съ великолѣпными черными глазами, томно глядящими изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, стройныя до очарованія. Замужнія женщины вообще быстро теряютъ свою красоту и абхазскія старухи сплошь и рядомъ представляютъ собой воплощенное безобразіе. Типъ женщинъ въ Ю. В. части Самурзакани значительно рознится отъ абхазскаго. Кромѣ того, въ Самурзакани можно встрѣтить женщинъ съ совершенно мингрельскимъ типомъ лица.

Одѣваются какъ мужчины, такъ и женщины вообще очень просто. Здѣсь нѣтъ того стремленія къ щегольству въ одеждѣ, которое замѣтно у мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ. Мужчины носятъ обыкновенно короткую получеркесску изъ грубаго сѣраго сукна мѣстнаго изготовленія, надѣвающуюся сверхъ ситцеваго бешмета, узкіе въ обтяжку штаны и самодѣльные башмаки, или, вѣрнѣе, сандаліи изъ необдѣланной телячьей кожи, такъ называемые «ажьцюэймà», замѣчательныя въ томъ отношеніи, что прежде чѣмъ ихъ можно надѣть, нужно ихъ долго размачивать. Необходимой принадлежностью костюма служитъ башлыкъ, который носятъ, то распуская концы его по плечамъ, то завязывая ихъ на головѣ на подобіе чалмы, по гурійски. Въ старину, еще не такъ давно (всего 30 лѣтъ назадъ), всѣ носили на головѣ высокія остроконечныя папахи изъ бурки; но теперь это вышло изъ моды, и всѣ носятъ мѣховыя шапочки мингрельскаго или кабардинскаго образца. За кожанымъ поясомъ съ насѣчками изъ серебра обыкновенно носятъ массу разнаго оружія и всегда по крайней мѣрѣ кинжалъ, съ которымъ никогда не разстаются.— Обычная одежда женщинъ состоитъ изъ длиннаго бешмета, такъ наз. «каба», поверхъ котораго носятъ нѣчто въ родѣ безрукавки, или жилетки обыкновенно пестраго и вообще отличнаго отъ каба цвѣта—то, что у турокъ называется «кантаръ», а по-абхазски «эйлакъ». Въ старину женская каба, вмѣсто пуговицъ или крючковъ, застегивалась красивыми серебряными застежками, т. н. чапразомъ. Шальвары (очень узкіе) составляютъ, разумѣется, необходимую принадлежность женскаго костюма. Обувью женщинъ служатъ обыкновенные кавказскіе сафьянные чавяки, или туфли. Въ старину, говорятъ, абхазки были сами великія мастерицы изготовлять красивый сафьянъ для обуви. Но теперь это искусство, кажется, совсѣмъ позабыто или существуетъ лишь въ нѣсколькихъ глухихъ аулахъ. Существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто черкешенокъ и въ томъ числѣ абхазокъ, еще съ дѣтства зашиваютъ въ длинный корсетъ, отъ котораго онѣ будто-бы освобождаются только по выходѣ замужъ. Мнѣніе это не вполнѣ основательно. Можетъ быть, у черкесовъ и существуетъ подобный обычай. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ, что онъ еще существуетъ кое-гдѣ въ Кабардѣ и у Кубанскихъ Абазинцевъ; но что касается Абхазіи—здѣсь онъ положительно не имѣетъ мѣста. Абхазскія

дѣвушки, дѣйствительно, носятъ нѣчто вродѣ корсета, но только не изъ грубой бараньей кожи, а изъ сафьяну, или—бѣдныя—просто изъ ситцу или полотна, и притомъ далеко не всѣ и не постоянно (надѣвая его лишь въ торжественныхъ случаяхъ). Тѣмъ не менѣе и существующая форма корсета сильно вредитъ красотѣ абхазской женщины. Абхазки, заботясь исключительно о томъ, чтобы талія ихъ была какъ можно стройнѣе и тоньше, своимъ плотнымъ корсетомъ сильно задерживаютъ развитіе грудей, которыя, развиваясь по выходѣ замужъ, принимаютъ, вслѣдствіе этого, некрасивую отвислую форму. Абхазскія женщины не носятъ какого-либо опредѣленнаго головнаго убора, какъ грузинки или гурійки. Ихъ головной покровъ ограничивается простымъ шелковымъ или бумажнымъ платочкомъ, который плотно охватываетъ волосы и завязывается сзади,—а по большей части онѣ ходятъ безъ всякаго головнаго убора. Волосы свои онѣ всегда тщательно заплетаютъ въ нѣсколько косъ. Обычай румяниться и подводить брови существуетъ въ Самурзакани, куда, вѣроятно, проникъ изъ Мингреліи. Впрочемъ, абхазки вовсе и не нуждаются въ этомъ, обладая очень красивымъ цвѣтомъ лица и бровями, лучше которыхъ не могъ бы навести на лицѣ женщины ни одинъ куафферъ-художникъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о жилищахъ, занятіяхъ и вообще о домашнемъ бытѣ абхазцевъ.

Абхазцы никогда не селятся скученными аулами, какъ дагестанскіе или кубанскіе горцы, а живутъ по большей части изолированными другъ отъ друга хуторами, которые окружены бываютъ фруктовыми садами и кукурузными плантаціями. Только въ Самурзакани, а изъ настоящей Абхазіи—въ тѣхъ общинахъ, гдѣ населеніе съиздавна было болѣе скучено, живутъ болѣе тѣсно и сакли съ ихъ кукурузными плантаціями слѣдуютъ безъ перерыва одна за другой. Обыкновенно же отдѣльныя хозяйства, или дымы (какъ ихъ принято называть на административномъ языкѣ), разбросаны на значительное одинъ отъ другаго разстояніе, отдѣляясь иногда другъ отъ друга небольшими перелѣсками, такъ что иногда одна абхазская деревня тянется верстъ на десять. Только въ послѣднее время туземцы начали заводить деревянныя жилища (аквàскè), на манеръ гурійскихъ или имеретинскихъ, которыя строятъ имъ плотники грузины. Обыкновеннымъ же, излюбленнымъ абхазцами и самурзаканцами жилищемъ, является ихъ національная сакля (по абхазски аӱнэ, по самурзакански пацха), плетеная изъ прутьевъ ивы или, чаще, рододендрона и покрытая сверху папоротникомъ или особымъ злакомъ, называемымъ по абхазски акармàшь. Обыкновенно, строятъ на каждомъ дворѣ нѣсколько сакель,—по крайней мѣрѣ двѣ-три: одну-парадную, предназначаемую для пріема гостей и для пребыванія самого домохозяина съ семействомъ, другую—играющую роль кухни и третью—для помѣщенія скота въ зимнее время. Для козъ существуетъ

всегда отдѣльный плетеный сарайчикъ, поставленный высоко на столбахъ, куда эти животныя, большіе любители лазить, взбираются по лѣсенкѣ. Подобный же сарайчикъ на столбахъ дѣлается для храненія кукурузы (для предохраненія ея отъ почвенной сырости). Въ каждомъ хозяйствѣ имѣется также отдѣльная плетушка для помѣщенія домашней птицы и плетеный сарайчикъ для храненія вина. Всякая жилая сакля имѣетъ спереди нѣчто вродѣ веранды, на которой хозяева обѣдаютъ и спятъ въ лѣтнее время. Войдя внутрь абхазской сакли, мы увидимъ прежде всего по серединѣ сакли мѣсто для очага, на которомъ всегда горитъ костеръ и надъ нимъ спускающійся съ поперечной балки подъ крышей на длинной цѣпи или палкѣ съ крючьями чугунный котелокъ для варки національнаго блюда—абыста (каши изъ кукурузной муки). Потолка въ саклѣ нѣтъ, нѣтъ и трубы, и дымъ прямо выходитъ сквозь щели стѣнъ. Возлѣ стѣнъ въ саклѣ стоятъ деревянныя тахты, или лавки съ разбросанными на нихъ маленькими цилиндрическими подушечками (грузинскія мутаги), а на одной изъ лавокъ стоятъ украшенные кованымъ желѣзомъ и мѣдью сундуки съ хозяйскимъ добромъ и цѣлою горою возвышаются сложенныя одно на другое пышныя ватныя одѣяла, которыхъ у каждой хозяйки бываетъ великое множество. По стѣнамъ развѣшано разное оружіе и парадная одежда хозяевъ, а также произведенія рукодѣлья хозяйки. Если хозяинъ дома добрый христіанинъ, у него непремѣнно красуется гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ раскрашенная русскаго произведенія лубочная картинка съ сюжетомъ изъ Св. Исторіи. Мебели, кромѣ низенькихъ скамеечекъ для сидѣнья у костра и такихъ же низенькихъ круглыхъ столиковъ, на которыхъ подаютъ пищу, въ саклѣ не полагается. Гдѣ-нибудь въ углу сакли, на столикѣ, разставлены немногосложныя принадлежности домашняго хозяйства: классическій мѣдный кувшинчикъ съ такимъ же тазикомъ (мингрельской работы) для омовенія рукъ и ногъ, одинъ-два стакана и нѣсколько деревянныхъ чашекъ нашего кустарнаго производства. Такова обстановка абхазской сакли, которая совершенно удовлетворяетъ нетребовательныхъ туземцевъ. Мы, разумѣется, рисуемъ обстановку средняго небогатаго абхазца, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, глухомъ аулѣ. Богатые люди, въ особенности князья и дворяне устраиваются гораздо комфортабельнѣе, на русскій или имеретинскій ладъ.

Что касается занятій абхазцевъ, то главное и, можно сказать, исключительное занятіе ихъ—земледѣліе. Землей владѣютъ на общинныхъ началахъ, а именно—всѣ незанятыя подъ культуру земли считаются собственностью общины (одной или нѣсколькихъ деревень), и всякій можетъ ими пользоваться, т. е. въ случаѣ надобности имѣетъ право расчистить ихъ подъ посѣвъ, пасти на нихъ скотъ и т. д. Сѣютъ абхазцы преимущественно кукурузу и немного гоми (Ponicum italicum). Кукурузу предпочитаютъ сѣять единственно на томъ

основаніи, что она требуетъ меньше ухода. Вся работа по культурѣ кукурузы ограничивается тѣмъ, что ранней весною—въ мартѣ, въ апрѣлѣ—кое-какъ вспахають первобытнымъ плугомъ землю, и въ концѣ апрѣля, а иные, болѣе лѣнивые хозяева даже въ концѣ мая, засѣиваютъ пашню подъ кукурузу; затѣмъ въ теченіе лѣта придется два-три раза перетохать кукурузу, т. е. выполоть въ ней сорныя травы; къ концу августа кукуруза поспѣваетъ, и ее начинаютъ исподволь—иногда вплоть до октября—собирать и сушить. Отдѣльнаго огорода при домѣ не бываетъ. Тутъ же, въ кукурузникѣ, сажаютъ арбузы и тыквы, по высокимъ стеблямъ кукурузы пускаютъ фасоль, а по загороди предоставляютъ виться огурцамъ. Отдѣльнаго сада по большей части также не существуетъ. Фруктовыя деревья и грецкіе орѣхи разбросаны частію на дворѣ, частію—по кукурузнымъ плантаціямъ. Тутъ же, по ольховымъ и хурмовымъ деревьямъ вьется абхазскій виноградъ. Около самаго дома мужчины засѣваютъ немного табаку, а женщины—хлопчатника. Послѣдній (назыв. по-абхазски а б а м б а) служитъ въ абхазскомъ быту вмѣсто нашего льна. Въ старину, говорятъ, сѣяли много льна, изъ котораго туземныя женщины умѣли приготовлять тонкія ткани, которыя сами же окрашивали растительной краской, получаемой изъ ягодъ дико растущей здѣсь Phytolacca decandra. Теперь ленъ, я слышалъ, разводятъ только въ глухомъ аулѣ Блабурхва, гдѣ вообще упорно держатся старины. Въ старину въ странѣ было сильно развито шелководство. Теперь оно почти оставлено и существуетъ только кой-гдѣ въ Самурзакани и Абусуа.

Хлопоты по домашнему хозяйству распредѣлены въ семьѣ слѣдующимъ образомъ. Полевыя работы и работы по сбору фруктовъ, винограда и приготовленію вина лежатъ исключительно на хозяинѣ дома. На немъ же лежитъ обязанность припасать валежникъ для костра и имѣть присмотръ за скотомъ—гонять его на пастьбу и обратно, доить козъ и коровъ. Дѣти, преимущественно мальчики, по мѣрѣ силъ помогаютъ отцу въ присмотрѣ за скотомъ. Женщины сравнительно съ мужчинами несутъ очень мало обязанностей. Въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи находится огородъ и хлопчато-бумажная плантація. Онѣ также должны убрать комнату, принести изъ источника воды и приготовить пищу. Въ свободное отъ этихъ работъ время онѣ занимаются рукодѣльемъ. Въ шитьѣ и въ особенности въ вязаньи онѣ большія искусницы.

Абхазцы—плохіе скотоводы. Впрочемъ, сама природа въ странѣ такова, что не позволяетъ вести этотъ родъ хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ. Развитію его препятствуетъ прежде всего отсутствіе постояннаго подножнаго корма. Хорошій подножный кормъ бываетъ въ странѣ только лѣтомъ на нагорныхъ лугахъ, куда обыкновенно и гоняютъ на это время скотъ. Осталь-

ное же время года скотъ остается внизу и съ трудомъ отыскиваетъ себѣ въ лѣсныхъ заросляхъ скудную пищу. Сѣно же у туземцевъ заготовлять не въ обычаѣ, да и крайне неудобно. Развитіе скотоводства тормозитъ также лихорадочность климата. Лучшія привозныя породы скота, какъ дознано печальнымъ опытомъ, не выдерживаютъ нездороваго климата страны и быстро чахнутъ. Выдерживаетъ климатъ и прочія неблагопріятныя условія только туземная, невзрачная на видъ, тощая и низкорослая скотина: крошечныя коровы, крошечные быки и такія же небольшія горскія лошадки. Лошадей туземцы очень любятъ, такъ какъ почти всѣ—отличные наѣздники, и выработка умѣнья хорошо править лошадью входитъ существеннымъ элементомъ въ программу абхазскаго воспитанія. Изъ другихъ животныхъ держатъ козъ и буйволовъ, которые чувствуютъ себя въ этой странѣ превосходно. Боранты разводятъ въ Абхазіи очень мало.—Прежде одной изъ важныхъ статей абхазской промышленности былъ звѣриный промыселъ, именно—ловля куницъ въ особые капканы, а также добываніе мёда дикихъ пчелъ. Въ настоящее время, благодаря введенію въ странѣ новыхъ лѣсныхъ законовъ, воспрещающихъ охоту и сборъ меду безъ билета отъ лѣсничаго, оба эти промысла почти оставлены. Въ Самурзакани и Абжуа много занимаются пчеловодствомъ.

Торговлей абхазцы не занимаются и терпѣть ея не могутъ, считая это занятіе позорнымъ, также какъ и ростовщичество. Самурзаканцы держатся точно такого же взгляда на торговлю, и это рѣзко отличаетъ ихъ отъ ихъ сосѣдей Мингрельцевъ, которые въ душѣ всѣ страшные торгаши. Торговля въ Абхазіи находится всегда въ рукахъ мингрельцевъ, армянъ или турокъ. Обыкновенно въ каждомъ большомъ абхазскомъ селеніи находьтся одинъ-два духана, или лавочки, куда туземцы сносятъ для промѣна свои естественныя произведенія—кукурузу, мѣстное сукно, сыръ, домашнюю птицу. Денегъ при промѣнѣ не употребляются. Каждый кусокъ ситцу или каждый платокъ идетъ за извѣстную мѣру кукурузы или за извѣстное число кружковъ сыру. Матеріи, кстати, туземцы при покупкѣ мѣрятъ всегда локтями—счета на аршины избѣгаютъ. Кромѣ своихъ излюбленныхъ посредниковъ въ торговлѣ—армянъ, мингрельцевъ и турокъ, они ни съ кѣмъ другимъ въ торговыя сношенія не вступаютъ, и ни за какія деньги русскому путешественнику нельзя пріобрѣсти какой-либо предметъ, который однако охотно промѣняютъ духанщику за половину его дѣйствительной стоимости. Все сказанное относится, разумѣется, во 1) къ жителямъ болѣе отдаленныхъ, глухихъ ауловъ и во 2) къ простымъ крестьянамъ. Что же касается князей и дворянъ, то нѣкоторые изъ нихъ,—въ особенности обладающіе большими помѣстьями,—занимаются

дѣятельной торговлей, главн. образ. отправкой кукурузы и самшитоваго дерева за границу.

Описывая занятія жителей, намъ слѣдовало бы теперь сказать нѣсколько словъ объ ихъ бывшемъ сословномъ раздѣленіи. Но такъ какъ со времени введенія въ 1866 году на Кавказѣ крестьянской реформы раздѣленія на сословія болѣе не существуетъ, и жизнь населенія складывается теперь совсѣмъ уже на другихъ началахъ чѣмъ прежде, то мы считаемъ это излишнимъ и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ обстоятельнымъ статьямъ объ этомъ предметѣ, напечатаннымъ въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ» за 70-й и 71-й годы [1]).

Покончивъ съ обозрѣніемъ физическаго типа абхазцевъ и ихъ внѣшней культуры, перейдемъ теперь къ характеристикѣ изъ внутренняго міра. Начнемъ съ характера абхазцевъ. Абхазцы вообще очень живы, порывисты въ душевныхъ движеніяхъ, крайне любопытны и склонны къ болтливости не менѣе женщины. Поговорка: «болтливъ какъ баба», поэтому не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Наблюдая разговоръ абхазцевъ, удивляешься его живости и массѣ жестикуляцій и звукоподражаній, которыя его сопровождаютъ.—Абхазцы—большіе любители пѣнья. Пѣсни ихъ однако очень монотонны и дики для нашего слуха, и состоятъ по большей части изъ повторенія безсмысленныхъ словъ: «уара да, уара да» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обыкновенно кто-нибудь высокимъ голосомъ запѣваетъ, а остальные хоромъ ему временами вторятъ, какъ бы аккомпанируя, обыкновенно на низкихъ нотахъ, Иногда запѣвало импровизируетъ, разсказывая какой-нибудь забавный случай или кого-нибудь восхваляя. Дѣвушки поютъ очень рѣдко, изъ скромности. Абхазцы любятъ потанцовать; но танцы ихъ очень однообразны и неинтересны. Въ Абжуа и Самурзакани еще пляшутъ съ грѣхомъ пополамъ лезгинку, но въ Бзыбской Абхазіи танцы solo напоминаютъ прыганье козы. Самый распространенный изъ всѣхъ танцевъ—это т. н. «круговой танецъ», или «танецъ плечъ» (по абхаз. напэӥ эбаппыквашера, по самурзакански «худжи скапуа). Молодые люди и дѣвушки берутся за руки и составляютъ общій кругъ. Подъ звуки пѣсни, которая поется всѣмъ хоромъ, всѣ въ тактъ подпрыгиваютъ или кружатся въ ту или другую сторону. Такіе танцы устраиваются на собраніяхъ въ большіе праздники—праздникъ Пасхи, Рождества, Св. Георгія и на свадьбахъ. Занятіе музыкой въ большомъ

---

[1]) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани). „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. V.

Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани. „Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.“ вып. III.

ходу въ Абхазіи. Почти въ каждой саклѣ имѣется какой-нибудь музыкальный инструментъ. Въ Бзыбской Абхазіи преобладаетъ родъ скрипки, называемой по абхазски «абхерцà» или «чіануръ», въ Абжуа и Самурзакани— мингрельскій чонгури. Послѣдній инструментъ разительно напоминаетъ своей формой испанскую мандолину. Абживскія абхазки и самурзаканки большія мастерицы играть на чонгури. Въ послѣднее время въ Бзыбской Абхазіи стала быстро распространяться русская гармоника.

Одно изъ любимѣйшихъ увеселеній абхазцевъ составляютъ скачки. Онѣ устраиваются при всякомъ удобномъ случаѣ, когда только бываетъ народное собраніе—на праздникахъ, на свадьбахъ, на поминкахъ. На поминкахъ устраиваются специальныя скачки—скачки дѣтей. Карапузиковъ, едва видныхъ отъ земли отъ 8—10 лѣтъ, сажаютъ на горячихъ коней, и они мчатся на нихъ во весь карьеръ. Стрѣльба въ цѣль составляетъ также излюбленную народную забаву, безъ которой не обходятся ни одни поминки и ни одна свадьба.

Абхазцы очень привѣтливы, вѣжливы въ обращеніи и даже, если хотите, галантны. Иногда бываешь положительно пораженъ тактомъ, съ какимъ умѣетъ держать себя какой-нибудь простой абхазскій крестьянинъ. Умѣнье держать себя, такъ сказать хорошій тонъ абхазцевъ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ другими горцами, напримѣръ—ихъ кубанскими сосѣдями, карачаевцами: послѣдніе кажутся въ сравненіи съ абхазцами какими-то неучами и дикарями. Когда вы пріѣзжаете въ абхазскій домъ, хозяинъ и хозяйка послѣ первыхъ привѣтствій сейчасъ же освѣдомляются о состояніи здоровья васъ самихъ и вашего семейства, и если бы вамъ хотѣлось съ дороги отдохнуть, спѣшатъ удовлетворить ваше желаніе и оставляютъ васъ въ покоѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ того назойливаго любопытства, доходящаго до безцеремонности, которое проявляютъ по отношенію къ гостю карачаевцы или сванеты. Когда вы находитесь въ дорогѣ—всё равно, кто бы вы ни были, вы получаете отъ всѣхъ встрѣчныхъ привѣтливое «здравствуй» («бзелаабыйдъ») или «добрый день», «добрый вечеръ» («шабзе», «хулабзе»). Этого уже вы не встрѣтите на дорогахъ въ Мингреліи. Къ встрѣчнымъ пастухамъ обращаются съ привѣтствіемъ «бзе-хэйтъ», «да будетъ здоровъ твой скотъ»; людей, занятыхъ полевыми работами, привѣтствуютъ словами: «бзе жуй», т. е. «да спорится твоя работа», и т. д.—Что касается абхазскаго гостепріимства, то оно, полагаю, слишкомъ общеизвѣстно, чтобы о немъ стоило распространяться. Скажу только, что на основаніи обычая гостепріимства, всякій проѣзжающій имѣетъ полное право остановиться въ любой саклѣ, въ какое бы то ни было время дня и ночи, и домохозяинъ не только не будетъ за это въ претензіи, но, напротивъ, будетъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что вы заглянули въ его жилище. Совершенно невѣрно ходячее въ публикѣ мнѣніе, будто абхазецъ, зазвавъ проѣзжаго

къ себѣ въ саклю и хорошо угостивъ его, затѣмъ подстерегаетъ его на дорогѣ, грабитъ и убиваетъ. Ничего подобнаго на дѣлѣ не существуетъ, и самый фактъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ абхазскимъ взглядомъ на обязанности хозяина по отношенію къ гостю. Гостепріимство здѣсь не только простой обычай, но скорѣе—законъ, вообще нѣчто священное, что нарушить считается важнымъ грѣхомъ, не говоря уже о томъ, что нарушеніе его навлекаетъ на того, кто дозволитъ себѣ сдѣлать это, всеобщее порицаніе. Каждый хозяинъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, старается предложить гостю все, что у него есть лучшаго изъ съѣстнаго, и приготовить ему для отдыха самое пышное, какое только найдется у него въ домѣ ложе. Во время угощенія хозяинъ будетъ все время стоять, не смѣя сѣсть съ вами за столъ безъ вашего приглашенія. Его старшая дочь или жена разноситъ вамъ кушанья и подаетъ воду для омовенія рукъ до и послѣ ужина, а когда вы будете ложиться спать, та же дѣвушка подойдетъ къ вамъ помочь вамъ раздѣться и омыть ваши ноги.

У абхозуевъ очень развито чувство собственнаго достоинства. Они не такъ обидчивы и вспыльчивы какъ гурійцы, но тѣмъ не менѣе, не выносятъ даже простой брани и тѣмъ болѣе—побоевъ. Всякаго, кто позволитъ себѣ оскорбить абхазца дѣйствіемъ, ожидаетъ кровная месть со стороны обиженнаго. Ругательствъ на обхазскомъ языкѣ не существуетъ, и сварливые люди не пользуются въ странѣ никакимъ уваженіемъ. Особенно позорнымъ считается оскорбить, хотя бы простыми словами, женщину и въ особенности дѣвушку. Не было еще примѣра, чтобы такое оскорбленіе оставалось безнаказаннымъ: обидчика неминуемо ожидаетъ смерть отъ руки брата или мужа обиженной.

Абхазцы довольно лѣнивы, медлительны въ своихъ движеніяхъ и чрезвычайно склонны къ праздности. Проѣзжающій постоянно видитъ цѣлыя группы туземцевъ, праздно валяющихся лѣтними жаркими днями въ тѣни раскидистыхъ орѣховъ. Когда надоѣдаетъ лежать подъ однимъ деревомъ, нереходятъ подъ другое. Время для абхазцевъ ничего не стоитъ, и проѣзжему путешественнику, вступившему въ сношенія съ ними по какому-нибудь дѣлу, напримѣръ, по найму лошади, приходится сильно испытывать свое терпѣніе. Впрочемъ, упрекъ въ лѣности и праздности мы не имѣемъ права бросать въ лицо всѣмъ голословно. Среди туземцевъ попадаются много очень работящихъ людей, которые не любятъ сидѣть ни минуты безъ дѣла, и благосостояніе которыхъ создалось исключительно ихъ честнымъ трудомъ.

Абхазцевъ очень часто, и не безъ нѣкотораго основанія, упрекаютъ въ страсти къ конокрадству. Въ послѣдніе годы, дѣйствительно, порокъ этотъ достигъ ужасающихъ размѣровъ и принялъ характеръ настоящаго народнаго зла. То, что дѣлалось въ Абхазіи въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ на-

стоящаго (1892) года, положительно выходитъ за предѣлы вѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе, рискованно приписывать это дурное качество всему народу. Какъ отлично извѣстно всякому, кому случилось пожить болѣе или менѣе долгое время въ Абхазіи, занятіе конокрадствомъ въ настоящее время стало почти исключительной привиллегіей бывшаго класса князей и дворянъ, считающихъ унизительнымъ для себя заниматься какой бы то ни было работой. Почти въ каждомъ селеніи укажутъ вамъ на какого-нибудь изъ князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворянъ Лакербайя и Моргани, какъ на извѣстнаго въ округѣ вора. Вообще же у абхазцевъ занятіе конокрадствомъ считается дѣломъ предосудительнымъ, и человѣкъ, разъ въ немъ заподозрѣнный, не пользуется уже никакимъ уваженіемъ.

Абхазцы отличаются необыкновенной выносливостью и способны въ дорогѣ дѣлать громадные переходы при самой скудной пищѣ. Трудно бываетъ повѣрить, чтобы тотъ же самый лѣнивый абхазецъ, который внизу, въ деревнѣ, составлялъ ваше мученіе, досаждая вамъ своею медлительностью, могъ такъ внезапно и такъ полно переродиться, какъ только онъ попадаетъ въ горы. Горы и лѣсъ—это настоящая стихія абхазца.

Абхазцы чрезвычайно воздержны въ пищѣ. Ѣдятъ обыкновенно всего 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ—пищу, неизмѣнно состоящую изъ кукурузной каши, т. н. «абысты» (тоже что у черкесовъ «пааста»), изъ свѣжаго или круто просоленнаго козьяго или коровьяго сыру и кислаго молока. Иногда къ этому скудному обѣду присоединяютъ еще имеретинскую лобію (по абхаз. «àкодъ»), т. е. вареную фасоль, протертую вмѣстѣ съ грецкими орѣхами и краснымъ перцемъ, поджаренный на огнѣ початокъ молодой кукурузы и кой-какія овощи. Въ случаѣ пріѣзда гостя всегда рѣжется курица, а иногда—баранъ, и печется сдобный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ. Масла туземцы приготовлять не умѣютъ и потому его нѣтъ въ употребленіи. Вина туземцы выдѣлываютъ много (есть иные домохозяева, изъ простыхъ крестьянъ, которые заготовляютъ его до 500 ведеръ въ годъ), потому что они большіе любители этого напитка и пьютъ его много, въ особенности въ гостяхъ. Впрочемъ пьянство здѣсь совершенно неизвѣстно, и считается крайне неприличнымъ для мужчины быть на-веселѣ и вообще выказывать какіе бы то ни было признаки опьяненія.

Равнымъ образомъ, абхазцы чрезвычайно цѣломудренны. Мужчины не знаютъ женщинъ иногда лѣтъ до 30—35, до самой своей женитьбы. Совершенно лишены основанія сообщаемыя Гавріиломъ, еп. Имеретинскимъ, свѣдѣнія о половой разнузданности абхазцевъ. Отношенія молодыхъ людей обоего пола, напротивъ того, отличаются безукоризненной чистотой, доходящей до пуризма. Никакихъ внѣбрачныхъ отношеній не допускается, и молодого че-

ловѣка, соблазнившаго дѣвушку, неизбѣжно ожидаетъ кровная месть со стороны ея родственниковъ. Если же дѣвушка согласилась раздѣлить его любовь добровольно, ее ожидаетъ всеобщее презрѣніе. Обычай не позволяетъ даже молодому человѣку объясниться въ любви дѣвушкѣ и тѣмъ болѣе—обратно. Это считается чрезвычайно стыднымъ, и никто не рѣшится сдѣлать этого. Обыкновенно, если молодому человѣку нравится дѣвушка, и онъ хотѣлъ бы на ней жениться, онъ подсылаетъ отъ себя какое-нибудь довѣренное лицо къ ея наперсницѣ вывѣдать, нравится ли ея подругѣ такой-то? Если окажется, что—да, начинается формальное сватовство. Хотя въ настоящее время браки устраиваются по большей части родителями, но тѣмъ не менѣе желаніе послѣднихъ не обязательно для дѣвушки, и она вольна выбрать себѣ кого ей хочется.

Абхазцы, повидимому, очень страстны—что доказывается лучше всего уголовной хроникой: наибольшее число убійствъ въ странѣ—которыя, кстати сказать, приняли въ послѣдніе годы хроническій характеръ, совершаясь регулярно разъ или даже по два раза въ мѣсяцъ—вызваны ревностью или же являются послѣдствіями очень распространеннаго въ странѣ обычая умыкать невѣстъ. Умыканіе производится или съ предварительнаго согласія дѣвушки или же насильно, и въ послѣднемъ случаѣ дѣло не обходится безъ нѣсколькихъ жертвъ, какъ со стороны партіи похитителя, такъ и со стороны родственниковъ дѣвушки, которые бросаются въ погоню за похитителемъ.

Что касается брака, то въ нашей формѣ, т. е. брака, освященнаго церковью, у абхазцевъ не существуетъ. Его избѣгаютъ даже самурзаканцы, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ревностные христіане. Существуетъ 2 типа брака у туземцевъ, изъ которыхъ одинъ—чисто туземный, а другой—заимствованъ изъ Турціи, и его придерживаются исключительно магометане (здѣсь мы дѣлаемъ оговорку, что нѣкоторую часть свѣдѣній о бракѣ мы заимствуемъ изъ статьи неизвѣстнаго автора (три звѣздочки) въ VI вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]). Первый родъ брака состоитъ въ томъ, что, заручившись согласіемъ дѣвушки и ея родителей, женихъ приноситъ отцу дѣвушки, ея матери и ближайшимъ родственникамъ болѣе или менѣе цѣнные подарки. Цѣнность подарковъ обусловливается состояніемъ жениха. У богатыхъ князей иногда идутъ въ даръ цѣлые табуны породистыхъ лошадей. Съ своей стороны, отецъ невѣсты отдариваетъ жениха подарками равной стоимости. Разъ обмѣнъ подарками произошелъ, бракъ считается заключеннымъ, и женихъ имѣетъ право взять къ себѣ дѣвушку. Брачный пиръ обыкновенно слѣдуетъ

---

[1]) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина «Очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ».

сейчасъ же послѣ обмѣна подарками. Но такъ какъ женихъ или отецъ невѣсты очень часто не могутъ собраться съ средствами, чтобы представить всѣ подарки сразу, то брачный пиръ откладывается на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда на годъ или даже на два. Въ промежутокъ времени между первымъ обмѣномъ подарками и свадебнымъ пиромъ, дѣвушка или уходитъ въ домъ къ своему мужу — въ случаѣ, если остановка за подарками произошла со стороны отца невѣсты, или же—въ случаѣ, если задержка за подарками существуетъ у жениха—продолжаетъ жить въ родительскомъ домѣ, гдѣ однако женихъ можетъ свободно видаться съ ней. Это одинъ родъ брака, наиболѣе въ странѣ распространенный. Другой видъ брака, заимствованный у мусульманъ, состоитъ въ томъ, что женихъ даетъ дѣвушкѣ такъ называемый «мѣкяхъ», или письменное обязательство обезпечить ее извѣстной суммой денегъ на случай добровольнаго развода или его смерти (жена въ Абхазіи не пользуется имущественными правами послѣ смерти мужа). Мѣкяхъ закрѣпляется муллой и свидѣтелями, при прочтеніи извѣстной молитвы. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать мѣкяхъ съ калымомъ. Калымъ всегда означаетъ покупку женщины и указываетъ на приниженное состояніе женщины въ странѣ, гдѣ онъ существуетъ. Мѣкяхъ же, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно свободномъ положеніи женщины. О значительномъ развитіи правъ женщины говоритъ между прочимъ и тотъ фактъ, что разводъ въ Абхазіи крайне обыкновенное явленіе и совершается чрезвычайно легко; женщина послѣ развода вольна выйти замужъ за кого ей угодно. Но это бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если разводъ произошелъ по добровольному соглашенію супруговъ. Если же разводъ произошелъ по винѣ жены, виновную ожидаетъ общее презрѣніе, а мужъ, мало того, что воленъ расправиться какъ ему угодно съ соблазнителемъ, имѣетъ еще право требовать отъ родственниковъ жены уплаты кровомщенія (т. е. цѣны крови его жены, которую, по обычаю, онъ могъ бы убить за ея невѣрность).

Скажу теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ домѣ мужа и о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Жена въ домѣ считается полной хозяйкой и вовсе не занимаетъ въ домѣ того угнетеннаго положенія, на которое указываютъ нѣкоторые авторы, а со словъ ихъ и Дубровинъ. Напротивъ того, какъ мы уже это видѣли, на женщинахъ лежитъ весьма мало хозяйственныхъ обязанностей. Жена можетъ самостоятельно принимать въ отсутствіе мужа гостей, и сама выѣзжать изъ дому безъ мужа, лишь въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ приближенныхъ людей (свита эта назначается вовсе не для охраненія женщины въ дорогѣ, а исключительно для почета). Очень часто бываетъ, что жена отправляется одна хлопотать по разнымъ дѣламъ мужа. Роль хозяйки дома—вѣжливой, обходительной, распоря-

дительной, абхазки, даже изъ простыхъ крестьянокъ, ведутъ съ поразительнымъ умѣньемъ. Вообще, относительно абхазской женщины можно сказать, что она по развитію стоитъ гораздо выше мужчины. Многія абхазки получаютъ въ настоящее время образованіе въ 3-классной женской прогимназіи въ Сухумѣ, тогда какъ для абхазскихъ мальчиковъ другихъ школъ, кромѣ первоначальныхъ горскихъ, въ краѣ не существуетъ.—Посторонняго человѣка поражаетъ необыкновенная странность отношеній, существующихъ въ абхазской семьѣ между супругами, въ особенности между молодыми. Такъ, новобрачные въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ брака не имѣютъ права въ присутствіи отца, матери, старшаго брата или гостя, находиться вмѣстѣ: если мужъ входитъ въ комнату, гдѣ находится одно изъ названныхъ лицъ, жена сейчасъ же удаляется изъ комнаты, и наоборотъ. Точно также, мужъ не можетъ обращаться къ своей женѣ въ присутствіи такихъ лицъ, съ какимъ-либо вопросомъ или приказаніемъ: онъ всегда ей передаетъ таковые черезъ третье лицо. Наконецъ, мужъ не смѣетъ произносить настоящаго имени своей жены. Если кто-нибудь незнакомый съ абхазскими обычаями спроситъ у абхазца, какъ зовутъ его жену, ему ни за что не удастся добиться отъ послѣдняго отвѣта, и онъ поневолѣ долженъ будетъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ кому-нибудь изъ присутствующихъ. Для того, чтобы обращаться къ своей женѣ, мужъ придумываетъ ей какую-нибудь условную кличку. Но Боже его избави назвать ее по имени: это навлекло бы на него всеобщее порицаніе. Всѣ эти курьезные факты, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ объ образцахъ не упоминались. Будучи крайне заинтересованъ ими, я подвергъ ихъ тщательной провѣркѣ. Оказывается, что такія странныя отношенія между супругами распространены во всей Бзыбской Абхазіи, Абжуа и даже отчасти въ Самурзакани. Любопытно, что подобныя же отношенія между супругами существовали и у черкесовъ, напримѣръ—у кабардинцевъ [1]).

Полагаю, что сказаннаго совершенно достаточно, чтобы дать вамъ понятіе о взглядѣ абхазцевъ на бракъ и на взаимныя отношенія супруговъ. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ отношеній между родителями и дѣтьми. Отношенія родителей къ дѣтямъ у абхазцевъ отличаются необыкновенной нѣжностью. Совершенно лишено основанія утвержденіе, высказываемое Гавріиломъ еп. Имеретинскимъ, будто абхазцы никогда не ласкаютъ и вообще не любятъ своихъ дѣтей. Напротивъ того, все, что мы видѣли, указываетъ на то, что въ отношеніяхъ родителей къ своимъ дѣтямъ существуетъ самая трогательная нѣжность. Тѣлесныхъ наказаній—не только розогъ, но и

---

[1]) Срв. народныя сказанія Кабардинцевъ, помѣщенныя въ «Сборникѣ Свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ», за 1871 годъ.

болѣе невинныхъ, въ родѣ щелчковъ, дранья за волосы и т. п., при воспитаніи совершенно не практикуется, такъ какъ туземцы вообще гнушаются тѣлесныхъ наказаній и тѣмъ болѣе позорнымъ считаютъ примѣнять ихъ къ существамъ беззащитнымъ и притомъ столь дорогимъ для нихъ, какъ дѣти. Вообще, на нашъ взглядъ, дѣтей въ Абхазіи даже черезчуръ балуютъ. Намъ рѣдко случалось слышать даже, чтобы мать прикрикнула на своего ребенка. Въ свою очередь, дѣти платятъ родителямъ крайней почтительностью и послушаніемъ. Почтительное отношеніе къ старшимъ вообще составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ жизни Абхазіи. Дѣти и даже взрослые молодые люди по обычаю не имѣютъ права въ присутствіи старшихъ садиться и должны все время скромно молчать до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ старшихъ не обратится къ нимъ съ вопросомъ. Всегда, какъ только входитъ въ комнату старикъ, принято всѣмъ, и старымъ и малымъ, вставать съ мѣста и садиться вновь только тогда, когда старикъ пригласитъ ихъ; всякое лицо, какъ бы вліятельно оно ни было, не исключая и князей, подчиняется этому обычаю. Всякое мнѣніе, высказываемое стариками, выслушивается присутствующими съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Говоря объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, мы должны упомянуть о чрезвычайно распространенномъ въ Абхазіи и въ особенности въ Самурзакани *обычаѣ отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужую семью.* Обычай этотъ существуетъ преимущественно у князей и дворянъ, а изъ простыхъ крестьянъ у тѣхъ, кто имѣетъ большія средства, такъ какъ отдача дѣтей на воспитаніе, равно какъ и усыновленіе ихъ сопряжены съ большими расходами. Обычай требуетъ, чтобы какъ лицо, отдающее ребенка на воспитаніе, такъ и вскормившій его воспитатель обмѣнялись цѣнными подарками. Обычай отдавать дѣтей на воспитаніе вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практическаго свойства соображеніями, а возникъ еще въ давнія времена, вслѣдствіе желанія установить болѣе тѣсную связь между различными фамиліями. Желаніе это въ особенности имѣло свой raison d'être въ эпоху до покоренія нами Абхазіи, когда страна была раздираема постоянными междоусобіями, и кровная вражда была въ полномъ разгарѣ. Къ обычаю усыновленія часто прибѣгали, чтобы покончить мирнымъ путемъ кровавую вражду, существовавшую между 2 семействами. Въ послѣднемъ случаѣ обидчикъ отдавалъ своего сына на воспитаніе къ обиженному, и когда тотъ возвращалъ ему послѣдняго съ подарками, вражда считалась поконченной. Иногда лицо, которое желало заручиться чьимъ либо содѣйствіемъ въ очень важномъ для него дѣлѣ, если оно не разсчитывало на простое обѣщаніе этого послѣдняго и хотѣло получить отъ него болѣе надежную гарантію, оно вступало съ нимъ въ молочное родство; для этого оно прикладывалось гу-

бами къ сосцамъ его жены или матери, послѣ чего оно считалось ими усыновленнымъ, и его новые молочные родственники были обязаны заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ или братѣ. Подобный обрядъ усыновленія пришлось между прочимъ продѣлать автору «Воспоминаній Кавказскаго Офицера», когда онъ нанималъ проводника для своего опаснаго путешествія въ горы и желалъ получить отъ послѣдняго гарантію въ томъ, что онъ его не выдастъ. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитаніе, относится къ нему какъ бы къ собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чѣмъ родной отецъ или мать. Такъ какъ ребенокъ находится у кормильца лѣтъ до 12, а мальчики даже и до 16, и только тогда возвращается родителямъ, то это разумѣется вліяетъ до нѣкоторой степени на отношеніе его къ этимъ послѣднимъ: платя имъ должную дань уваженія, онъ, естественно, съ большей нѣжностью будетъ относиться къ своимъ кормильцамъ. Молочное родство у абхазцевъ считается отнюдь не менѣе важнымъ чѣмъ кровное. Лицо изъ фамиліи, которая находится въ молочномъ родствѣ съ другою фамиліей, не имѣетъ права вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ этой послѣдней фамиліи—хотя бы то были отдаленные родственники. Замѣтимъ, что обычай вступать въ молочное родство былъ сильно развитъ и у черкесовъ, гдѣ онъ носилъ названіе аталычества (аталыкъ-кормилецъ).

Теперь намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о туземномъ обычномъ правѣ и о примѣненіи судебныхъ обычаевъ къ судопроизводству. Предметъ этотъ, однако, настолько обширный, что разсмотрѣніе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко,—къ тому же мы лично почти не собрали о немъ свѣдѣній. Отсылаемъ поэтому гг. интересующихся къ обстоятельной статьѣ, посвященной этому предмету въ IV вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію религіознаго состоянія абхазцевъ. О религіозномъ состояніи Абхазіи писалось очень много—пожалуй, болѣе чѣмъ о чемъ-либо прочемъ. Къ сожалѣнію, далеко не все написанное по этому вопросу заслуживаетъ довѣрія. Въ особенности грѣшатъ противъ истины мелкія статейки разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщавшіяся въ газетѣ «Кавказъ» за 60-е годы. Свѣдѣнія же о религіи абхазцевъ, сообщаемыя беллетристомъ 50-хъ годовъ Савиновымъ въ его «Достовѣрныхъ разсказахъ объ Абхазіи» абсолютно не вѣрны и не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны. Авторъ во 1) пользуется чужими наблюденіями, которыя онъ прикрашиваетъ произведеніями собственной фантазіи, и во 2) онъ постоянно путаетъ Абазеховъ, Абазинъ и Абхазцевъ, между тѣмъ какъ первые, какъ мы

---

[1]) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству въ Абхазіи.

уже упоминали, представляютъ народъ, относящійся къ черкесской группѣ адыге и не имѣющій съ абхазцами рѣшительно ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ религіи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, у Савинова попадаютъ въ число абхазскихъ божествъ такія, какъ Тлепсъ, богъ огня, какъ Мизитхъ, богъ лѣсовъ—божества чисто черкесскія, о которыхъ абхазцы не имѣютъ никакого представленія. Къ сожалѣнію, сообщаемыя Савиновымъ свѣдѣнія вошли полностью въ почтенный трудъ Дубровина.—Цѣнныя свѣдѣнія о языческихъ божествахъ Абхазіи мы находимъ въ статьѣ бывшаго начальника Сухумскаго округа, г. Введенскаго (въ V вып. «Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц.» [1]). Кажется однако, что почтенный авторъ излишне умножилъ число абхазскихъ божествъ, а о нѣкоторыхъ даетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе. Такъ напримѣръ, онъ упоминаетъ объ абхазскомъ божествѣ адзызланъ, которую онъ называетъ покровительницей водъ. Адзызланъ, по нашимъ разспросамъ, есть просто русалка, водяная нимфа, по большей части очень злая женщина, по однимъ очень безобразная, съ длинными отвислыми грудями, которыя она забрасываетъ себѣ за плечи; по другимъ—напротивъ, очень красивая голубоглазая дѣвушка съ длинными распущенными волосами. Вообще, показанія объ адзызланъ отличаются сбивчивостью: очевидно, старыя преданія стали уже забываться. Однако всѣ сходятся на томъ, что адзызланъ — всѣ очень сильныя женщины, и всякому, кто имѣетъ несчастіе встрѣтиться съ ними, предлагаютъ помѣряться силами: если адзызланъ одолѣетъ, она заставляетъ побѣжденнаго жить съ ней въ теченіи извѣстнаго времени.—Самыя цѣльныя свѣдѣнія о языческой религіи абхазцевъ мы находимъ въ «Очеркахъ Абхазской Миѳологіи», написанныхъ природнымъ абхазцемъ, Соломономъ Званбойя. [2]) Наши мимолетныя наблюденія не могли ничего прибавить существеннаго къ этимъ свѣдѣніямъ и потому мы отсылаемъ къ статьямъ Званбойя и Введенскаго всѣхъ интересующихся въ подробностяхъ религіозными воззрѣніями абхазцевъ. Здѣсь же, для полноты нашего этнографическаго очерка, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи, въ которомъ мы застаемъ страну въ настоящее время. Абхазія въ настоящее время переживаетъ тотъ моментъ, когда религіозныя вѣрованія, завѣщанныя стариной, забываются, а новыхъ основъ религіи населеніе воспринять не успѣло. Вслѣдствіе этого, въ умахъ населенія существуетъ полный хаосъ воззрѣній; обрывки языческихъ вѣрованій перемѣшиваются въ нихъ съ остатками стариннаго христіанства и съ кой-какими магометанскими предразсудками. Хотя теперь въ странѣ усиленно стараются распространять христіанство, но способъ, принятый для распростране-

---

[1]) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, А—а (Введенскаго).

[2]) „Кавказъ“ 1867 г. №№№ 74, 75, 76.

нія его таковъ, что едвали можетъ положить прочную основу христіанскаго ученія въ умахъ населенія. А между тѣмъ, какъ легко было бы посѣять здѣсь сѣмена христіанства. Абхазія вѣдь съиздавна была христіанской страной. Какъ извѣстно, абхазцы приняли христіанскую вѣру еще при императорѣ Юстиніанѣ. До сихъ поръ еще въ странѣ сохранилось уваженіе къ древнимъ храмамъ въ Пицундѣ, Драндахъ, Лыхнахъ, Илори—памятникамъ христіанской культуры XI вѣка, которыя такъ обстоятельно описаны въ сочиненіяхъ Dubois de Montpéreux, Кондакова, Нордманна и проч. Этимъ храмамъ приносятся въ извѣстное время жертвы, они считаются неприкосновенными, и присяга, произнесенная въ нихъ, нерушимой. До сихъ поръ туземцы исполняютъ нѣкоторые христіанскіе обряды, чтутъ Великій и Успенскій посты, празднуютъ день св. Пасхи, Рождества, св. Георгія, Михаила и Гавріила, на Пасху красятъ яйца и проч. Кромѣ того, если прочесть внимательно Очерки Абхазской Миѳологіи» Званбойя, не трудно убѣдиться, что даже при своихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ, называя имя какого-нибудь языческаго бога, абхазцы тѣмъ не менѣе обращаются не къ какимъ нибудь фетишамъ или олицетвореніямъ божества, а къ всемогущему Вышнему Богу. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный однимъ абхазцемъ Соломону Званбойя. Званбойя однажды спросилъ старика-пастуха, совершавшаго жертвоприношеніе, кого онъ подразумѣваетъ подъ именемъ «Хахту» (Всевышній), котораго онъ призывалъ при обрядѣ. Тотъ отвѣчалъ ему: «Бога, Создателя всего міра и человѣка». Званбойя предложилъ ему принять христіанскую вѣру. Пастухъ сказалъ, что радъ сдѣлать это, но не знаетъ, что читаетъ священникъ; когда же онъ самъ съ открытою душою простираетъ руки къ Богу и собственными словами проситъ о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи благъ, то на душѣ дѣлается легче».— Къ числу остатковъ древняго христіанства слѣдуетъ между прочимъ отнести очень распространенное въ Абжуа и Самурзакани моленіе архангеламъ Михаилу и Гавріилу (по самурзакан. Самгаріа-хвама, по абхаз. Самкагаріа-лыпха-хавай, или Микамгаріа-анэхера). Объ этомъ моленіи въ литературѣ не упоминалось, и поэтому я вкратцѣ опишу его. Моленіе въ честь Михаила и Гавріила совершается разъ въ годъ, обыкновенно по понедѣльникамъ. Домохозяинъ, задумавшій его, приглашаетъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей (мужчинъ). Передъ началомъ моленія рѣжутъ теленка, и всѣ присутствующіе гости и члены семейства собираются въ саклѣ около кувшина съ виномъ, зарытаго въ землѣ. Затѣмъ всѣ преклоняютъ колѣна и старшій въ семьѣ зажигаетъ восковую свѣчу и бросаетъ на уголья ладанъ, моля при этомъ архангеловъ Михаила и Гавріила о дарованіи здоровья всему семейству. Послѣ этого, достаютъ изъ земли кувшинъ съ виномъ и начинается пиръ. Жертвенное мясо при этомъ могутъ ѣсть только одни мужчины.

Что касается остатковъ языческихъ вѣрованій, то они, въ краткихъ словахъ, сводятся къ слѣдующему: Абхазцы почитаютъ нѣсколько божествъ, управляющихъ тѣми или другими явленіями природы, которымъ они приносятъ въ извѣстное время года жертвы. Вотъ названія этихъ божествъ: Афу, богъ грома и вообще атмосферныхъ явленій. Ему приносятъ жертвы во 1) при отправленіи стадъ въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда, во 2) время лѣтней засухи и 3) послѣ того, какъ убьетъ громомъ человѣка или домашнее животное. Въ послѣднемъ случаѣ, по словамъ Званбойя, «хозяинъ собираетъ всю деревню, безъ различія пола, устраиваетъ на 4 столбахъ вышку такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звѣри. Устроивъ вышку, всѣ присутствующіе совершаютъ вокругъ убитой скотины пляску, напѣвая извѣстныя слова, именно, одна половина поетъ хоромъ Воетла, а другая Чаупаръ, и скотину поднимаютъ на вышку. Тамъ она остается на жертву хищнымъ птицамъ. По совершеніи пляски и поднятіи трупа убитой скотины, хозяинъ, въ знакъ благодарности Богу за посѣщеніе, приноситъ ему въ жертву другую скотину. Однако же, въ заключеніе молитвы, читаемой во время жертвоприношенія онъ проситъ Бога пощадить на будущее время какъ его самого, такъ и стада его. Если громомъ поразитъ человѣка, то и надъ его тѣломъ совершаютъ подобный же обрядъ. Во время круговой пляски родственники убитаго не должны плакать, потому что, по понятіямъ абхазцевъ, Афы поразитъ всѣхъ присутствующихъ однимъ ударомъ. Описываемое суевѣріе до такой степени укоренилось въ Абхазіи, что никто безъ пляски и пѣсни не рѣшится поднять тѣло убитаго громомъ человѣка или скотины». Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку изъ статьи Званбойя. Дѣло въ томъ, что мы въ христіанской Самурзакани обнаружили существованіе почти такого же самаго обряда. Онъ извѣстенъ здѣсь подъ названіемъ «жинишь-хвама», что значитъ верхняя молитва, и абхазцы изъ Абжуа прямо переводили мнѣ это названіе на абхазскій языкъ: «афулыпха», т. е. молитва въ честь Афу. И дѣйствительно, жинишь-хвама есть почти буквальное повтореніе вышеописаннаго абхазскаго обряда, лишь съ незначительными измѣненіями. Названіе «верхней молитвы» присвоено ей потому, что совершается она на горѣ [1]). Курьезно, что подобный же обрядъ существовалъ и

---

[1]) Вотъ подробное описаніе этого обряда (сообщенное намъ образованной самурзаканской дѣвушкой, Дзааку Кордава): Когда убьетъ громомъ человѣка или скотину, берутъ большой мѣдный котелъ съ цѣпью, который до тѣхъ поръ хранился въ домѣ безъ употребленія, серебряный шнурокъ и лучшаго козла изъ стада, и съ этими предметами отправляются на ближнюю гору, гдѣ собирается народъ со всего околотка. Тамъ втыкаютъ въ землю 4 столба, на нихъ кладутъ перекладины и все покрываютъ листьями и окружаютъ со всѣхъ сторонъ серебрянымъ шнуркомъ. Затѣмъ рѣжутъ козла и мясо его кладутъ на

у черноморскихъ черкесовъ (нотхуаджъ и шапсуговъ) [1]).—За Афу, богомъ грома, слѣдующимъ по степени важности божествомъ является Шасшу, богъ кузнецовъ. Ему молятся кузнецы наканунѣ Новаго Года. У абхазцевъ, даже у абжывцевъ и самурзаканцевъ, чрезвычайно распространено почитаніе Шасшу. Самой дѣйствительной въ странѣ присягой считается присяга, произнесенная на кузницѣ. Присягающій при этомъ говоритъ: «если я не скажу правды о томъ, о чемъ меня спрашиваютъ», или: «если я виноватъ въ чемъ меня обвиняютъ, то да разобьетъ Шасшу голову мою молоткомъ по наковальнѣ «и при этихъ словахъ ударяетъ три раза молоткомъ по наковальнѣ. (Сол. Званбойя). Но еще болѣе дѣйствительной считается въ Бзыбской Абхазіи присяга, принятая на г. Дидрипшъ, которая служитъ мѣстожительствомъ какого-то всемогущаго божества Анэбснеха, а въ Самурзакани и Абжуа—присяга, произнесенная предъ древнимъ образомъ св. Георгія, въ Илорской церкви. Кромѣ боговъ Афы и Шасшу, ствуютъ еще: богъ Ашвепшааа-Абна-Инчваху, покровитель охотниковъ, которому молятся при отправленіи на охоту; Айтаръ, покровитель домашняго скота, которому приносятъ жертву пастухи; Джаджи—богъ земного плодородія, которому молятся домохозяева по снятіи плодовъ съ полей и садовъ. Любопытно, что крайне характерный языческій обрядъ, который продѣлываютъ абхазскія дѣвушки во время засухи, описанный въ статьяхъ Званбойя и Введенскаго, существуетъ полностью, по моимъ разспросамъ, и въ Самурзакани. Характерно при этомъ, что слова распѣваемой при этомъ пѣсенки произносятся по-абхазски [2]).

Вотъ всѣ главнѣйшіе остатки языческихъ вѣрованій въ Абхазіи. О проявленіяхъ магометанскаго вліянія мы не станемъ говорить вовсе, потому что оно слишкомъ ничтожно и касается исключительно внѣшнихъ обрядовъ.

листья. Послѣ этого всѣ пляшутъ круговую пляску, поютъ и въ заключеніе творятъ молитву Вышнему, чтобы онъ въ другой разъ пощадилъ ихъ. Если при этомъ въ средѣ присутствующихъ окажется кто-нибудь невѣрующій, онъ сдѣлается бѣшенымъ, и болѣзнь его пройдетъ лишь тогда, когда онъ помолится Вышнему.

[1]) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки черкесъ, Л. Я. Люлье. Зап. Кавк Отд. Русск. Геогр. Общ. кн. V. 1862.

[2]) Сообщаемъ вкратцѣ суть этого обряда для лицъ, незнакомыхъ съ упомянутыми статьями. Когда въ Абхазіи или Самурзакани бываетъ сильная засуха, дѣвушки со всего селенія собираются въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ дѣлаютъ куклу изъ соломы, которую онѣ одѣваютъ въ женское платье. Эту куклу сажаютъ затѣмъ на осла, прикрывъ послѣдняго бѣлой простыней, и всѣ отправляются къ какой-нибудь рѣчкѣ, гдѣ заранѣе былъ ими приготовленъ маленькій плотъ. При этомъ, всѣ дѣвушки, участвующія въ процессіи, распѣваютъ слѣдующія слова: „Дзіау, дзіау дзари! Ква ква мыкрылд апш-ах ипа дидшиуайт адзы хучик адзы хучик“, что значитъ въ буквальномъ переводѣ: Воды, воды достать: Достать воды дождевой-маргаритку красную. Сынъ Владыки, жаждемъ немного воды, немного воды, Дойдя до рѣчки, снимаютъ куклу съ осла, кладутъ ее на плотъ, зажигаютъ и пускаютъ плотъ по теченію рѣки. Затѣмъ стараются перегнать осла черезъ рѣчку и наблюдаютъ, закричитъ онъ при этомъ или нѣтъ. Если закричитъ—это считается за хорошій признакъ. за предзнаменованіе скораго дождя; и чѣмъ сильнѣе будетъ ревѣть оселъ, тѣмъ сильнѣе будетъ дождикъ. Если оселъ не станетъ кричать, черезъ нѣсколько дней обрядъ повторяютъ снова.

Теперь намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ абхазскихъ народныхъ преданіяхъ и о памятникахъ сѣдой старины въ странѣ. Что касается перваго предмета, то насколько мнѣ извѣстно, онъ почти не затронутъ въ литературѣ. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ въ литературѣ всего 2 преданія: самурзаканское преданіе объ очокочи (лѣсныхъ людяхъ) и абживское преданіе о богатырѣ Брискилліа (или Абрсклъ), напечатанныя въ «Сборникѣ Матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» [1]. Въ виду этого, крайне желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ этнографовъ взялся поскорѣе собрать абхазскія преданія, пока они еще не исчезли изъ памяти народа. Намъ лично привелось слышать всего 3 преданія; это во 1) преданіе о великанахъ Адоў, или Адоуква (мн. ч). существующее въ Бзыбской Абхазіи, 2) о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ) и 3) о карликахъ Цаніяхъ (или Ацанъ); послѣднія 2 преданія распространены по всей Абхазіи. Первое преданіе гласитъ, что нѣкогда, въ ущельи рѣки Бзыби, около Калдахваръ, жило племя страшныхъ великановъ людоѣдовъ съ семью и болѣе головами, которые имѣли во лбу по одному глазу. Они долгое время разбойничали въ странѣ, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей, пока не явились сюда богатыри Норты и не побѣдили ихъ. Могилу одного изъ этихъ великановъ одноглазовъ еще донынѣ указываютъ въ Калдахварскомъ ущельи, близъ развалинъ крѣпости Хассанъ-Табо. Остановимся нѣсколько на этомъ интересномъ преданіи. Адоў по абхазски значитъ собственно богатырь. Въ Абхазіи именемъ Доу или Адоў названъ между прочимъ одинъ изъ извѣстныхъ переваловъ (гдѣ, кстати сказать, находятъ въ землѣ въ большомъ количествѣ старинныя желѣзныя стрѣлы). Это абхазское преданіе невольно приводитъ намъ на мысль совершенно подобныя преданія, существующія у другихъ кавказскихъ горцевъ. У осетинъ мы также сталкиваемся съ сказаніями о борьбѣ богатырей Доў или Дзау, составлявшихъ въ древнія времена туземное населеніе Осетіи, съ храбрыми и неустрашимыми рыцарями-Нартами, явившимися къ нимъ изъ Персіи и вступившими съ ними въ упорную борьбу, которая кончилась пораженіемъ нартовъ и сліяніемъ ихъ съ туземцами [1]). У кабардинцевъ и черноморскихъ черкесовъ также чрезвычайно распространены преданія о борьбѣ неуклюжихъ великановъ-людо-

---

[1]) Вып. XIII, отд. II (1892 г.) и вып. V (1886 г.).

[2]) Настоящая статья была уже приготовлена для печати, когда мы получили отъ нашего корреспондента въ Абхазіи, учителя Горской Школы при Ново-Аѳонскомъ монастырѣ (въ Псыртсхѣ), Б. Г. Хорава, письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ существующую въ Абхазіи легенду о Нартахъ, совершенно аналогичную Нартовскимъ сказаніямъ Осетинъ и Черкесовъ—Адыге. „Эта легенда, вмѣстѣ съ другими преданіями, сообщаемыми г. Хорава, будетъ напечатана нами впослѣдствіи въ подробностяхъ. Любопытно, что главнымъ героемъ

ѣдовъ съ храбрыми и хитрыми Нартами [1]) [2]).—Передавая абхазское сказаніе о Циклопахъ, я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь кстати о любопытнѣйшемъ преданіи о великанахъ одноглазахъ, записанномъ въ Мингреліи, близъ границъ Самурзакани [3]). Преданіе это представляетъ почти буквальное повтореніе Гомеровскаго сказанія о Циклопахъ. Любопытно, что преданіе пріурочиваетъ мѣстожительство этихъ великановъ къ какимъ-то скаламъ на берегу Чернаго Моря, изъ которыхъ вытекаетъ мёдъ. По нашему разумѣнію, это должно быть не что иное, какъ знаменитыя медовыя скалы на Черныхъ горахъ между Гаграми и Адлеромъ (недалеко отъ устья Бзыби), гдѣ въ громадномъ количествѣ гнѣздятся дикія пчелы, дающія въ изобиліи превосходный мёдъ. Такимъ образомъ, мингрельское преданіе сходится съ абхазскимъ, съ указаніемъ на мѣстожительство великановъ.

Второе сказаніе, которое намъ особенно часто приходилось слышать, такъ какъ оно чрезвычайно распространено въ странѣ—это сказаніе о лѣсныхъ людяхъ (обнаоэ). Эти лѣсные люди изображаются въ сказаніи чрезвычайно дикими существами, которыя живутъ въ глуши дѣвственныхъ лѣсовъ Абхазіи. Они имѣютъ длинные волосы. Одѣваются они въ звѣриныя шкуры, и на груди у нихъ всегда бываетъ привѣшанъ небольшой топоръ. Они очень злы, и встрѣча съ ними въ лѣсу не обѣщаетъ ничего хорошаго. Живутъ лѣсные люди охотой. Въ старое время, когда абхазцы только что явились въ страну, лѣсные люди жили всюду по лѣсамъ Абхазіи и пришлецамъ пришлось вынести съ ними упорную борьбу. Любопытно, что англійскій путешественникъ по Кавказу Фрешфильдъ принялъ это преданіе за истину и въ своемъ Отчетѣ въ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ объ экспедиціи для разысканія погибшихъ на Кавказѣ англичанъ, сообщаетъ, ссылаясь на авторитетъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ, о существованіи въ лѣсахъ Абхазіи, въ долинѣ р. Кодора, дикихъ лѣсныхъ людей.

Третье преданіе, о Цаніяхъ, или Аценахъ, безспорно, самое любопытное изъ всѣхъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ оно пока не появлялось. Прежде чѣмъ разсказать его, я долженъ ознакомить Васъ, Мм.

является здѣсь, какъ и въ Осетинскихъ и Черкесскихъ сказаніяхъ, все тотъ же Сосрыко (по абхаз. Сасрква, черкесск. Саузерукъ), рожденный чудеснымъ образомъ отъ обольстительной и хитрой женщины Сатанэ.

[1]) Нартовскія сказанія Осетинъ, Джантемира Шанаева (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горц. вып. V).

[2]) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ (Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, вып. V).

Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки Черкесъ, Л. Я. Люлье, Зап. Кавк. Отд. Русск. Геогр. Общ. Кн. V, 1862 г.

[3]) Петровъ, И. Мингрельское сказаніе объ одноглазѣ (Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. V, 1886 г.)

Гг., съ оригинальными постройками, съ которыми это преданіе связано. Постройки эти замѣчательны какъ по своему оригинальному типу, такъ въ особенности по своему положенію высоко въ горахъ, близь вѣчныхъ снѣговъ. Въ археологической литературѣ о нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній. Почти на всѣхъ горахъ Абхазіи, на высотѣ отъ 7000 до 8000 футъ, находятся оригинальныя городища, имѣющія видъ очень низенькихъ каменныхъ оградъ, сложенныхъ изъ необтесаннаго камня и замкнутыхъ обыкновенно въ видѣ четыреугольника. Большею частію, они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, и неопытному глазу въ такихъ случаяхъ бываетъ трудно отличить ихъ отъ естественныхъ грудъ камней, образующихся на этихъ высотахъ путемъ обваловъ и осыпей. Расположены они обыкновенно гдѣ-нибудь на ровной лужайкѣ, удобной для пастьбы скота, близь горнаго потока. Эти постройки носятъ у туземцевъ названіе Цани-гвара, т. е. ограда Цаніевъ. Вотъ что говоритъ объ этихъ Цаніяхъ народное преданіе (замѣтимъ — совершенно тожественное какъ въ Бзыбской Абхазіи, такъ и въ Абжуа и Самурзакани). Нѣкогда въ этихъ оградахъ жили карлики, принадлежавшіе къ племени Ацанъ или Цаніа (первое названіе абхазское, второе—самурзаканское). Тогда на землѣ было еще то блаженное время, когда не существовало ни вѣтра, ни холода, ни дождя, ни снѣга, ни даже—различія между днемъ и ночью. Солнце вѣчно сіяло на безоблачномъ небѣ, и Цаніямъ не было вовсе холодно на этихъ высотахъ, которыя теперь доступны для жительства лишь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Цаніи беззаботно жили здѣсь со своими стадами, которыя паслись на сочной травѣ нагорныхъ луговъ, возлѣ прохладныхъ ручьевъ, бѣжавшихъ изъ подземныхъ источниковъ. Питались Цаніи исключительно молочными продуктами и мясомъ козъ; мясо ѣли сырымъ, такъ какъ употребленія огня не знали. Цаніи были очень нечестивый народъ, который совершенно не хотѣлъ признавать существованіе Бога. И вотъ Богъ, разгнѣвавшись на нихъ за ихъ невѣріе, задумалъ наказать ихъ. Однажды, кто-то изъ Цаніевъ замѣтилъ, что у козла, стоявшаго неподалеку на скалѣ, стала пошевеливаться борода, и вслѣдъ за этимъ Цаніи почувствовали новое для нихъ ощущеніе холода. Это былъ вѣтеръ, который послалъ въ 1-й разъ Богъ на землю, чтобы наказать нечестивыхъ Цаніевъ. Вѣтеръ нагналъ черныя тучи, которыя закрыли отъ Цаніевъ солнце, и вскорѣ съ неба стали падать бѣлые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслѣдъ за тѣмъ, Богъ послалъ съ неба огонь, который воспламенилъ вату и сжегъ Цаніевъ.—Вотъ сущность преданія о Цаніяхъ. Преданіе это я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, и всѣ они его повторяли приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Разсказавъ о постройкахъ Цаніевъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне любопытномъ памятникѣ старины, который мнѣ также довелось наблю-

дать въ горахъ Абхазіи. Именно, я хочу сказать о **жертвенникаху**, которые находятся на многихъ горныхъ перевалахъ. Я лично видѣлъ ихъ на высокихъ перевалахъ Дзина и Хымсы. Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго Офицера» упоминается о подобномъ же жертвенникѣ на перевалѣ черезъ Главный Кавказскій Хребетъ, въ Абхазіи, у г. Капышистры. Жертвенники эти состоятъ изъ нѣсколькихъ сложенныхъ въ видѣ четыреугольника камней. Сюда каждый переваливающій черезъ хребетъ обязанъ положить какое-нибудь приношеніе Духу Горъ, который иначе пошлетъ ему на дорогѣ туманъ или снѣжную вьюгу. Приношенія эти бываютъ самаго разнообразнаго характера. Обыкновенно кладутъ пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружіе; женщины—пуговицы, ножницы, лоскутки. На жертвенникѣ Дзина я встрѣтилъ въ числѣ приношеній между прочимъ большой кристаллъ известковаго шпата. Никто изъ спутниковъ не смѣетъ присвоить себѣ какую-либо изъ находящихся на жертвенникѣ вещей, подъ страхомъ неминуемаго наказанія свыше. Описываемые жертвенники принадлежатъ, очевидно, глубокой древности, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ грудѣ накопившихся вѣками приношеній находятся, между прочимъ, желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, откуда и происходитъ абхазское названіе такихъ жертвенниковъ «**Ахчаквахыку**», т. е. мѣсто, гдѣ лежатъ стрѣлы. Вотъ образцы этихъ наконечниковъ, собранные мною въ землѣ на пер. Ачавчара. Они совершенно подобны тѣмъ, которые находятся на пер. Дзина (съ пер. Дзина я не могъ захватить ихъ, такъ какъ зорко наблюдавшій за мною все время проводникъ не позволялъ мнѣ сдѣлать этого [1]).

Вообще, памятники старины въ Абхазіи едва затронуты изслѣдованіями и нуждаются въ дѣятельномъ, дальнѣйшемъ, изученіи. Въ Абхазіи напримѣръ, есть много **пещеръ**, служившихъ нѣкогда мѣстожительствомъ человѣка, которыя крайне интересно бы изслѣдовать. Самая любопытная изъ этихъ пещеръ или, вѣрнѣе, пещерныхъ жилищъ, есть **Мычишская пещера**, между сел. Отхары и Блабурхва. Она находится въ скалѣ, изъ подъ которой вытекаетъ р. Мычишъ. Подойдя ближе къ этому мѣсту, вы увидите передъ собою громадную совершенно отвѣсную скалу, въ которой виднѣются въ разныхъ мѣстахъ 4-угольныхъ отверстія—родъ оконъ. Вообще, скала имѣетъ совершенное подобіе знаменитой скалы Уплисъ-Цихе, близь г. Гори. Въ мычишскую пещеру въ недавнее время, говорятъ, пробовалъ пробраться одинъ абхазскій князь, проживавшій въ сел. Отхары, Маджаръ Ширвашидзе (не-

---

[1]) Въ Черноморскомъ округѣ, въ бассейнѣ р. Мзымты, около одного долмена близь сел. Романовскаго, находятъ наконечники стрѣлъ и копій, совершенно сходные съ описываемыми.

давно умершій). Для этого онъ съ помощью нѣсколькихъ десятковъ людей соорудилъ родъ воздушнаго моста, по которому онъ достигъ одного изъ оконъ и черезъ него спустился въ пещеру. Князь ограничился однако изслѣдованіями только первой комнаты, такъ какъ не рѣшился спутиться въ другія. Въ этой комнатѣ онъ нашелъ какіе-то серебряные сосуды, которые, говорятъ, были переданы имъ мѣстному участковому начальнику. Какая дальнѣйшая судьба постигла ихъ—мнѣ неизвѣстно. Не мѣшало бы поэтому гг. археологамъ серьозно заняться обслѣдованіемъ Мычишской пещеры. Равнымъ образомъ я хотѣлъ бы обратить вниманіе археологовъ на крайне-интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, находящуюся въ Самурзакани, на правомъ берегу р. Ингура, около селенія Дихазурги. Это такъ наз. Дихагузба. Мѣстность, извѣстная подъ этимъ именемъ, лежитъ на СВ. склонѣ г. Сатанжи, которая сама по себѣ представляетъ много интереснаго. На вершинѣ этой страны находится высокая старинная башня, видная издалёка, а внизу у подошвы горы, на берегу р. Ингура, также находятся какія-то развалины. Въ районѣ этой мѣстности сыздавна, при распашкѣ земли, дѣлаютъ находки разныхъ вещей, преимущественно оружія. Я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ находокъ. Это суть: мѣдный (или бронзовый) топоръ, наконечникъ копья и женская застежка (фибула).

Этимъ свѣдѣніемъ я и закончу свое сообщеніе, которое и безъ того уже разрослось до нежелательныхъ размѣровъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ повторить, что я вовсе не имѣлъ въ виду своимъ сообщеніемъ вносить что-либо существенно-новое въ этнографическую литературу объ Абхазіи. Я желалъ лишь, изложеніемъ своихъ личныхъ 5-лѣтнихъ наблюденій, устранить кое-какія ошибки, вкравшіяся въ эту литературу и до сихъ поръ неисправленныя. Мнѣ хотѣлось также возбудить среди энтографовъ интересъ къ абхазцамъ — этому любопытному народу, являющемуся въ настоящее время единственнымъ представителемъ тѣхъ рыцарскихъ черкесскихъ племенъ, которыя нѣкогда, еще не такъ давно, занимали все Восточное побережье Чернаго моря вплоть до р. Ингура,—народу, который, къ сожалѣнію, теперь подъ давленіемъ русской культуры быстро утрачиваетъ свою племенную самобытность.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

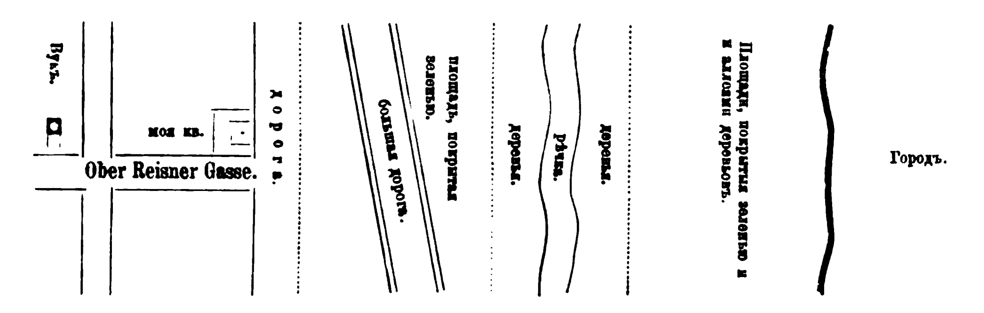
LIX.

№ 49. Копія (потому что подлинникъ написался такъ, что и мнѣ самому трудно читать... И такъ копія:)

Вѣна. Декабрь 1841.

Я не пишу числа, потому что дни у меня текутъ одинъ за другимъ безъ различія, и это съ малыми перемѣнами будетъ продолжаться, кажется, все время пока буду въ Вѣнѣ. Почти каждой и почти цѣлой день я дома: въ 8 часовъ пью кофе; потомъ занимаюсь до обѣда; потомъ въ $^{3}/_{4}$ перваго приносятъ мнѣ обѣдъ; послѣ обѣда лежа читаю пока свѣтло, иногда, впрочемъ иногда, и вздремну; далѣе зажгу звѣчку—и за работу до чаю, въ $^{1}/_{8}$ пью чай, и потомъ опять занимаюсь до 9; въ 9 ложусь на софу, и читаю что нибудь легкое для развлеченія (напр. теперь Ифланда драмы). Выхожу изъ дому, когда или что нужно купить или въ книжныя лавки расплачиваться (а книги присылаютъ мнѣ на домъ, и я выбираю, что нужно), или въ библіотеку, или къ Вуку, или наконецъ въ театръ (не болѣе разу въ недѣлю), или, что еще рѣже, на почту отдать письмо и спросить, нѣтъ-ли мнѣ. Меня посѣщаютъ рѣдко: раза два въ недѣлю молодой Сербской литераторъ—студентъ университета Петровичь, иногда на вечеръ зайдетъ Вукъ. Мнѣ не скучно, а бываетъ грустно (вотъ почему и читаю драмы и повѣсти): не получивъ еще позволенія остаться за границей, я боялся, что мнѣ откажутъ въ просьбѣ; а теперь, получивши его, я бы полетѣлъ домой. Моя несносная сосѣдка заставляетъ меня каждой день повторять: «хорошо въ чужи, а дома лучше»; играетъ себѣ да играетъ то самое, что вы играли тогда, когда—фу! за два года слишкомъ. Если-бы уже скорѣе лѣто, т. е. весна: пошелъ бы бродить,—ужъ теперь побреду на востокъ, все ближе къ вамъ.

Моя квартира на углу той улицы, гдѣ я жилъ прошлую зиму, вотъ такъ:



Дорога въ городъ та же; та же старушонка счищаетъ грязь съ дороги, гдѣ люди переходятъ, и также получаетъ отъ меня по 2 крейцера въ недѣлю и за то зоветъ меня Милостью; та-же шармантка подлѣ мостика и тѣ-же яблоки и пирожки подлѣ шармантки, и та-же нищая съ дитятью за мостикомъ.

Въ Стефановской церкви бываю довольно часто. Кстати: въ варварской Россіи ликъ Божіей Матери пересталъ лить слезы при Петрѣ; а въ образованной Германіи, въ Вѣнѣ—у деревянной статуи распятія въ церкви Стефана еще и до днесь борода растетъ и бороду стригутъ. Я приглядывался къ этой бородѣ: густая, черная; растетъ-ли, примѣтить мудрено, а всѣ ей молятся и говорятъ, что ей-Богу растетъ. Чудная борода. Да и Стефановская церковь чудна: кто ходитъ въ нее молиться, кто (какъ я грѣшной) проходитъ черезъ нее, чтобы не обходить ее; а кто ради свиданія—кавалеръ для свиданія съ дамой, дама съ кавалеромъ. Церковь огромна, угловъ множество, темно всегда: никто не знаетъ и не видитъ, кто молится, кто проходитъ мимо, кто «свидается».

22-е дек.

Вчерашній вечеръ я провелъ такъ, какъ давно уже, давно не проводилъ. Въ Hofburgtheater вчера разыгрывали Гайдново Сотвореніе міра. Сцена во всю длину претворилась въ амфитеатръ пульпетовъ, у которыхъ по скамьямъ сѣли около 150 музыкантовъ; передъ ними на возвышеніи режиссеръ, ниже ихъ, т. е. ближе къ публикѣ около 100 пѣвчихъ; еще ближе Штаудигль, Лосъ и г-жа Гассель-Бартъ, а между ними фортепіано. Театръ былъ довольно полонъ, хотя впрочемъ и были пустыя мѣста; былъ императоръ съ императрицей, нѣсколько принцевъ и принцессъ.—Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался.— А вотъ содержаніе ораторіи:—Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройной, тихій, но могущественный голосъ отъ

скрыпки къ скрыпкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе арх. Рафаилъ (Штаудигль—бассъ) поетъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Арх. Уріилъ (Лосъ—теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они—и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Арх. Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Арх. Гавріилъ (Гассель-Бартъ—дискантъ) пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріилъ: «да будетъ зелень, деревья, плоды»—и пѣсня. Уріилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «день дню и ночь ночи повѣдаютъ славу его,—и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финалъ оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристаютъ віолончели, далѣе альты, а между контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки—и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче), послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему?—ничьему». 2-ое отдѣленіе. Гавріилъ: «И Богъ молвилъ да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснію встрѣчаетъ утро, и о любви коркуетъ (girrt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи—еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріилъ: И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу. Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достоиная человѣка. Тріо. Хоръ. Алелуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріилъ, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуетъ (превосходной) о своей любви. Хоръ. Финалъ.—Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодьяконской бассъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна; но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю.—Давно я не наслаждался такъ,—и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ

ложи—и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь, да притомъ въ партерѣ что не разсѣетъ: впереди меня напр. сидѣлъ какой то провинціальный франтъ (Боже избави, если Русской), и то разваливался какъ пьяный (къ счастію его мѣсто подлѣ его было не занято, а то бы негдѣ было разваливаться), то любовался своею перчаткой. А сзади я не могъ не слышать по временамъ: ach, s'is' hübsch=ахъ, вишь ты какъ мило! Это проклятое hübsch: у Нѣмца все hübsch—и холстинковое платье въ 1/2 гульдена, и только не коровье лице, и—божественное произведеніе искуства.

26-е.

Сегодня утромъ я былъ съ Вукомъ у князя Милоша. Милошъ былъ въ 1839 изгнанъ изъ Сербіи, и какъ помѣщикъ жилъ въ Валахіи, между тѣмъ какъ его сынъ Миланъ (іюня 1839), а послѣ его смерти другой сынъ Михаилъ избранъ княземъ. Милошъ изгнанъ за жестокости. Онъ впрочемъ сдѣлалъ много для Сербіи. Я принятъ былъ имъ ласково и просто. Говорили большею частію о древностяхъ Сербіи: видно, что онъ знаетъ Сербію прекрасно. Онъ уже здѣсь лѣто и зиму. Не добивается ли чего черезъ Австрію? Не мудрено... а молодецъ: настоящій Запорожскій гетманъ.

30-е.

19-го я былъ въ театрѣ, когда давали Лира; а сегодня слушалъ Гамлета. Лиръ былъ данъ превосходно: Аншюцъ игралъ Лира, и точно, надобно его слушать, что бы понять, какъ все въ этой роли естественно, даже самой монологъ: «Бушуйте вѣтры (Blow, winds). Лёве игралъ шута, Лёве—шута—и чудесно. Всѣ другіе играли хорошо.—Вчера было не то: пьесу окоротили, выбросивши много прекрасныхъ мѣстъ. Гамлета игралъ Лёве—очень хорошо; впрочемъ не въ монологѣ «Быть или не быть» и не въ отвѣтѣ Полонію «Слова, слова, слова». Реттигова играла Офелію: были мѣста прекрасныя, но вся Офелія мнѣ не понравилась. Аншюцъ въ роли духа-короля былъ тоже хорошъ. Остальные дрянь. Не ожидалъ я этого въ Вѣнѣ. Лучше бы было остаться дома и читать съ Вукомъ пѣсни: каждый вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ, снимаетъ свою деревянную ногу, ложится,—пьемъ чай, а потомъ читаемъ пѣсни.

Finis copiae.

Вотъ на отвѣтъ письму № 18, которое получилъ я вчера—и мѣста нѣтъ. Слѣдующій листокъ начатъ; но онъ въ другое время пошлется, какъ

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о чемъ. Струве [1]) сейчасъ буду писать: надпишите на конвертѣ его имя и отчество.

LX.

№ 50. Вѣна. 4 Января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело— не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрыпъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дни былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извощичьихъ, кричащихъ «пади».— Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

1/13 Января 1842.

Вукъ ушолъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь бьетъ полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничкѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

[1]) П. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать перестаъ, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ менѣе нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ, что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изгладятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, менѣе, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранитъ Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской [1]).

Все еще $^1/_{13}$.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—Herein, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать herüber (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на tableau, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ—калѣка, не старой человѣкъ (а что съ костылемъ, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и назвалъ ее «gnädige Frau» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ $2^1/_2$ шириною и вышиною дворецъ съ подъѣздомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и дверцы отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ биліардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ столику и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

---

[1]) Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ коляскѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подзорную трубу, —и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете представить, какъ все это велико. Различ. такихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью.—Каждая блоха въ платьи, то есть приклѣена спиною къ платью. Есть блохи, играющія на скрыпкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая.—Чудеса да и только! Вукъ идетъ.—

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ суботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку,—онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло.—На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убилось. Взяли тѣло въ больницу или клинику—не знаю; оказалось, что оно было изнасилповано и удавлено. Полиція ищетъ преступника,—и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдетъ.—А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по алеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной подумаетъ, что у проходящаго деньги въ карманѣ, да отведетъ къ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песку, который постоянно остается въ карманѣ сертука.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стука экипажей, какъ будто для тяжело больнаго.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славили день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу.—А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ—въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчіи; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного Гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ нещастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любящій его дочь и ею любимый, славный парень, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Парень попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомня, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру къ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой парень сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шульцъ— каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совсѣмъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣтшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были однѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливцемъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогіи и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на перекоръ (alles gehet umgekehrt)». Простодушіе, достойное его доброй души. Особенно кричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій не имѣетъ жены, Французскій еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—через 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра середа, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю; да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокій двух-ярусный погребъ (въ Johanesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами, и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣсницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представленій, подъ которою богатая конфектная лавка (есть конфектная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отопрутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кёлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать; по Австраліи ѣздить на клячахъ; въ Азіи то Китайскія нѣмыя сцены, то театръ; шуты всюду забавлять публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1—20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная середа, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За санную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскерадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску—медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжатся до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что-бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложь очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егерь, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любитъ. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близь рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйдти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судьѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастіе судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егерь дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующіе актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егерь; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егерь съ охотниками отводятъ дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоцѣнностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, за воротъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егерь его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая, сколько

капризная Виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ Гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги взаймы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень доброй и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ Виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство. «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенья по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему сказалъ поселянинъ, слетаются иногда феи играться, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Игрались, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастію нашла она пастушій плащь, и обернувшись въ него пошла искать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ Виртинѣ, и та приняла ее какъ кельнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ нэй свой идеалъ, упросилъ ее ввѣрить ему свою судьбу, взялъ у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а Гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ Виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушалъ живописецъ ее разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значитъ, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время виноберьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корзины, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ Гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хвать—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранитъ не солдата, а ее, ранитъ смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца Виртина. Черезъ нѣкоторое время Гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а Виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному Гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, на всегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили феи свою сестру. Летя надъ землей на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняя виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлаетъ въ Вѣнѣ furore. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать Sperrsitz, и долженъ былъ простоять. Театръ не оченъ великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемыя однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія [1]). А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

---

[1]) Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.



LXI.

№ 51. Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ понятіе только степняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подолы надуваются какъ паруса, и дамы летятъ... и пр. Воды пошли. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постить по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Рези..

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукѣ съ книгами, и ждутъ времени, пока уляжутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Iosephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекшій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утопнуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покойно.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ уніятства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лёве порядочно; Оранскаго — Аншюцъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу—Марксъ очень, очень хорошо, Клэрхенъ—г-жа Пехе не

совсѣмъ ровно, но съ чувствомъ, писца Фанзена—де-ла-Рошъ чудесно. Пьеса была сокращена. Музыка къ ней небольшая, но очень хороша. А сосѣдкою моей была Люцерова. Полная, жирная дѣвка, лѣтъ двадцати пяти. Не знаю почему, но мнѣ подлѣ нея было тѣсно. Три антракта я ни слова; на четвертый я рѣшился, и то уже садясь опять на мѣсто, и сказалъ ей «prosjm za otpuštěnj». Она стала подбирать свое широкое черное платье, и отвѣчала: «to nic ne delá». Потомъ она спросила меня: Sind sie lange aus Böhmen?—Ein jahr, etwas mehr.—Sie sind ein Böhme? - Um Verzeihung, ich bin kein Böhme.—Und sie sprechen doch Böhmisch? Gefält ihnen diese Sprache?... O, sehr.—Ja, ja, ja—una bella lingua.—Si, signora, e veramente bella, come quella che potesse... Ich danke höflichst... и за этимъ сдѣлала такую мину, что я не зналъ что и отвѣчать. Кстати была начавшаяся сцена. Послѣ окончанія акта она вышла, оставивши мнѣ поклонъ въ родѣ той старухи, съ которою ушла. Сидѣла скромно и даже безъ лорнета, по моему.

1/13 Марта.

Вукъ получилъ отъ нашего царя большую золотую медаль, и на радости давалъ вчера званый обѣдъ въ домѣ купца Тюрки. Надобно знать, что мать этого Тюрки была первая благодѣтельница Вука. Цѣлую недѣлю работая какъ прилежная хозяйка, воскресенья посвящала она книгамъ и литературѣ, особенно Сербской, была дружна съ Добровскимъ, со многими другими учеными, и когда Вукъ сталъ печатать свой Словарь, дала ему 2000 флор. серебр. (безъ малаго 5000 руб.). Сынъ уже не то что покойная мать, но всетаки добрый человѣкъ, и Вукъ по прежнему въ домѣ другъ. За обѣдомъ былъ Милошь, его секретарь и нѣкій Гоппе, человѣкъ въ родѣ Милошева хвоста, идеалъ раба, а впрочемъ корреспондентъ Аугсбурской Всеобщей Газеты. Обѣдъ былъ прекрасный, вина пили вдоволь, и веселы были всѣ. Милошь началъ здравицей царю, я отвѣчалъ ему на это здравицей его; далѣе пили за здоровье Вука, за память покойной хозяйки и пр. Передъ концомъ выпилъ Милошь за счастливое мое путешествіе и я отвѣчалъ ему опять его здоровьемъ. Разошлись въ 7 часу.

16-е Шопронь (Oedinburg) въ Венгріи.

Вы сыщете этотъ городокъ не далеко отъ Вѣны на югъ. Вотъ какимъ побытомъ я очутился въ немъ:—по дорогѣ изъ Вѣны въ Тріестъ, близь Вѣны есть городокъ Wiener Neustadt; въ немъ есть кадетскій корпусъ, а въ немъ профессоромъ Чехъ Фіялка. Фіялка былъ у меня въ Вѣнѣ, и предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку къ Хорватамъ, живущимъ г

Венгріи на границахъ Австріи вокругъ Желѣзнаго (Eisenstadt), Шопрони и близь Мутенскаго озера (Neusidler See). Такимъ образомъ я сѣлъ на желѣзную дорогу вчера послѣ обѣда, и черезъ два часа былъ въ Нейштатѣ; а сегодня сѣли мы съ Фіялкой въ коляску—и пріѣхали сюда. Съ нами вмѣстѣ ѣздилъ Древницкій, тоже профессоръ корпуса. Осмотрѣвши этотъ городокъ, мы пошли къ озеру (1 $^{1}/_{2}$ часа отъ города) и полюбовались на него; воротившись, пошли къ попу изъ Хорватовъ и распрашивали его, а теперь, воротившись, собираемся спать. Завтра идемъ назадъ пѣшкомъ черезъ Хорват. деревни.

17. Нейштадтъ.

4 мили пути. Я не усталъ, но мои сапоги скривились, и ноги на пятахъ болятъ. Хорваты чудесной народъ: мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы, и одежда прелестная. Нравственностью отличаются отъ всѣхъ сосѣдей. Домики большею частію каменные, свѣтленькіе, чистенькіе.

19. Нейштадтъ.

Вчерашній день я остался въ Нейштатѣ чтобы привести въ порядокъ то, что собралъ третьяго дни, и чтобы исполнить желаніе одного изъ профессоровъ, Бурьяна, позвавшаго меня на обѣдъ. Бурьянъ извѣстенъ въ литературѣ Чешской грамматикой. И жилъ я все это время въ корпусѣ у Фіалки: онъ не допустилъ меня остаться въ трактирѣ. Корпусъ или академія помѣщается въ замкѣ ерцгерцога, огромномъ домѣ съ огромнымъ садомъ. Учениковъ до 500, Между языками преподается и Чешскій.

19-е Вѣна.

Здравствуй, Вѣна.—Прощай, Вѣна!—

19-е Брѣтиславль (Presburg).

Я было написалъ 20-е вмѣсто 19-го, а между тѣмъ еще 19-е, и еще 6 часовъ, и уже я цѣлой часъ тутъ, да и въ Вѣнѣ пробылъ отъ 9-ти утра до 2-хъ послѣ обѣда, т. е. всего въ дорогѣ изъ Нейштата сюда 5 часовъ, благодаря парамъ. По желѣзной дорогѣ изъ Нейштата въ Вѣну нужно 1 $^{3}/_{4}$ часа, да изъ Вѣны въ Брѣтиславль или, какъ мы привыкли называть, Пресбургъ, 3 часа на пароходѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ было хлопотъ по самое горло: пришелъ въ полицію за паспортомъ, стали распрашивать и сколько останусь въ Брѣтислави, и зачѣмъ тамъ останусь, и куда далѣе поѣду, и всетаки не дали паспорта, а послали въ посольство за цертификатомъ для проѣзда въ Венгрію; въ посольство пришелъ, не дали цертификата безъ паспорта; опять въ полицію за паспортомъ, опять въ посольство, и опять въ полицію,

прежде въ № 6, потомъ въ № 2-й. Вещи я оставлялъ у Вука. Вукъ хотѣлъ было меня проводить, но не могъ, потому что спѣшилъ къ Милошу (звалъ и меня, но въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ остаться въ Вѣнѣ на цѣлыя сутки, и слѣдовательно нанять квартиру), а проводилъ меня до парохода Курелацъ. Пароходъ Гермина (по имени покойной принцессы, племянницы нашего царя) устроенъ чудесно, роскошно, и вдоль по Дунаю мчится какъ пухъ.

И такъ я опять въ Венгріи. За спиною Карпаты, на сердцѣ Словаки,— и они то причиной всѣхъ распросовъ и цертификатовъ; они любятъ Русскихъ, а Мадьяры ихъ ненавидятъ, какъ и Русскихъ; Австрійцы же каждаго Рус. путешественника считаютъ эмиссаромъ, и очень не жалуютъ, что я такъ долго гуляю по Австріи, занимаясь одними Словянами.

Ходилъ къ одному изъ здѣшнихъ ревностныхъ Славянъ, Штуру [1]), съ которымъ познакомился еще въ Галле, не засталъ дома, оставилъ карту, и жду.

24-е.

Наконецъ я имѣю квартиру, и остаюсь тутъ на мѣсяцъ, а съ квартирою можно сказать что были хлопоты. Комнаты меблированныя тутъ чрезвычайно рѣдки, а если и дадутъ мебель, то такую гадкую, что взглянуть стыдно. Наконецъ удалось мнѣ найти чистую комнату на Зеленой площади, а мебель долженъ былъ взять у такъ называемаго Тендлера, т. е. продавца разныхъ разностей, между прочимъ и мебели. За комнату плачу въ мѣсяцъ 4 гульд. сереб.$=2^2/_3$ руб. сереб. да за мебель 4 руб. сереб.; женщинѣ прислуживающей надобно будетъ дать при отъѣздѣ съ небольшимъ гульденъ. Итого квартира обойдется 11 гульденовъ: все таки дешевле нежели въ Вѣнѣ, гдѣ я платилъ 18 гульд. за одну квартиру безъ услуги (не нашлось другой подлѣ Вука), и въ трое дешевле противу того, чтò бы стало у Солнца, гдѣ я было остановился.

Брѣтиславь имѣетъ жителей до 35,000, но гораздо меньше Харькова, и на мои глаза хуже. Онъ расположенъ по берегу Дуная и идетъ на гору, на которой стоятъ развалины замка.

Площадей довольно, домы не высоки. Жители большею частію Нѣмцы, а простой народъ на площадяхъ Словаки.

27-е. Модра.

Только что воротились изъ Словацкаго протестанскаго костела; сегодня здѣсь Свѣтлое воскресенье. Церковь велика, народу множество, все сидитъ

[1]) Людовитъ Штуръ (1815—1856)—одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

въ порядкѣ, въ рукахъ каждаго и каждой книга молитвенная. Сначала пѣли всѣ вмѣстѣ подъ органъ, потомъ пасторъ говорилъ проповѣдь, за проповѣдью кратенькая обѣдня на Словац. языкѣ.—Модра есть маленькій городокъ, въ 3 часахъ ѣзды отъ Брѣтислави. Тутъ братъ Стура ректоромъ гимназіи [1]), и мы со Стуромъ пріѣхали сюда третьяго дни и останемся до завтра. Это первый мой выбѣгъ къ Словакамъ; я тутъ, какъ дома.

Апр. 2-е. Брѣтислава.

Сегодня былъ на лекціи въ лицеѣ. Лекцію читалъ Штуръ: онъ преподаетъ сравнител. Славян. грамматику на Словацкомъ нарѣчіи. Аудиторія была полная. И его слушаютъ изъ любви къ родному языку, и онъ читаетъ безъ платы. 2-й часъ была бесѣда: студенты декламировали и читали свои сочиненія. Благородное юношество.

Всюду въ Австр. имперіи все болѣе начинаютъ отпускать усы и бороды; но такихъ усовъ и бородъ какъ здѣсь я нигдѣ не видалъ: окладистыя, густыя, Великорусскія. Но это бы ничего: пусть бы носили и бороды и волоса въ кружокъ (что тоже въ модѣ); а то бѣда, что борода тутъ въ Венгріи почти безъ исключенія признакъ злодѣйской души: это люди, которые бы хотѣли помадьярить весь свѣтъ. И что тутъ должны терпѣть Словаки, бѣда да и только. Даже и на православныхъ Сербовъ хотятъ поднять руку и перевести и библію, и каноны, и всѣ церков. книги съ Старославянскаго на Мадьярскій, и заставить молиться по Мадьярски. Все это дѣлается по закону, который они сами утверждаютъ, а царь—по окошкамъ барабанитъ, и слова' не смѣетъ сказать.

17-е. Воскресенье.

Сегодня я былъ въ дружескомъ обществѣ Сербовъ молодыхъ, учащихся тутъ въ Лицеѣ и Академіи; прежде ихъ общество было открытое, но когда общества въ Венгріи запрещены, то и имъ надобно было ограничиться приватными сходками. Эта сходка дѣлана была собственно для меня. Декламировали, читали сочиненія и переводы. Все было прекрасно.

18-е.

Сейчасъ только получилъ письмо отъ Гартенштейна, купца 1-й гильдіи въ Радзивиловѣ, берущагося переслать въ Харьковъ мои книги. Онъ пишетъ: деньги за пересылку могутъ быть уплочены по обстоятельствамъ или здѣсь или же и по присылкѣ изъ Харькова; издержки кромѣ провоза въ Харьковъ

[1]) Карлъ Штуръ—извѣстный Словенскій патріотъ и писатель.

могутъ простираться до 15 рубл. серебромъ; за провозъ книгъ въ Харьковъ слѣдуетъ полагательно считать по 1 руб. сереб., съ пуда. Прошу Амвросія узнать, что сдѣлалъ университетъ, и если еще не сдѣлалъ, то распорядиться, чтобы скорѣе было. А деньги за провозъ въ Харьковъ, я, милая маменька, прошу заплатить васъ: у меня и есть деньги, но боюсь, чтобы недостало. Платить придется не мало: уже послано мною 745 фунтовъ, а вѣрно еще прибавится до 150.

19-е.

Наконецъ—отъ васъ письмо. Цѣлую вамъ за него ручку, милая маменька; цѣлую и Амвросія: спасибо, что онъ уже не сердится на меня. Сегодня же получилъ письмо отъ князя Милоша, въ отвѣтъ на слѣдующее мое:

Светлејши кнеже! На моју несрећу и жалост ни сам могао, при моме одлазку изъ Беча, барем још један пут видети вашу високу особу и особније засведочити предъ вама моје искрне уваженје. Оно је дуг свакога, за кога ни су туђе срећа и слава народа Србског; онда и мој,—и тиме за мене дражши што сам имао част познати особније вас и вашу дубоку љубав спрема вашег народа. Благослов је Божи на томе, ко љуби свој народ, и зна шта има радити, да за његова љубав разцвете добром неба у земном животу народа, и може то радити, и хоће. Ваша светлост је показала да то знате радити, и оћете: путујућ по Србији видио сам томе доста примера, а шта ни сам сам видио, а томе чуо сам од народа, чуо сам доста пута топлу молбу за здравје господара Милоша. Не само Срби кнежества Србског, него и ти, што су у Маћарској од Граница, и ти знаду вас и зову вас диком Србског рода. Вратећсе у Беч био сам већ далеко од крајева' Србских, але и ту готово сваки дан сам чуо, шта сам чуо тамо: свуда, гди је глас срдца Србског, је и глас о Милошу. Тако приповедао је мени о вашој светлости и незаборављени Вукъ Стеф. Караджић, а особито как сам го роспитивао о његовом животу, о тих који су му помагали издавати у свет његове важне књиге, и поддрживали га, да може радити више и више за писменост Србску; овај пророк Србске изображености утврдио је у мојој души светлу мисао о заслугама ваше светлости.

Сад опет чујем о новој милости, којом ваша светлост саизволитћете удостоити писменост Србску, чујем да изволитћете опредѣлити капитал, на који издаватћедусе најважнније књиге Србске, као што су Нови Рјечник Србски Вука, Пјесме народа Србског, а тако дале. Из тога сваки види, до ваша светлост дубоко познаје потребе Србског просвештенја. Право имате: нек Срби познаду сами себе, шта су, и шта имаду, и што њим фали, нек се развије међу њима прави духъ народности, онда изображеност лахко ће к њима дођи народност

у народа је то само, што памет у човека: у сваког своја, а не има ли је — пропао је, за себе пропао, за других болје би било, кад би са свим пропао. Сознавајући дубокост ваше мисли и умолјавајући Бога, да укрепи ваше здравје на славу и срећу Србског рода, узимам си смелост захвалити вашој светлости са стране тих саплеменника ваших, који би ради били познати народ Србски из књига, који ћете издавати под вашим светлим покровом; опет као ученик Вука захвалјујем вама, светли кнеже, за внимање к великом мајстору Србског језика, којега заслуге так кнежески показатћете свету. Подкрепијавајући Вука, указатћете пут и другим Србам да изучавају народ свој, и раде за његов напредак; а своје светло име ћете поставит у сјајном реду благодетелја Србске писмености, нека немрклом звездом гори на успомен будућих векова.

Целујући десницу ваше светлости, имам част и срећу остати на свакда почитујућим вашу светлост. Из. Ср. 1/13 апр. 1842. У Пожуну. PS. Имам срећу засведочити моје дубоке уваженје благородном господину Живановићу, а њего молити да је преда од моје стране и не заборави Вуку.

На это письмо въ отвѣтѣ онъ пишетъ между прочимъ: «Землякъ мой, г. Вукъ,уживат'тье и отсад' при затруднителным' своим' литерарным' заниманіяма усердну подпору мою».—Спасибо Милошу. Сам Вукъ просилъ меня, чтобы я написалъ Милошу письмо въ этомъ родѣ, говоря, что онъ уважаетъ меня; е могу не радоваться, что мое письмо успѣло.

Поклонитесь Амвросію, и отдайте прилагаемыя у сего листочки: это отрывокъ изъ новаго альманаха «Нитра», который тутъ печатаютъ.

Прейса я тутъ ждалъ; а теперь получилъ письмо отъ Коллара, что онъ уѣхалъ изъ Пешти въ Краковъ. Удивляюсь, что самъ Прейсъ не написалъ мнѣ ни слова.

Цѣлую вашу ручку, душечка маменька.

Скоро, скоро я вашъ.

LXII.

№ 52. Брѣтислава. 22 апр. 1842.

Сегодня пятница, а въ пятницу собирается на моей Рыбной площади базаръ, продаютъ зелень, цвѣты, и т. д. Каждая баба приноситъ на плечахъ овальную кадушку, въ 1/2 арш. и болѣе шириною и въ аршинъ длиною, полную всякой всячины, раскладываетъ свой товаръ на землѣ, обливши водою, и начинаетъ торгъ. Сходятся покупщики и покупщицы, барыни и служанки, жиды и жидовки (которыхъ тутъ множество).



Такъ и сегодня. Такого веселаго шума, какъ у насъ, тутъ нѣтъ, да и

базаръ-то не Харьковскій: такихъ огромныхъ базаровъ я еще заграницей не видалъ. А тутъ въ Брѣтиславѣ я вижу хромоногихъ и кривоногихъ въ такомъ множествѣ, что 9-й или 10-й вѣрно переваливается на ногахъ: у иного одна нога короче, у другого переломлена, у третьяго носки ищутъ одинъ другого, четвертый на костылѣ или костыляхъ, пятой какъ кошка выдвигаетъ ногу за ногой, какъ будто изъ чамодана, шестой раскачивается идучи, какъ будто бы его тащили то въ одну, то въ другую сторону. И эти люди не изъ бѣднаго званія, а часто хорошо одѣтыя дамы и хорошенькія дѣвушки.

23-е.

Сегодня я ходилъ со Словаками пить молоко на одну изъ горъ, окружающихъ Брѣтиславу съ сѣвера. Вечеръ былъ чудесный; луна по серединѣ неба, съ горы внизъ огромный видъ на Дунай и за-Дунайскую безконечную равнину. Человѣкъ до 40 молодыхъ людей стали кругомъ, и давай пѣть, а лѣса по горамъ вторили ихъ пѣсни. Что за пѣсни! Музыканту не знать ихъ грѣхъ; а я, не музыкантъ, слушая нѣкоторыя, не могъ удержаться отъ слезъ.

24-е. Дѣвинъ.

Такихъ развалинъ я еще не видалъ, или по крайней мѣрѣ давно уже не видалъ. Подо мною, саженяхъ можетъ быть въ 150, съ запада на востокъ течетъ Дунай, а съ сѣвера впадаетъ въ него Морава; воды Дуная чисто голубыя; воды Моравы желто-мутны; Дунай перерѣзываетъ ихъ, но онѣ, еще долго не мѣшаясь съ водами Дуная, текутъ у лѣваго берега сами собою. На стрѣлкѣ возвышается утесистая гранитная гора—первая ступень Карпатовъ—двумя вершинами, на нихъ развалины замка Дѣвина (что перековеркано Нѣмцами въ Tëben), а за горою на Дунаѣ мѣстечко того же имени. На самомъ верху—отъ зданія осталась тутъ одна терраса—сижу на камнѣ, пишу и любуюсь видомъ. Эта вершина вся одна скала, на которую трудно бы и взобраться, если бы не павшія стѣны; уцѣлѣло тутъ не многое: ниже террасы уцѣлѣли стѣны какой то залы; еще ниже на конической скалѣ стоитъ часовенька, готовая, кажется, каждую минуту упасть въ Мораву, и между тѣмъ сохранившая на себѣ остатки бѣлыхъ и красныхъ трехугольниковъ, которыми была раскрашена; съ другой стороны, ниже, стѣны двухъярусцаго дома, подлѣ нихъ колодезь, въ глубинѣ котораго видна дверь, безъ сомнѣнія имѣющая сообщеніе съ внутренностью скалы; посреди скалы дверь въ скалу и оттуду переходы подскальныя. На другой вершинѣ тоже группа развалинъ и ниже

ихъ по отлогости горы къ Дунаю опять развалины съ остатками двухъ башень. Все пространство, на которомъ видны развалины замка, занимаютъ въ длину не менѣе 500 или 600 шаговъ и въ ширину отъ 300. Тутъ жили Велико-Моравскіе князья Святополкъ и Растиславъ. Все показываетъ, что замокъ былъ не только крѣпко, но и довольно красиво строенъ; есть между камнями и известкой и кирпичъ, отлично выжженный, а окна и двери обложены вытесанными плитами гранита.

Печальные, угрюмые остатки
Бывалаго могущества Славянъ...
Что было тутъ, преданіе забыло;
Потомокъ рабъ страдаетъ подъ ярмомъ
Своихъ враговъ и ждетъ-неждетъ уныло,
Освѣтитъ-ли судьба своимъ лучомъ
Его удѣлъ. Надежда искрой тлѣетъ,
И вспыхнула, и вновь ужъ леденѣетъ...
Угаснетъ-ли несчастная, иль нѣтъ,—
На Сѣверѣ готовится отвѣтъ.

Мы обѣдали въ мѣстечкѣ подъ горой, и потомъ воротились въ Брѣтиславу: дорожка идетъ по берегу Дуная, то по горѣ и полугорѣ, то у самаго берега. Идти надобно болѣе 2 часовъ.—Деревья начинаютъ развертываться: черезъ недѣлю будетъ зелено все.

$\frac{\text{1-е мая}}{\text{19- апрѣля.}}$ Свѣтлое воскресенье—въ Нитрѣ.

Еще третьяго дня взялъ я билетъ въ дилижансѣ, чтобы сегодня ѣхать въ Нитру. Вчера узнаю, что на дняхъ долженъ пріѣхать въ Брѣтиславу одинъ изъ почтеннѣйшихъ Словаковъ, Годжа [1]), и что слѣдовательно я не застану уже его въ его Липтовской столицѣ (уѣздѣ), и, если уѣду изъ Брѣтиславы, не видавшись съ нимъ тутъ, то уже и совсѣмъ не увижу. Что дѣлать. Остаться—2 гульдена (почти 5 рубл.) пропадутъ, не остаться—еще хуже! Я придумалъ такъ: ѣхать въ Нитру и далѣе воротиться назадъ въ Брѣтиславу: за заплоч. 2 гульдена доѣду до Нитры, за другіе 2 ворочусь назадъ, и слѣдовательно потеряю только то, что измѣню планъ пути. Въ 6 рано меня выпроводили какъ брата, и вотъ уже я въ Нитрѣ: бьетъ 1/2 8 вечера. Былъ въ семинаріи, не засталъ кого искалъ, и жду. Дорога очень порядочная. За Діосекомъ, гдѣ обѣдали, горы все болѣе видны, и чѣмъ ближе къ Нитрѣ тѣмъ виды чудеснѣе. Нитра лежитъ у подножія огромной горы Зобора на большой равнинѣ, растилающейся вокругъ него. Старый замокъ стоитъ впро-

[1]) Михаилъ-Милославъ Годжа (род. 1811 г.)—евангелическій проповѣдникъ, одинъ изъ дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

чемъ на скалѣ, будто нечаянно выдавшейся или какъ-бы скатившейся съ Зобора. Съ горы, по которой мы спускались въ равнину видъ на нее, на Нитру, на Зоборъ—радость. Самую Нитру мало знаю, но могу сказать, что она мнѣ нравится своей оригинальностью: всюду видишь простой народъ, Словаковъ, простодушно веселящихся, заѣздныхъ дворовъ для нихъ цѣлый рядъ, необыкновенная живость на улицѣ, со стульями и столами выходятъ передъ ворота сидѣть и работать. Нѣмецкій языкъ слышенъ очень рѣдко, и даже въ семинаріи на мой вопросъ нѣмецкій отвѣчали: nem tudom—не понимаю, прося объясниться по Мадьярски; я на это отвѣчалъ со своей стороны: nem értem madjarul, а кды хцете по Словенску, то пуйде. Домики есть очень милые; своей комнатой впрочемъ я недоволенъ: огромная и пустая.

2-е. Нитра.

Вицепребсидатъ Герομета, котораго я вчера ждалъ, пришелъ и отвелъ меня на островъ, гдѣ приготовлялся балъ. Садъ былъ освѣщенъ разноцвѣт. бумажными фонарями очень пестро, на площадкѣ передъ бесѣдкой памятники Гайдну, Моцарту, Бетховену и еще не знаю кому и надписи на Нѣмецкомъ, Словенскомъ и Мадьярскомъ, въ бесѣдкѣ музыка и танцы. (Танцуютъ—мазурку, польку, русскую кадриль: это любимые здѣшніе танцы). Мы ходили до 10 часовъ. Герομета милой молодой человѣкъ. Мимоходомъ познакомился я кое съ кѣмъ другимъ. Меня тутъ ждали, узнавши изъ газетъ, что я поѣду въ Татры (Карпаты). Жду, пока будутъ готовы мои вчерашнія попутницы: въ 8-мъ часу, онѣ хотятъ ѣхать въ Штявницу. Это двѣ сестры, съ которыми мы прохохотали всю дорогу.

3-е. Мадуницы.

Проводивши моихъ знакомыхъ, я съ Герометой къ аптекарю Лангу, который былъ въ перепискѣ съ раз. нашими естествоиспытателями и имѣетъ богатое собраніе черепахъ и растеній. Послѣ обѣда ходили мы на гору Зоборъ. На полугорѣ есть развалины Камальдульс. монастыря, отдаваемыя теперь подъ аренду корчмарю. Гораздо выше есть пещера св. Андрея Зорарда. Видъ съ горы на передовое пасмо Карпатовъ, къ самой Брѣтислави, на Нитранскую долину, покрытую лугами и полями, уже зелеными, на множество селеній. Гора покрыта лѣсомъ, только вершина гола и камениста. На возвратномъ пути мы пили молоко въ монастырѣ, случайно сошедшись съ дамами, которыя туда же ходили гулять. На другое утро, т. е. 3-го, т. е. сегодня, по предложенію Ланга я сѣлъ въ одну коляску съ комитатскимъ докторомъ Питранскимъ и поѣхалъ до Фраштака (Freystädtel), чтобы оттуда перебраться въ Мадуницы.

Докторъ завезъ меня во Фраштакѣ къ Сербскому купцу, уединенно тутъ живущему въ дали отъ православія и родины. Онъ обрадовался, увидя православнаго Русса, оставилъ обѣдать и потомъ далъ проводника до Мадуницъ, стараго хожалаго Словака.—И вотъ я тутъ. Мадуницы—деревенька, небольшая, небогатая, съ крошечной церковью, съ бѣднымъ приходскимъ домикомъ; но знаменита у Словаковъ болѣе многихъ большихъ и богатыхъ городовъ. Тутъ священникомъ Иванъ Голый—великій поэтъ, Чехо-Словенскій Державинъ. Къ сожалѣнію я не засталъ его дома: онъ поѣхалъ въ городокъ Тернову сегодня утромъ, и воротится можетъ быть поздно вечеромъ. Сижу въ комнатѣ его кухарки и жду. Можетъ быть и еще придется ждать нѣсколько часовъ. А хотѣлось бы уже скорѣй увидѣть Голаго. Словакъ, ведшій меня сюда, разсказывалъ мнѣ о немъ многое: «Такого князя (священника) и между тысячами не найдешь, такого добраго человѣка и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ; ни отъ кого ничего не требуетъ—ни десятины, ни за погребеніе или вѣнчанье, что дадутъ то и возметъ, а самъ раздаетъ всѣмъ, отъ этого и бѣденъ. Впрочемъ онъ и [не] думаетъ объ этомъ: ему уже давали и лучшіе приходы, хотѣли сдѣлать и каноникомъ,—не хочетъ, хочетъ и умереть въ Мадуницахъ. А пѣсни-то какъ складываетъ, хей!..»

4-е. Тернава.

Сидя съ кухаркою, я распрашивалъ и ее о Голомъ, а къ ея расказамъ прибавляли свои замѣчанія дѣвочки служанки то же самое. О хозяйствѣ онъ не думаетъ, все оставляетъ на руки кухарки; и такъ бывало, что кухарка опьется, а онъ остается цѣлый день на одномъ хлѣбѣ, и съ досады, чтобъ не видѣть пьяной кухарки, уйдетъ въ свою рощу Млечь (=Мличь), и просидитъ тамъ до 10—11 вечера. Съ женщинами говоритъ только тогда, когда это необходимо, и говоривши никогда не взглянетъ. Даже съ самими мужчинами говоритъ, очень рѣдко глядя на нихъ. Все въ окрестности, и священники, и помѣщики, его любятъ, желали бы его видѣть чаще; но онъ не любитъ общества, и выѣдетъ изъ своихъ Мадуницъ только въ случаѣ крайней нужды. Далѣе Брѣтиславы еще не былъ.—Къ вечеру кухарка пошла перестилать ему постель и пригласила меня посмотрѣть на его комнаты: ихъ двѣ, одна довольно большая, довольно бѣдно меблированная съ постелью для гостя, а другая крошечная, съ полками для книгъ, съ письменнымъ столомъ, съ его постелью, нечистая; въ этой другой онъ сидитъ всегда, тутъ и обѣдаетъ (онъ только обѣдаетъ, а завтракъ и ужинъ не знаетъ). «Однако тутъ холодно», сказалъ я, и хотѣлъ идти на другую половину, къ кухаркѣ, какъ вдругъ отворяются двери, и въ нихъ уставляется высокая плотная фигура. «Имѣю ли счастье видѣть васъ, словутный пане Голый!» Давая распоряженіе кучеру,

чтобы онъ сносилъ съ воза вещи, фигура отвѣчала мнѣ какъ то не-хотя, и я самъ не знаю что. Ну, думаю, это какой нибудь фарарь сосѣдскій, странный человѣкъ, и говорю ему: «Вы вѣрно хотѣли тоже видѣть Голаго; но его нѣтъ, и можетъ быть воротится еще поздно изъ Тернавы». Фигура оборотилась ко мнѣ и спрашиваетъ: «а вы имѣете какую нибудь нужду къ Голому?» — «О да: я бы пошелъ на конецъ свѣта, чтобы только его увидѣть.» «А отъ куда вы?» — «Я Русскій путешественникъ» — Русской? «Русской? О Боже мой!» — И мы обнялись, какъ родные, какъ отецъ съ сыномъ. Кухарка принесла свѣчу, и я увидѣлъ лице знакомаго незнакомца: бѣлое, довольно полное, покрытое свѣжимъ румянцемъ, съ голубыми глазами, съ длинными бѣлосѣдыми волосами, важное, можно сказать гордое, и между тѣмъ дѣтски, невинно доброе. Радость видѣть Русскаго одушевляла его. Голый обнималъ меня, цѣловалъ, жалъ руки. «Русской?! О вы, Русскіе, великій народъ, слава Славянъ! Русской!» Онъ утиралъ слезы. Мы перешли въ маленькую комнатку, закурили трубки и давай болтать о томъ о семъ. Моя фамилья была уже ему извѣстна; онъ впрочемъ не думалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Весь вечеръ до ½ перваго мы говорили о Россіи, о Русскомъ народѣ, о царѣ, о казакахъ. Онъ знаетъ прекрасно нашу исторію, помнитъ множество анекдотовъ, объясняющихъ Русскій характеръ, о Николаѣ говоритъ съ одушевленіемъ урожденнаго Русскаго. Вообще нигдѣ не видалъ я той глубокой любви къ намъ, нашей славѣ и нашему царю, какъ у Словаковъ: въ этомъ одинаковы и Словаки евангелисты, и Словаки католики. И тѣ и другіе уважаютъ даже наше православіе. Англичане же для нихъ—кровные враги. Утромъ я и не слышалъ, когда Голый всталъ и пошелъ въ церковь служить. Въ ½ 9-го онъ воротился, и мы опять стали разговаривать о Россіи. Передъ обѣдомъ мы пошли въ рощу Млечь, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій: шелъ дождь, я уговаривалъ его остаться дома, пустить меня одного, но онъ никакъ не соглашался. Роща довольно густая, но большія деревья всѣ вырублены, народъ оставилъ несрубленнымъ только тотъ дубъ, подъ которымъ Голый любитъ сидѣть. «Прежде онъ былъ вѣтвистѣе — говорилъ Голый—свѣжѣе, зеленѣе, а теперь, оставшись одинъ, долженъ бѣдный терпѣть отъ вѣтровъ и бурь». Подъ нимъ онъ сидитъ на травѣ, а когда мокро, то переходитъ на ближній пень и садится въ чащѣ на немъ. «Тутъ мнѣ никто не мѣшаетъ: никто не видитъ меня, никого я, и мысли ложатся вольно на бумагу». Воротившись, мы обѣдали. Потомъ я пережда лъ дождь, и взявши проводника, собрался въ путь. Голый проводилъ меня до ближней деревни; прощаясь, онъ цѣловалъ меня въ губы и лобъ, благословилъ, приговаривая: «не забывай, милый другъ, въ твоей великой родинѣ на насъ, бѣдныхъ Словаковъ; скажи своимъ, что мы ихъ любимъ, какъ братьевъ, и молимся за нихъ Богу: сильному дѣло, слабому

молитва». Мы плакали, прощаясь, и прощались нѣсколько разъ.—Голый высокаго роста, довольно плотный мужчина, величественной осанки. Каждый, увидя его, сказалъ бы, что онъ рожденъ быть поэтомъ: о давно прошедшемъ онъ говоритъ какъ будто о томъ, что только что было передъ его глазами, все живо чувствуетъ, плачетъ, припоминая что-нибудь великое или прекрасное, или злое. Простодушенъ онъ, какъ дитя; о томъ, что такое двумысліе, поддѣльность мысли или чувства, онъ, кажется, не имѣетъ и понятія; скромность удивительная: онъ не можетъ не знать, какъ его уважаютъ, даже иностранцы (пріѣзжающіе въ Питуянскія минераль-[ныя] воды въ 2 миляхъ отъ Мадуницъ),—и между тѣмъ съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ говорилъ мнѣ: «Повѣрь, милый другъ, мнѣ тяжело, мнѣ горько, что я недостоинъ того вниманія, которое мнѣ оказываютъ. Я бы хотѣлъ сдѣлать и то, и другое, я чувствую недостатки въ моихъ сочиненіяхъ, и между тѣмъ силъ не достаетъ».

5-е. Тернава.

Отъ Мадуницъ до Тернавы я пришелъ въ 3 часа. Деревеньки Словаковъ, черезъ которыя шелъ, довольно чисты: домики выштукатурены снаружи, покрыты соломой, стоятъ ровными линіями. Въ поляхъ слышны пѣсни Украинскихъ напѣвовъ. Тернава маленькій городокъ, но очень мило выстроенъ. Улицы ровны и широки, есть много большихъ домовъ, 9 церквей, почему и называется Тернава малымъ Римомъ. Отъ старыхъ стѣнъ еще остаются остатки; поповъ множество. Есть и нѣсколько сѣмей православныхъ, но священника не имѣютъ. Вокругъ Тернавы огромная равнина. Недалеко отъ Тернавы есть крѣпость Леопольдштадтъ (Опольдъ), построенная противу Турокъ; страшно подумать что Турки были такъ сильны, что укрѣпляться противъ нихъ надобно было у самаго подножія Карпатовъ, какъ будто они шли съ этихъ горъ. Черезъ ¼ часа я ѣду въ Брѣтиславу: мѣсто въ штельвагенѣ (покойная карета) стоитъ 1 гульденъ серебра = 2,30 к.

7-е. Брѣтислава.

Годжу я нашелъ въ Брѣтиславѣ: молодой человѣкъ, очень образованный и пылкій Словакъ. О, если бы такихъ болѣе въ этомъ угнѣтенномъ народѣ. У Штура очень много заботъ, и потому мы съ нимъ вдвоемъ проводимъ почти цѣлой день. На вечеръ сходимся всѣ вмѣстѣ.

8-е. Пароходъ Карлъ Францъ.

Вчера, узнавши, что я ѣду изъ Брѣтислави, и съ тѣмъ чтобы не воро-

титься, пришли ко мнѣ прощаться Сербы и Словаки, прежде одни, потомъ другіе, поручивши за всѣхъ говорить одному изъ товарищей, благодарили меня за посѣщеніе Брѣтиславы, за дружбу, за совѣты, за братскую взаимность... Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ Русскихъ, я самъ желалъ бы быть свидѣтелемъ подобной сцены. Отвѣчая имъ, сколько могъ выразить свои чувства на ихъ нарѣчіи, я плакалъ; видя въ цѣлой толпѣ нравственныхъ юношей одну мысль, одну надежду, одну молитву, и къ себѣ такое искренно-родственное чувство, заплакалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій. Вечеръ провели мы вмѣстѣ съ Штуромъ Людевитомъ и Годжей Михаиломъ, и побратались на жизнь. Такими братьями гордиться могу. Сегодня въ 6-мъ часу у насъ (Годжа ѣдетъ вмѣстѣ со мною и ночевалъ у меня) уже комната была полна молодыми Сербами и Словаками, захотѣвшими насъ проводить до парохода. Мы толпою пришли къ берегу, простились, отдѣлились, поѣхали, но шляпы и шапки еще долго, долго мелькали надъ головами. Одного такого прощанья было бы довольно для того, въ комъ еще не пробудилось чувство Славянское. Прощай, Брѣтислава, разцвѣтай для будущей славы Славянъ!... Я ѣду въ Пештъ...

После обѣда у Вацова (Wattzew)

Уже ½ 6-го послѣ обѣда. Передъ обѣдомъ останавливались мы на нѣсколько минутъ у Коморна: порядочной городокъ, а далѣе на берегу крѣпость, одна изъ сильнѣйшихъ во всей Венгріи. До Остригома (Grau) Дунай очень однообразенъ, равнина да лѣса, и то молодые, а равнина видна сажня на два отъ берега: скучно. У Остригома опять начинаются гористые берега. Въ самомъ Остригомѣ есть довольно большая гора, и на ней строится величественная церковь, жаль что поставленная къ Дунаю задомъ, но всетаки огромная и величественная; внутри уже многое сдѣлано; снаружи недостаетъ башень; вся обшита мраморомъ. Чѣмъ далѣе отъ Остригома, тѣмъ горы выше, между горами кое-гдѣ долинки, все блещетъ весенней зеленью. Только что теперь потерялся изъ виду Вышеградъ — развалины замка на горѣ вышиною до 300 сажень. Передъ Вышеградомъ горы такъ сперлись со всѣхъ сторонъ, что для плывущаго Дунай кажется озеромъ. Есть преданіе о Нѣмцахъ, въ первый разъ сюда приплывшихъ: думая что Дунай тутъ кончился, они пристали къ берегу, вышли на гору, увидѣли, что рѣка течетъ далѣе, и — перетащили черезъ гору свои лодки на плечахъ. А между тѣмъ и между этими горами Дунай широкъ очень довольно. Развалины Вышеграда огромны и занимаютъ не только верхушку горы, но спускаются и къ самому берегу: видны башни, видны стѣны, все огромныхъ размѣровъ. Теперь около Вышеграда живутъ Нѣмцы; а Славяне за ними; прежде Нѣмцевъ не было. У Вацова пристанемъ на нѣсколько минутъ. Об-

щество наше довольно незначительно. Занимательнѣйшія лица: a) Графъ Батьяни, богачь, цѣлой день лежавшій то на палубѣ, то въ камерѣ, отворотивши заднюю часть тѣла къ публикѣ, b) баронъ Радецкій, съ которымъ я случайно познакомился, и объявившій мнѣ, что онъ имѣетъ пять материнскихъ языковъ, c) всеобщая жена, знающая понемногу каждый языкъ, между прочимъ и Русской, и искавшая себѣ прочнаго пріятеля. Изъ Вацова пристало къ намъ множество гостей; но общество отъ этого не одушевилось.

Пештъ.

Въ 8¼ пристали мы къ берегу, и снесши багажъ къ Англійской королевѣ, тотчасъ пошли къ Колляру и просидѣли до 10.

9-е. Пештъ.

Утромъ былъ у Павловича [1]), у Субботича [2]) и потомъ обѣдалъ у Коллара. Послѣ обѣда пошли въ 3-хъ съ Колларомъ къ Долежалку, съ которымъ встрѣтился вчера на пароходѣ, и оттуда поѣхали въ Ирму (1 часъ отъ Будима), гдѣ погребена Александра Павловна, покойная супруга палатина. Въ долинѣ между горами лежитъ это село. Въ сторонѣ отъ села, окруженная садами стоитъ часовня, очень маленькая, но прекрасно выстроенная изъ дикаго камня и мрамора; далѣе домъ для пѣвчихъ, а еще далѣе домъ священника отца Амфилохія. Онъ спалъ когда мы пріѣхали; насъ проводилъ въ часовню пѣвчій Марсовъ. Ризы, чаша и сосуды, евангеліе, покровы, все великолѣпно богато. Подъ часовнею погребъ, въ который спускаешься по витой лестницѣ. Тамъ въ мѣдномъ гробу, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, лежитъ другой гробъ обитый парчею, и въ немъ покоится тѣло. Одинъ ключь отъ гроба у ерцгергога, другой у священника, и гробъ отпирается для освидѣтельствованія только при перемѣнѣ священника. Обѣдня служится каждое воскресенье и въ великіе праздники. Если бы землѣ угрожала какая нибудь военная безопасность, то тѣло перевозится въ Будимскую крѣпость (это уже случалось два раза). Поклонившись праху и осмотрѣвши часовню, мы пошли къ священнику. Моя фамилья была ему извѣстна по газетамъ; а самъ онъ очень милый человѣкъ: мы провели у него съ часъ очень весело. Онъ уже тутъ 11 лѣтъ, и начинаетъ забывать Русской языкъ, выговариваетъ чисто, но забываетъ выраженія. Душою впрочемъ не только Русской, но и Славянинъ. Воротились мы назадъ къ половинѣ 7-го и въ театръ. Давали Роберта дьявола: принцессу Изабеллу играла Вѣнская Гассельбартъ, и играла безподобно: я еще не слышалъ, чтобъ она выдѣлывала всѣ пассажи съ такимъ искусствомъ и непринужденностью; Бертрамъ (Драксслеръ)

[1]) Тодоръ Павловичь—Сербо-хорватскій литераторъ, редакторъ «Сербскаго народнаго листа», «Сербской лѣтописи» (съ 1837 г.) и др.

[2]) Іованъ Субботичь (род. 1817)—извѣстный Сербо-хорватскій писатель и литераторъ новаго времени.

былъ также хорошъ. Остальные посредственны; оркестръ превосходенъ (оркестръ тутъ находится подъ дирекціей молодого Славика, брата знаменитаго Славика (извѣстнаго подъ именемъ Долче).

10-е.

По Венгріи, какъ мнѣ говорили въ книжной лавкѣ, распространено около 300 Англичанъ, распространяющихъ въ Мадьярахъ вражду къ Русскимъ. Такъ они боятся насъ.

11-е.

Былъ у почтеннаго издателя сочиненій Голаго М. Гамульяка. Не горько ли подумать, что эти безсмертныя творенья могли печататься только въ 300 экз. и что, такъ какъ подписная цѣна очень дешева (6 флор. сереб. = 4 руб. сер. за 4 большихъ тома), то Гамульякъ долженъ прибавить своихъ денегъ. Бѣдные Словаки: Мадьяры ихъ преслѣдуютъ, а публика ихъ мала, и помощи ни откуда!

Больше писать не буду въ этомъ письмѣ. Начну № 53, а этотъ пошлю сегодня.

Милая душенька маменька! Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Сохрани Господь Богъ ваше здоровье. Будьте веселы: скоро, ужъ скоро я буду у васъ. Цѣлую вашу ручку. Поклонитесь всѣмъ знакомымъ нашимъ.

Богъ васъ опатруй. Вашъ сынъ Измаилъ Срезневскій.

LXII.

№ 53. Острогомъ (Gran). 12-е мая.

Въ семь часовъ утра я выѣхалъ сегодня изъ Пешти на пароходѣ и пріѣхалъ сюда въ началѣ третьяго послѣ обѣда. Сначала въ строющуюся церковь: огромная будетъ, великолѣпная, но покамѣстъ остается еще многое въ ожиданіи. Потомъ къ профессору Руми. Онъ Мадьяръ родомъ, но умный человѣкъ, бранитъ Мадьяровъ за ихъ желаніе все омадьярить, знаетъ хорошо языкъ Сербскій, самъ выписываетъ Гаевы Иллирскія Новины и Денницу и пишетъ не только Мадьярски но и Сербски. Онъ одинъ изъ ученѣйшихъ Мадьяровъ. Съ нимъ вмѣстѣ и съ однимъ Мадьярскимъ графомъ, сопутникомъ по пароходу, мы пошли въ архіепископскую библіотеку, а потомъ въ церковь. Отдѣлана въ ней только Стефанова капелла, въ которой поставленъ до времени и алтарный огромный образъ, изображающій вѣнчаніе короля Стефана. Отдѣ-

ланы также погреба, и превосходны: онѣ опредѣлены для тѣлъ архіепископовъ и канониковъ, идутъ подъ всей церковью, высоки и величественны. Статуи, которыя будутъ стоять передъ церковью (Петръ и Павелъ) огромныхъ размѣровъ (сажени въ 3 вышиною каждый) дѣлаются Казаграндою; подъ его же смотрѣніемъ приготовляютъ и барельефы. Казагранда умный художникъ. Ходили мы на самый верхъ церькви, видѣли и модель цѣлаго зданія; впрочемъ планъ теперь измѣненъ. Подъ горою прямо къ Дунаю епископскій городъ, а далѣе собств. свобод. городъ. Немощенъ, нечистъ, дурно построенъ. Все Мадьярское. Есть впрочемъ и Сербская церковь. Мѣстоположеніе роскошно: кругомъ горы, покрытыя лѣсами и виноградниками. Особенно хорошъ видъ съ горы, гдѣ церковь; Дунай и Дунайская долина роскошно разстилаются въ обѣ стороны; приближающійся пароходъ виденъ въ одну сторону за 2, въ другую за 1 часъ до прихода.

Немци (Nemeti) $\frac{13}{1}$ мая.

Гранъ = Остригомъ стоитъ на правомъ берегу Дуная; на другой сторонѣ черезъ мостъ селеніе Парканъ, чисто Мадьярское, очень чистое и промышленное. Тамъ всего легче найдти извощика изъ Грана въ любую сторону. Этотъ извощикъ запрягаетъ въ свой безконечно длинный возъ четыре лошади цугомъ, садится на одну изъ увозныхъ—и пошелъ. Возъ почти вдвое длиннѣе Русскаго воза, переложенъ во всю длину обручами, и по обручамъ покрытъ полотномъ. Внутри положатъ сѣна, сколько угодно, покроютъ чѣмъ нибудь, путешественникъ ляжетъ тамъ какъ убитой волъ, и пока сѣно не сляжется, можетъ спокойно спать, не чувствуя тряски. Первый переѣздъ великъ и проворенъ; далѣе, не смотря на три часа отдыха, лошади бѣжатъ уже не хотя; а наконецъ, не слушаясь ни понуканій, ни хлестанья бича, ни ударовъ, тащутся едва-едва. Вчера Парканцы приходили ко мнѣ одинъ за другимъ отъ 7 до 9 вечера; я не взялъ однако ни одного: одни просили много, другіе не понимали ни слова ни по Нѣмецки, ни по Словенски. Сегодня я договорилъ Нѣмецкій штейерльвагенъ (повозочку) о двухъ добрыхъ лошадяхъ за 10 гульд. серб., выѣхалъ въ 10, обѣдалъ въ Иполи, а на ночь пріѣхалъ сюда. Кучеръ мой хоть и Мадьяръ, но говоритъ и по Словенски. До Иполи и въ Иполи все Мадьярское, однако съ хозяйкой я говорилъ по Словенски. Кучеръ говорилъ мнѣ, что и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Словаковъ и вовсе нѣтъ, на постоялыхъ дворахъ всѣ понимаютъ Словенскій языкъ. За Ипольемъ начинаются Словаки. Мужчины одѣты беднѣе, женщины чище, лица пріятнѣе. Въ селеніяхъ все приготовляется къ Турицамъ (Троицѣ—послѣ завтра): перины вывѣшены на заборы, домики бѣлятся... Въ поляхъ сѣютъ. За часъ до Нѣм-

цевъ проѣзжалъ я черезъ маленькую деревеньку, гдѣ домики всѣ до одного курные. Какъ она, такъ и другія селенія часа три отъ Немцевъ лежатъ въ узкой долинѣ, по которой течетъ рѣченка Штявница. Склоны съ обѣихъ сторонъ покрыты лѣсомъ; соловьевъ множество. Гостинница гдѣ я остановился очень порядочная: комната которую мнѣ отвели велика, чиста, съ готовыми постелями... Я выпилъ чашку чернаго кофію, и теперь велѣлъ подать себѣ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ: и молоко и хлѣбъ прекрасны. Вообще во всей Венгріи хлѣбъ очень хорошъ, и бѣлой и житной. Мясо тоже прекрасное... И тутъ былъ пожаръ: весна время пожаровъ въ Венгріи, выгораютъ цѣлыя села и городки; такъ нынѣшнею весною выгорѣла и Модра.

$\frac{2}{14}$ мая. Штявница (Schemnitz).

Сюда я пріѣхалъ въ началѣ 10-го. Хотѣлъ было идти къ суперинтенденту Себерини, спрашиваю о его квартирѣ; болтливый мальчикъ, хотѣвшій меня провести къ нему, объявляетъ мнѣ, что онъ бываетъ въ трактирѣ часто, что онъ посѣщаетъ тутъ больнаго. Кто онъ?—Не знаю.—Давно-ли?—Съ мѣсяцъ. Лечу—и не ошибся: Прейсъ еще тутъ, и бѣдный боленъ. Еще Годжа говорилъ мнѣ, что онъ видѣлся съ нимъ тутъ, но этому прошло уже почти двѣ недѣли, я воображалъ, что Прейсъ уже въ Варшавѣ. Онъ впрочемъ меня ждалъ со дня на день. Обрадовавшись встрѣчѣ, мы провели съ нимъ цѣлый день. Только передъ вечеромъ съ однимъ Сербомъ, приходившимъ къ Прейсу, я выходилъ на полчаса прогуляться, и съ одного возвышенія взглянулъ на городъ. Городъ маленькій, не дурно выстроенный, но весь на косогорѣ такъ, что нѣтъ ни одной улички неспускающейся внизъ; кругомъ поднимаются разомъ горы. Съ возвышенія видѣлъ я и бѣлоснѣжныя вершины Карпатовъ. Теперь уже спать пора, и глаза смыкаются, и потому я только скажу еще то, что Штявница извѣстна своими рудокопнями и что во вторникъ начинается ярмарка, а потому я и не могъ получить тутъ комнату, какую хотѣлъ.

16-е мая.

Сегодня разбудилъ меня горный практикантъ сдѣшній, родомъ Сербъ изъ княжества, Бранковичъ, въ половинѣ втораго: такъ мы уговорились съ нимъ вчера, чтобъ идти на гору Сытно и встрѣтить тамъ восходъ солнца. Къ намъ пристали еще два практиканта Павловичъ Сербъ и Фридакъ Словакъ. Мы шли до вершины горы часа два съ половиной, не останавливаясь.

Подъемы не круты, но прежде нежели достигнемъ вершины, надобно нѣсколько разъ спуститься въ долины, и слѣдовательно опять подниматься. Гора возвышается на 4,500 фут. надъ моремъ, и около 3,000 ф. надъ Штявницей. Главное ея возвышеніе почти всюду покрыто лѣсомъ; только на самой вершинѣ поднимаются огромныя, отвѣсистыя скалы. На нихъ стоитъ бесѣдка, немного ниже корчма, въ которой мы могли найдти вдоволь молока. Восходъ солнца былъ впрочемъ очень скученъ, изъ за облаковъ. Отъ этого нельзя было видѣть и всѣхъ горъ: всѣ окрестныя казались или холмами, или сливались въ одну равнину; отдаленныя, и особенно снѣжныя нельзя было и видѣть хорошо изъ за тумана; въ другое время видно до Коморна и Дунай и на сѣверѣ вершины Карпатовъ. Сытно значитъ адъ: Богъ знаетъ почему такое названіе могла получить гора. Говорятъ, что на немъ открывали клады, что видѣнъ иногда возъ на огненныхъ колесахъ быстро бѣгущій, что въ его пещерахъ живутъ чуть не безсмертные люди; поютъ впрочемъ о немъ и самыя невинныя пѣсни, напр.: na tom Sytně ruža kwitne, kdo ju bude trhati... Мы воротились назадъ къ 10 часамъ. По дорогѣ встрѣчались люди, идущіе изъ церкви: и мужчины, и женщины очень хорошо одѣты; но лица мужчинъ измождены, иные хромы, другіе слѣпы или кривы, и т. д. Работниковъ въ здѣшнихъ рудокопняхъ до 4000. Чистаго дохода получаетъ правительство никогда болѣе 150,000 гульд. сереб. Плата работнику отъ 8 до 9 гульд. въ мѣсяцъ. Плата хороша, но всетаки жаль на такую работу употреблять честныхъ людей.

18-е мая.

Вчера вечеромъ въ началѣ 9-го пришли за мною Бранковичъ и Фрндакъ съ лампами и съ горнымъ платьемъ (штаны и куртка изъ толстой крашенины, кожа на задъ и шапка высокая валеная зеленая), и мы пошли въ рудокопни. Около трехъ часовъ оставался я подъ землею, и вышелъ изъ подъ земли въ Виндшахтѣ, за 3/4 часа отъ Штявницы. Несмотря на то, что мы опускались въ одномъ мѣстѣ слишкомъ на 50 лѣстницъ, и потомъ поднялись на 106 лѣстницъ вверхъ (каждая около и болѣе сажня и назыв. фартъ), однако работающихъ еще не видали: такъ они глубоко подъ землею. Особенное чувство рождается когда бродишь подъ землею, по проходамъ, прорытымъ самимъ человѣкомъ... Каждая [лѣстница] пригвождена сверху, и снизу укрѣплена на узенькомъ полу, работникъ опускаясь или поднимаясь, держитъ въ одной рукѣ лампу, а въ зубахъ трубку. Около лѣстницъ машина, поднимающая воду и руду. Главная у Виндшахты машина занимаетъ въ глубь 1,250 футовъ. Въ Виндшахтѣ пришли мы къ бергману Добрянскому, Русину изъ Спижской столицы: и онъ

русистъ, надъ постелью у него Петръ Великій, а со всѣхъ сторонъ карты частей свѣта, гдѣ Россія имѣетъ свои владѣнія; портретъ Николая на другой сторонѣ; о Россіи говоритъ онъ съ какою то чудной гордостью и любовью. Мы воротились домой въ половинѣ 1-го.

19-е. Лиготка.

Сегодня въ 10-мъ часу я простился со Штявницей и Прейсомъ. Болѣзнь удержитъ его тамъ еще съ недѣлю, а потомъ онъ проѣдетъ въ Краковъ скорымъ маршемъ; а я хочу обойдти Словаковъ порядочно, и слѣдовательно не смѣю терять времени. До Склѐнной Топлицы провожалъ меня Бранковичь (2 часа хода отъ Штявницы): тамъ мы зашли въ баню минераль[ныхъ] горячихъ водъ, выкупались и потомъ пообѣдали. Дорога шла сначала тяжело на гору, потомъ горою внизъ и вверхъ по лѣсамъ и далѣе долиной. Купалень пять, хорошо обстроены, но кажется всѣ для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. Далѣе пошелъ я съ проводникомъ одинъ въ деревню Крестъ (Крижъ, Kreutz, Керстъ) черезъ гору, которой вершина называется Золотой столъ, и потомъ спустился въ долину къ Грону. Въ Крестѣ есть замокъ, гдѣ живетъ епископъ Бѣлянскій, покровительствующій Голому. Онъ боленъ, и я не рѣшился безпокоить его посѣщеніемъ, а пошелъ далѣе и пришелъ сюда: постоялой дворъ у дороги въ Кремницъ, за нею потокъ Руница, за Руницей на холмѣ деревня Лиготка.

20-е мая. Кремница (Kremnitz).

Въ 10-мъ часу сегодня я пришелъ сюда, при самомъ входѣ въ городъ встрѣтилъ г. Ивачковича, къ которому адресовалъ меня Бранковичь, и съ нимъ пошелъ въ топильни, гдѣ руда топится, металъ очищается и добывается. Кромѣ множества олова, и довольно порядочнаго количества серебра, получается и до 6 пудовъ золота. Не смотря однако на это, правительство питается надеждами на будущее и теряетъ ежегодно до 60,000 гульд. серебромъ. Въ топильняхъ (Hütten) все показывалъ и объяснялъ мнѣ директоръ топиленъ, молодой, бойкой человѣкъ. Кремница лежитъ у истоковъ Руницы, такъ же какъ Штявница между горами; обстроена хуже.

21-е.

Послѣ обѣда мы отправились вчера на монетный дворъ. Это единственный для цѣлой Венгріи: на немъ чеканится ежегодно около 250,000 червонцевъ и на 1.200,000 гульд. серебра ежегодно. Серебро и золото поступаютъ сюда еще въ смѣси, отдѣляется, тянется въ ленты, изъ которыхъ вы-

рѣзываются монетные кружки, потомъ кружки подпиливаются по должному вѣсу, серебренные для цванцигеровъ (двугривенныхъ), оксидируются, чтобы получили бѣлый серебренный цвѣтъ (а до этого серебро кажется оловомъ, такъ нечисто), правильно округляются гладко и наконецъ чеканятся. Мы застали чеканенье и серебра и золота и я даже самъ отчеканилъ себѣ нѣсколько цванцигеровъ. Далѣе пошли мы къ евангелическому Словенскому пастору, и ходили съ нимъ вмѣстѣ въ такъ назыв. замокъ, гдѣ старая церковь, и на фарфоровую фабрику. Глина выжигается изъ кремнозема. Выжигать впрочемъ тутъ не умѣютъ. Назадъ шли мы мимо домовъ, гдѣ прежде жили храмовые рыцари, или какъ народъ ихъ называетъ Красные монахи. Они были и въ Штявницѣ. Нѣмцы пришли впрочемъ сюда прежде нихъ, и Нѣмецкій языкъ тутъ очень силенъ, особенно въ классѣ горныхъ и монетныхъ работниковъ.

Сегодня мы ходили съ пасторомъ Главачемъ къ фискалу-архиваріусу городского архива. Онъ мадьяроманъ, а я Русской, и потому отвѣтомъ было, что въ архивѣ ничего нѣтъ примѣчательнаго. Хоть онъ потомъ склонился показать; но въ данное время въ архивъ не пришелъ, а оставилъ только реестръ. Огромная книга, на просмотръ которой надобно по крайней мѣрѣ два или три дня. Я могъ только замѣтить, что есть вещи изъ перв. половины XIII вѣка Напишу Палацкому, пускай пріѣзжаетъ самъ.

21-е Теплица у Гая.

Опять въ Теплицѣ,—и въ добавокъ въ Турчанской столицѣ, откуда приходятъ къ намъ Словаки съ лекарствами, что тутъ зовутся олейкари. Большая часть этой столицы представляетъ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, на которыхъ кое гдѣ еще до сихъ поръ остался снѣгъ. Дорога изъ Кремницы идетъ на гору, между лѣсами еловыми, и мимо Нѣмецкихъ деревень; потомъ постепенно спускается и наконецъ за Alt Stuben къ Neu Stuben идетъ по долинѣ. Долина очень велика, покрыта лугами, полями, лѣсами, тоже большею частью еловыми. Природа вообще здѣсь прекрасна. Бани тутъ теплыя. Я купался сегодня въ самой холодной, и та довольно тепла. Со мною еще купались мужъ съ женою, незнаю кто. Гостей еще кажется мало. Комнаты очень дурны: мебель мужицкая и полы нечисты. Я впрочемъ останусь тутъ до вторника (сегодня суббота): обѣщалъ придти Главачь, чтобы вмѣстѣ идти къ какимъ то развалинамъ. Время не потеряю, я между тѣмъ и покупаюсь. Отъ Кремницы сюда четыре часа ходьбы: я заплатилъ 2 двугривенныхъ вожатому, несшему мое добро; а отъ Штявницы до Кремницы 4 двугривенныхъ. Около Кремницы есть много кретиновъ, людей низкихъ, глупыхъ, едва понятно выговаривающихъ,—и всѣ они изъ Нѣмцевъ.

22. Воскресенье.

Сегодня послѣ купанья пошелъ я къ евангелическому князю (священнику) Мартини въ Гай, за 1/4 часа отъ Теплицы, и съ нимъ въ церковь. Церковь по обычаю покрыта лавками, каждый приходитъ съ молитвенникомъ и кладетъ передъ собою. Надъ лавками довольно высоко, почти надъ цѣлой половиной церкви хоры: на хорахъ стоятъ мужчины, особенно молодые, внизу жены, а спереди дѣвушки. Передъ обѣдней и послѣ обѣдни сверху внизъ кидаются такъ называемыя вонячки, т. е. букетики цвѣтовъ: каждый бросаетъ своей милой; впрочемъ не переглядываются. Турчанки славятся красотою, и въ самомъ дѣлѣ есть много хорошенькихъ. Одѣты всѣ очень чисто. Обыкновенный цвѣтъ синій.

24-е.

Сегодня вмѣстѣ съ Мартини ходили мы на Градки (1 часъ отъ Гая), гору на которой былъ когда то замокъ. Теперь уже все заросло деревьями. Остаются только камни и кирпичи, и преданіе, которое между прочимъ говоритъ, что погребъ въ глубинѣ горы открывается самъ собою каждые три года въ неизвѣстный день, и что кто попадетъ въ это время въ погребъ, тотъ можетъ набрать золота въ волю. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ было Eborum. Видъ съ горы роскошной: съ одной стороны на Турчанскую долину и горы, а съ другой въ глубокое удолье, въ глубинѣ котораго стремится горный потокъ, а на одной изъ отлогостей стоитъ пастушій салашъ, и вокругъ пасутся между густымъ лѣсомъ на полянахъ овцы и козы.

Мошовцы, 27 мая.

Третьяго дня рано я вышелъ изъ Теплицы въ мѣстечко Мошовцы и остановился было въ постояломъ дворѣ; но священникъ Кубовичъ, котораго я тотчасъ посѣтилъ, заставилъ меня перейдти къ себѣ. День прошелъ въ разговорѣ, а на вечеръ съ учителемъ Чипкаемъ отправились въ Блатницу къ священнику Месу, съ тѣмъ чтобы на другой день сдѣлать прогулку въ горы. Вчера рано пристала къ намъ и жена Кубовича съ двумя дѣвушками и жена Меса съ сестрой да различнаго съѣдомаго плечей 5. Мимо стараго Блатницкаго замка долиной пошли мы къ горѣ Толстой, и потомъ по ней, къ Махарной пещерѣ: къ ней карабкались, съ нее скатились; а тамъ и варили, и пекли, и жарили, и пѣли пѣсни, а между тѣмъ въ мою записную книжку перепадало и то другое любопытное, что мнѣ разсказывали. Теперь мы опять въ Мошовцахъ и собираемся въ новый путь. Блатница знаменита тѣмъ, что имѣетъ много Руссовъ,

т. е. олейкарей, ходившихъ по Россіи; они богатые люди; говорятъ языкомъ смѣшаннымъ, ни Словенски, ни Русски, имѣютъ самовары и чашки, и пьютъ чай, приняли разные Русскіе обычаи, и нѣкоторые по Русски говорятъ довольно хорошо, даже самъ священникъ выучился.

Блатница. 29.

Я все еще тутъ, въ Турчанской столицѣ. Третьяго дни ѣздили мы въ четырехъ въ село Шклабиню, къ развалинамъ стараго замка. Вчера цѣлый день остался въ Блатницѣ и разспрашивалъ объ обычаяхъ, а сегодня хочу присутствовать на сватьбѣ. Третьяго дни вечеромъ мы пили чай у одного изъ Москвалей (какъ тутъ называютъ ходящихъ въ Россію): чай былъ хорошъ когда то, но потерялъ запахъ и отзывается разными маслами. Онъ мнѣ сказалъ, что Блатничане, не ходя въ Россію, не могли бы жить.

Иванчина. 1-е Іюня.

Со мною случилась исторія. Жаль, что подробно разсказать ее не могу въ письмѣ. 29-го (воскресенье) я былъ въ Блатницѣ на сватебномъ обрядѣ и послѣ обѣда вмѣстѣ съ священникомъ и его женою пошли въ Мошовцы. Пришедши, мы пили чай, пѣли, плясали. Въ 12-мъ часу вечера пришелъ присяжный, который, узнавши обо мнѣ, захотѣлъ меня видѣть. Сначала было хорошо, но, опившись вина и чаю съ ромомъ, онъ захотѣлъ показать себя какъ чиновника важнаго на мнѣ; я ему замѣтилъ, что мы теперь въ приватномъ обществѣ, и всѣ равно приватные люди. Ich, ich bin ein privat? взревѣлъ онъ и напустился на меня, говоря что въ столицѣ и самъ Kaiser von Oesterreich зависитъ отъ него, что меня онъ можетъ взять въ арестъ, можетъ повѣсить. Я показалъ ему часы (было ½ 2-го за полночь) и, сказавши, что могу разговоромъ ввести его еще въ большее искушеніе, пожелалъ ему покойной ночи. Aber der Pass?—Паспортъ покажу завтра, а сегодня хочу спать. Съ этимъ я ушелъ въ другую комнату. Еще сильнѣе взбурился мой присяжной, кричалъ, грозилъ, и все это продолжалось до ½ 4-го. Меша стоялъ за меня, говорилъ, что такимъ обхожденіемъ со мною онъ подаетъ мнѣ худое мнѣніе не только о себѣ, но и о невѣ[же]ствѣ цѣлой столицы. Мало по малу онъ усмирѣлъ. Меша пришелъ ко мнѣ, прося, чтобы я ему показалъ паспортъ и отвязался отъ него. Я отвѣчалъ: пожалуй, пусть придетъ ко мнѣ ex officio съ вопросомъ, кто я и имѣю ли паспортъ. Онъ пришелъ, я принялъ его, какъ новое, совершенно незнакомое лице, показалъ паспортъ; онъ сталъ просить прощенія, и въ пылу желанія благодѣтельствовать мнѣ сказалъ, что дастъ форспангъ (почтов. лошадей, которыя тутъ даются только безъ денегъ, по казенной надобности).

Впрочемъ примиреніемъ дѣло не окончилось: онъ ушелъ уже въ 6-мъ часу, напившись кофію. Тогда только легли мы спать. Послѣ обѣда всѣ мы пошли вмѣстѣ въ Иванчину, гдѣ священникомъ Солтисъ, одинъ изъ извѣст. писателей: меня хотѣли проводить. День прошелъ пріятно, я остался ночевать у Солтиса, на другой день думая далѣе. Вчера пошли мы прогуливаться съ Солтисомъ къ р. Турцу, какъ вдругъ намъ даютъ знать что пріѣхалъ служный (Stullrichter, земскій судья) и хочетъ меня видѣть. Онъ просилъ меня показать паспортъ, разспрашивая о моихъ путешествіяхъ и разговаривая довольно вѣжливо; а потомъ сказалъ, что мой паспортъ недостаточенъ, что теперь въ Венгріи владычествуетъ національизмъ (т. е. мадьяризмъ), что Славяне вооружаются противъ него, хотѣли бы имѣть царемъ Русскаго царя и что поэтому всякой Русскій подозрителенъ (verdächtig). Далѣе далъ мнѣ совѣтъ идти къ вицеишпану столицы и просить его визировать паспортъ. Вице-ишпанъ чортъ знаетъ гдѣ, и потому я рѣшился прямо къ обер-ишпану, живущему въ Мошовцахъ, какъ въ помѣстьи. Съ Солтисомъ я воротился въ Мошовцы, былъ у оберишпана, очень хорошо имъ принятъ, и получилъ отъ него своеручное визо. На мое удивленіе, какъ могъ мнѣ служный сказать, что всякой Русскій подозрителенъ въ Венгріи и что паспортъ данный правительствомъ Русскимъ и утвержденный правительствомъ Австрійскимъ, недостаточенъ, баронъ Ревай отвѣчалъ мнѣ: простите невѣжеству сказавшаго, и чтобы не имѣть впередъ дѣла съ невѣжами, представляйте всюду свой пашпортъ вицеишпану сами. Онъ оставлялъ меня на вечеръ, но мнѣ хотѣлось еще посѣтить домъ, гдѣ родился Колляръ, и католическую церковь. Братъ Колляра—скорнякъ, очень бѣдной. Въ церкви я видѣлъ дерев. статуи Кирилла и Меѳодія, безъ всякихъ римскихъ признаковъ, вставленныя въ коробъ или шкафъ съ дверями, похожій на наши складни, и на дверяхъ образа греческой школы въ золотомъ полѣ. Ночевалъ въ Мошовцахъ, а сегодня воротился въ Иванчину, и по дорогѣ смокъ, а потому и долженъ былъ остаться на ночь. Не я первый остановленъ былъ въ Турчанской столицѣ: и у короля Саксонскаго, шедшаго по Карпатамъ, спросили тутъ паспортъ, и онъ отдѣлался подарками. Турчанскіе дворяне чрезвычайно бѣдны, иные бѣднѣе бѣднѣйшихъ мужиковъ, и ихъ множество; а между тѣмъ они хотятъ казаться богатыми.

Угровцы. 2-е іюня.

Сегодня изъ Иванчины я переѣхалъ въ мѣстечко Словенское Правно, похожее на деревушку, къ священнику Бѣлогорскому, и пообѣдавши у него, отправился далѣе, нанявши тутъ «прилежитость» до Тренчина за 18 гульденовъ, т. е. за 16 рублей. Переѣхавши черезъ горы Жары или по здѣшнему выговору Жьяры, мы спустились въ Нитранскую столицу. Чудесная долина, плодо-

родіе удивительное, земля прекрасно вздѣлана, бѣдныхъ земановъ (помѣщиковъ) очень мало, а мужики богаты, хоть и гораздо хуже одѣты. По дорогѣ встрѣчались господскіе домы очень милые, окруженные садами, а замокъ Пальфи графа, близь мѣстечка Привидзы, въ другомъ мѣстечкѣ Бановцахъ, огроменъ и великолѣпенъ. Угровцы крошечное селеніе въ $^{3}/_{4}$ часа за другимъ мѣстечкомъ Осланомъ.

Тренчинъ. 6-е.

Взглянувши на карту вы увидите, что я подвинулся довольно далеко на западъ къ Вагу. Тренчинъ—главный городъ Тренчанской столицы, крошечной городокъ, въ которомъ болѣе половины жителей Жиды. По широкой долинѣ, между лугами течетъ Вагъ, надъ долиною слѣва возвышается стѣною огромная скала, на скалѣ огромныя развалины замка, подъ самой скалой прижался городъ, не имѣющій ни одной улицы, а только нѣсколько переулковъ и длинную площадь, оканчивающуюся съ обѣихъ сторонъ воротами, за которыми съ южной стороны тянется въ сторону и около города предмѣстіе. Въ самомъ городѣ есть порядочные домики; въ предмѣстіи дрянныя какъ за Лопанью по Рождеств. улицѣ, и хуже. Монастырь піаристовъ большое зданіе. Но лучше всего развалины и видъ съ нихъ на окрестность, равно и вербовыя аллеи по долинѣ. 4-го я былъ у вице-ишпана и показалъ ему свой паспортъ, ходилъ на развалины (колодезь въ скалѣ чрезвычайно глубокой, страшно глубокая яма, гдѣ когда-то умирали голодомъ протестанты гонимые католиками, башня Матвея Корвина, тройная стѣна), и съ башни піаристовъ снималъ видъ развалинъ. Вчера ѣздилъ въ Теплицы ($^{5}/_{4}$ часа отъ Тренчина) вмѣстѣ съ протест. священникомъ Долежаломъ, его женою и крошечнымъ миленькимъ сынкомъ Самуиломъ: тамъ мы купались, гуляли. Близь Теплицъ село, кругомъ горы, покрытыя лѣсомъ, на площади около церкви лавки съ разными товарами большею частью изъ Пресбурга. Гостей еще не много, но уже съѣзжаются (тутъ бываетъ много и изъ Польши); вчера было воскресенье, и потому много съѣхалось изъ Тренчина особенно дворянъ, пріѣхавшихъ въ Тренчинъ по дѣламъ. Теплицы вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Дубницы принадлежатъ Вѣнскому банкиру барону Синѣ.

Жилина. 7-е.

Это тоже городокъ въ Тренчанской столицѣ. Вчера въ 2 часа пополудни выѣхалъ я изъ Тренчина, ночевалъ въ Быстрицѣ, и сюда пріѣхалъ въ концѣ 11-го. Дорога по лѣвому берегу Вага; виды очаровательны, но къ сожалѣнію видѣть ихъ мѣшалъ дождь. Лишь только начинается дождь тутъ, горы тотчасъ застилаются облаками и видны только кусочками. Долина между

горами—садъ. У Быстрицы есть развалины замка на неприступной скалѣ. Вообще тутъ замковъ въ развалинахъ по горамъ очень много. За Быстрицей начинаются небѣленыя курныя избенки. Народъ тутъ чрезвычайно бѣденъ: полей мало, а народу много; единств[енный] промыслъ сплавъ деревъ по Вагу въ Дунай, плти т. е. плоты идутъ во множествѣ, но такъ какъ отъ нихъ доходу мало, то Тренчане должны ходить въ другія столицы промышлять хлѣбъ и ходятъ не только въ другія столицы, но и далеко по свѣту. Турчане ходятъ, какъ олейкари, а Тренчане, какъ дротари, продаютъ дротъ, дротятъ разбитые горшки, продаютъ также простые ножи, губку деревянную (prachno) и пр. Они заходятъ даже въ Америку. Разсказываютъ, что однажды два Тренчана сошлись въ Америкѣ и не мало тому удивились: одинъ былъ попъ, а другой дротарь; дротарь пришелъ исповѣдываться къ попу, и попъ не узналъ своего земляка до тѣхъ поръ пока дротарь не сталъ молиться по Словенски. Хоть избенки и дурны, но глядѣть на нихъ пріятно: домика за зеленью деревьевъ почти не видно, весь дворъ какъ садъ, покрытъ яблонями, черешнями, вишнями, липами, тополями, дикими каштанами и т. п.

За обѣдомъ я слышалъ, что народъ тутъ хлѣба не ѣстъ, а ѣстъ картофель; хлѣбъ продаетъ и имъ платитъ дань. Страшно подумать, что дань вырываетъ послѣдній кусокъ изо рту.

Сегодня послѣ обѣда я ѣздилъ въ деревню Лѣтаву ($1^{1}/_{4}$ отъ Жилины), въ горы. Мѣстоположенія очень похожи на Фріульскія, гдѣ я былъ за 13 мѣсяцевъ: тѣ же скалистыя горы, потоки по камнямъ, только зелени больше и деревеньки хоть и столь же нечистыя, но не изъ камня, а изъ дерева. Надъ Лѣтавою возвышается на огромной, крутой горѣ замокъ, знаменитый въ преданіяхъ угнѣтеній иновѣрцевъ—чуть ли не православныхъ. Далѣе на югъ есть гора Жибридъ, въ долинѣ подъ горою, говоритъ народъ, былъ монастырь черныхъ бородатыхъ монаховъ, а теперь ему слѣдовъ нѣтъ. Лѣтавскіе паны сожгли его, а монаха взяли въ замокъ, мучили, и потомъ сбросили со скалы замковой; гдѣ онъ палъ, тамъ камни растворились, и опять лягли какъ будто ничего не бывало. Онъ впрочемъ, говоритъ народъ, былъ кациръ (еретикъ). Въ Лѣтавѣ священникомъ почтенный старикъ Горецкій, хоть и католикъ, но хорошій Словакъ. Въ церквѣ, въ постройкѣ которой замѣтно что-то православное (раздѣлена она на три части: алтарь, церковь и папертъ), есть старый образъ, составлявшій часть складня, изображающій множество голыхъ, пронзенныхъ кольями, на которые были кинуты съ горы, гдѣ стоятъ люди въ Татарскихъ долгополыхъ кафтанахъ, и одного, какъ будто Нѣмца въ костюмѣ XVII—XVIII вѣка, толкающаго одного голаго съ горы внизъ ногою. Между многими очень много бородатыхъ, а одинъ и въ Римской митрѣ, тоже голый. Поле образа—золотое въ узорѣ.

Сучаны. 8-е.

Я опять въ Турчанской столицѣ; старые мои знакомые отъ меня вблизи, часахъ въ 4-хъ, въ 5-ти. Изъ Жилины я продолжалъ путь далѣе все берегомъ Вага. До Стрѣчна продолжались прежніе виды—широкая долина, въ серединѣ Вагъ, далѣе горы. За Стрѣчномъ горы сходятся; Вагъ течетъ узко и бурливо, а съ обѣихъ сторонъ поднимаются скалы, почти отвѣсно. Онѣ только что прикрыты лѣсомъ. Дорога прорублена по лѣвому берегу, и хоть исправляется арестантами безпрерывно. однако вода обваливаетъ клочки ея въ воду и дѣлаетъ ее непроходимою. У Стрѣчна тутъ есть чудесныя развалины, далѣе въ горахъ другія, потомъ нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Эта дичь продолжается и въ Турчанскую столицу, но тамъ мало по малу горы раздвигаются, и потомъ опять передъ глазами долина—и горы видны до вершины.

Ясенова. 10-е.

Вчера рано утромъ выѣхалъ изъ Сучанъ на сѣверъ въ Оравскую столицу, изъ долины опять въ горы, опять по берегу Вага между скалами, потомъ оставилъ Вагъ на право и вверхъ по берегу Оравы пріѣхалъ въ Истѣбно къ священнику евангел. Матŷшкѣ. Предоброй молодой человѣкъ, жена прелестная молодая дама изъ богатаго дома и проста, какъ сестра. Церковь тутъ деревянная, бѣдная. Сегодня съ Матŷшкой поѣхалъ я въ Оравскій замокъ, принадлежавшій Ťурзу, а теперь многимъ. Смѣло поставленъ онъ на узкой торчащей сахар[ной] головою скалѣ, и сохранилъ многое отъ стараго времени. Тамъ обѣдали, потомъ поѣхали въ городокъ Кубинъ, главной въ Оравской столицѣ. Тутъ переѣхали черезъ деревянный, сдѣланный сводомъ мостъ съ крышей чудной архитектуры. Кубинъ дрянной городишка. Тутъ мы останавливались у стараго евангел. священника, и къ вечеру пріѣхали въ Ясеново, гдѣ священникомъ Цохіусъ, молодой чел., приготовляющійся жениться и для меня очень полезный. Тутъ я остаюсь на завтра. У этихъ людей я, какъ дома. Орава вся въ горахъ. Сегодня видѣлъ съ замка и собств. Татры. Снѣгу на нихъ еще довольно. Эта столица также знаменита полотняниками, какъ Турчанская шафранниками и олейкарями, а Тренчанская дротарами: полотно возятъ они въ Турцію, Грецію и т. д.

Св. Микулашъ. 13-е.

Вчера пріѣхалъ я сюда подъ вечеръ: это главный городокъ Липтовской столицы. Изъ Ясеновой надобно было подняться на основаніе огромной горы Хоча и потомъ спуститься къ Вагу. Тутъ у входа въ Липтовскую долину

стоитъ городокъ Ружемберкъ, дрянной, но годится для картинки, потому что кругомъ огромныя живописныя горы. Микулашъ и Врбица два мѣстечка, соединенныя улицами. Есть нѣсколько порядочныхъ домо̀въ, но всѣхъ мало, и все безъ порядка. Тутъ пасторомъ Годжа [1]). Онъ только что воротился изъ Вѣны и ужиналъ у тестя; я пошелъ туда и познакомился съ тестемъ и съ молодой Годжевой женою. Пріятно глядѣть на эту пару голубковъ. Годжа былъ въ Вѣнѣ съ другими и съ суперинтендентомъ Іозефи просить правительство защиты противу Мадьяровъ. Меттернихъ и Коловратъ приняли ихъ прекрасно; Людвигъ взялъ просьбу и можно надѣяться, что просьба подана не напрасно. Сегодня утромъ я провелъ время отчасти дома, отчасти съ Фейерпатаки, здѣшнимъ книгопродавцемъ, обѣдалъ у Годжи, а послѣ обѣда ѣздилъ съ капелланомъ Носакомъ въ Демановскую пещеру, въ 2 часахъ отъ Микулаша. Въ пещерѣ мы были два часа. Она въ родѣ Аделсберской, но стара. уже не родитъ капельника, и спускъ въ нее чрезвычайно крутъ, несносенъ, Одна часть его,—Ледова̀ дйра очень занимательна: тамъ всѣ фигуры изъ леду, страшны, красивы, оригинальны. Ледъ никогда не таетъ.

16-е.

Третьяго дни утромъ я съ Носакомъ и мѣщаниномъ Бѣлою поѣхалъ изъ Микулаша на прогулку къ Татрамъ. Цѣлая Липтовская столица окружена горами, до сихъ поръ покрытыми снѣгомъ, собственныя Татры на сѣверо-востокѣ, съ тремя своими главными шпицами, Криванью, Герлашскимъ шпицемъ и Ломницей. Мы не надѣялись взойти ни на одинъ изъ шпицовъ, потому что снѣга совершенно покрываютъ ихъ, однако рѣшились ѣхать—взглянуть хоть на плеса (горныя озера), если не на что другое. По дорогѣ заѣзжали мы въ св. Янъ (село). Тутъ есть замѣчательное эхо: оно повторяетъ 14 слоговъ очень внятно. Мы закричали: да здравствуетъ царь Русскій Николай! и эхо повторило все это до буковки. Оно впрочемъ не громко, хоть и внятно. Чтобы слышать эхо, надобно стоять въ извѣстномъ мѣстѣ среди поля; сзади тянется поле далеко подъ гору и оканчивается лѣсистой горой, а спереди тоже ровный лугъ и потомъ горка длинная (она то повторяетъ голосъ), на право горы сгущаются, на лѣво расширяется Липтовская долина. Тутъ же близь церкви есть источникъ соленой воды: раннимъ утромъ пролетающая надъ нимъ птица падаетъ и умираетъ. Въ Гибахъ мы уговорили сопутствовать намъ доктора Гвота и кандидата Крауса, и, взявши проводникомъ ловца Гакеля, рѣшились попытаться взойти на Кривань, и поѣхали ночевать подъ самую гору въ лѣсъ. Тамъ въ лѣсу стоятъ халуты, хорошо выстроенныя изъ дерева, не хуже Сербскихъ хижинъ. Едва мы успѣли

---

[1]) См. выше, стр. 352.

добраться до нихъ (въ ½ 11-го), какъ собрались тучи и начались раскаты грома. Мы разложили огонь въ халупѣ, набрали на ночь сухихъ вѣтвей и коры; Носакъ наварилъ намъ супу и говядины, Гвотъ напекъ солонины, окорока; вина, хлѣба, сыра было у насъ вдоволь; были всѣ веселы. А Гакель придавалъ на[мъ] еще болѣе бодрости, увѣряя, что къ утру небо очистится И въ самомъ дѣлѣ, послѣ трехъ бурь, грозно раздававшихся между горами, солнце встало ясно, остались только густые туманы по горамъ. Мы съѣли по куску сыра и хлѣба, запили виномъ, и отправились въ путь въ половинѣ шестаго. Съ часъ шли мы лѣсомъ, потомъ голой отлогостью очень удобно, и такъ дошли подъ кончуръ (верхушку), мимо трехъ прегибъ. Съ послѣдней взглянулъ я опять на кончуръ, и повторилъ по крайней мѣрѣ въ 10-й разъ, что я не понимаю, какъ бы можно было добраться до верха. Онъ такъ крутъ, какъ только можетъ быть круто поставлена лѣстница,—и ничего кромѣ камня и снѣга. «Э, пойдемъ», сказали мнѣ товарищи, и мы начали карабкаться. Гакель шёлъ впереди и указывалъ путь: это настоящая коза, бѣгаетъ, прыгаетъ съ камня на камень надъ пропастями, какъ со стула на стулъ, прокладываетъ дорогу по снѣгу, и одинъ только обремененъ ношею (онъ имѣлъ въ сумкѣ хлѣбъ, вино, сыръ, порохъ, пули) и ружьемъ. Мнѣ непривычному было тяжелѣе всѣхъ; въ иныхъ мѣстахъ я не зналъ какъ и ступить слѣдующій шагъ, за какой камень взяться рукой, куда переставить ногу, а ползти по снѣгу было и страшно и досадно: я того и ждалъ что скачусь въ пропасть. Эта исторія продолжалась болѣе часу, и я самъ не знаю, какъ я наконецъ очутился у памятника Саксонскому королю, бывшему тутъ за нѣсколько лѣтъ. Верхушка совершенно завалена снѣгомъ; только около памятника оттаялъ онъ, и еще намъ было мѣстечко въ квадратную сажень. Мы тутъ сѣли. Все вокругъ было закрыто густыми облаками тумана: мы были какъ будто въ небѣ, и такъ продолжалось отъ 10 до 11. Мы закусили, стали пить за здравіе всѣхъ кто намъ дорогъ, пѣть пѣсни. Между прочимъ мы пѣли одну патріотическую пѣсню Словенскую. При стихѣ «Мы стоиме стале певнѣ» мы встали и не успѣли пропѣть куплета, какъ подулъ сильный вѣтеръ, разогналъ туманы и мы увидѣли Татры подъ ногами, и далѣе Липтовскую столицу, Спишскую, часть Зволейской, Шаришской, Оравской, часть Галиціи до Кракова. Видъ великолѣпной. Татры покрыты еще всюду глубокимъ снѣгомъ. Снѣгъ этотъ стекаетъ въ долины и образуетъ плеса; ихъ видѣли мы съ Кривани 7. До полудня (2 часа) мы остались на вершинѣ, потомъ стали спускаться. Гакель выбралъ другую дорогу, съ другой стороны кончура, говоря, что тамъ будетъ легче спускаться. Я впрочемъ всетаки не понималъ, какъ спустимся, и признаюсь думалъ не воротиться живымъ. Все окончилось однако счастливо. Съ полчаса было мучительно, а потомъ, хоть и не легко, но я уже

привыкъ прыгать и дѣло пошло весело. Въ три часа мы были уже опять въ Колибахъ. Краусъ не ходилъ на Кривань, а варилъ намъ мясо. Къ вечеру мы были въ Гибахъ, и тамъ остались на ночь. Намъ не хотѣли вѣрить, что мы были на Кривани, и самъ Гакель утверждаетъ, что мы первые, рѣшившіеся до Ивана (24 іюня) идти на Кривань; обыкновенно всходятъ въ августѣ и въ сентябрѣ, когда снѣгъ сойдетъ; тогда и дорожка на вершину открывается, и хоть тяжела, но далеко не то, что испытали мы. Усталости я не чувствую, но ноги выше колѣнъ болятъ. Кривань вышиною 7,600 футовъ. Только въ самомъ низу покрыта она лѣсомъ, далѣе до самаго кончура пологости покрыты травою, и послѣ косодревиной (Krumholz), на кончурѣ голый камень и мохъ.

20-е. Банская Быстрица.

Вчера былъ на Годжевой проповѣди: говорилъ о томъ, что значитъ человѣкъ строгій къ самому себѣ и другимъ, и говорилъ превосходно. Я и не думалъ, что онъ, мой милый Мишко, такой чудесный проповѣдникъ. Послѣ обѣда я сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Жаль мнѣ было разставаться съ этою доброю милою парою. Онъ меланхоликъ, она веселая, онъ съ характеромъ твердымъ, она краснѣетъ съ каждымъ словомъ, и оба добры, милы, какъ нельзя болѣе.

Тутъ оканчиваю свое письмо и начинаю слѣдующее. Цѣлую ручку, милая маменька.

Вашъ вѣрный сынъ Измаилъ.

ОТДѢЛЪ II.

О говорѣ крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда Новгородской губ.

Южная часть Череповецкаго уѣзда граничитъ съ Устюженскимъ уѣзд. Новг. губ., Весьегонскимъ уѣзд. Тверской губ. и Моложскимъ уѣзд. Ярославской губ. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія волости: Уломскую, Дмитріевскую, Колоденскую, Горскую, Хотовецкую и Мороцкую. Означенныя волости отчасти расположены по лѣвому берегу р. Мологи и тянутся до р. Шексны.

Въ говорѣ означенной мѣстности характерными чертами будутъ: сохраненіе древняго Новгородскаго говора: ц в а к а н ь е и ч в а к а н ь е; затѣмъ большая часть рѣчи пересыпается т е к а н ь е м ъ, т. е. послѣ словъ ставится приставка *те*, и наконецъ т. е. мѣна *ѣ* въ *и*, а иногда *и* въ *ы*. Примѣры будутъ указаны ниже.

Переходъ твердыхъ гласныхъ въ мягкія чаще, чѣмъ на оборотъ, отсюда въ разговорѣ замѣчается нѣкоторая м я г к о с т ь.

Перехожу къ особенностямъ отдѣльно по каждой буквѣ, начиная съ измѣненій въ гласныхъ:

1. А въ *я* и *о* въ словахъ: ярмякъ, якушерка, больняя, шальняя, дальняя, прощтяйте, корета, покасть.
2. О въ *ё*, *у* и *ы* въ словахъ: ёнъ, льдёмъ, кореннёй, лёжится, сильнё, трёсникъ, Микулай, дотрыгаться.
3. Ы въ *і* и *у* въ словахъ: больніе, коренніе, [1]) прущъ.
4. У въ *ю* и *а* въ словахъ: Дюня, льдю, двюхъ (многіе произносятъ и двехъ), штюка (щука), купчю, отчю, швечю, франчюзъ, маравей, Маравьево село [2]).
5. Я въ *е* и *а* въ словахъ: легу, сѣду (деревня Хмѣлина), нельзе, грезь (Улома), преду, прести, прежа, пореженa, (с. Мороцкое), запрегать (с. Дмитріевской). опеть, гулеть (д. Островъ), трести, воденой, хозеинъ (Улома); байна, байну, баенка.
6. Е—*о*, *у* и *я* въ словахъ: пещора, пришодцы, должонъ, доржать, поддорживать безчостно, небезчостно, очосался, робенокъ, кресла (кресла), Надежа (Надежда—имя); очунь, качуля, болязь. *Ѣ*—*и* въ словахъ: лисъ, исть, сиверъ (д. Островъ), мисяцъ, встрича, обидня, мисто, висить, тимя, одить (с. Мороцкое), листница (д. Пехтнево), хлибъ (с. Кондашъ), билый (с. Дмитріевское), симя.
7. И—*ы* и *о* въ словахъ: смородына, хархотына, отростыли; бѣлочій, дѣвочій [3]).
8. Ю—*и* въ словѣ: слина.

---

[1]) Желательно знать, только ли въ имен. множ. мужск. р. или и въ винит. множ. ч. женск. р.—требуются разные примѣры. *Ред.*

[2]) Здѣсь *о* не изъ *и*, а изъ стар. ъ—бѣлъка, дѣвъка, наше же *дѣвичій* отъ *дѣвица*. *Ред.*

[3]) Тутъ *у* изъ *о*: мравій (старосл.), русск. моровей.

Измѣненія въ согласныхъ:

9. К—*г*, *т* и *х* въ словахъ: *г*лючь, *г*лубника, *г*лавдія, зер*г*ало, *г*ачать и *г*ичать; *т*рахмалъ, по*т*а (=пюкà), до*т*а (докà); верь*х*овъ (=вершковъ).
10. Г—*х* въ словѣ: ша*х*омъ.
11. Х—*ф* въ словахъ: ку*ф*арка, ку*ф*ня.
12. П—*т* и *м* въ словахъ: *т*робка, пере*т*она, пере*т*онка; *м*тица, *м*ташка.
13. Б—*г* въ словѣ: *г*умага.
14. В—*р* и *с* въ словахъ: *р*озлѣ, *с*кусъ.
15. Т—*ч* и *н* въ словахъ; у*ч*ажелять, поч*н*и (=почти).
16. Д—*н* въ словахъ: ки*н*ать, ски*н*ывать.
17. Ч—*ц* въ словахъ: *ц*ай, сда*ц*а, *ц*истый, мо*ц*ить, полу*ц*ить, ле*ц*ъ, пе*ц*ка, *ц*ѣво (=чего), *ц*аро*ц*ка, до*ц*ка, но*ц*ка. Нужно замѣтить, что перемѣна звуковъ ч въ *ц* болѣе рѣзко выдается въ Николо-Раменскомъ и Ваущкомъ приходахъ Горской волости.
18. Ч—*п* въ словѣ: *п*ерезъ (=черезъ).
19. Ш—*с* въ словѣ: *с*алашъ.
20. Щ—*шт* въ словахъ: пи*шт*я, ве*шт*и, кре*шт*еніе, уго*шт*еніе, про*шт*яйтя, *шт*ипать, пу*шт*е, *шт*и, *шт*юка (=щука), е*шт*е.
21 Ж—*з* въ словѣ: поро*з*ной.
22. Ц—*ч* въ словахъ: *ч*ѣпь, *ч*ѣна, *ч*арь, работни*ч*а, двад*ч*ать, трид*ч*ать, *ч*ерковь, молоде*ч*ъ, боре*ч*ъ, мудре*ч*ъ.
23. Л—*в* и *н* въ словахъ: пой*в*о, корми*н*ецъ.
24. Р—*л* въ словахъ: трактил*ь*, карактел*ь*.
25. Н—*м* въ словахъ: поч*м*етъ, *М*икита.

Наконецъ можно привести нѣсколько словъ съ лишними буквами: *с*посуда, *с*кряду, *с*копія, *в*оспа, *в*острый, Ле(*в*)онидъ, Лари(*в*)онъ, пере(*н*)борка, з*д*р*а*, ба*й*на; (*с*)колько (сколько), поемъ (пойдемъ), тя*говый*, топ*ч*и*вый* и отмѣтить перестановку въ: ус*к*у*с*ъ (=уксусъ).

Переходя къ склоненіямъ именъ существительныхъ можно указать на слѣдующее: имена оканчивающіеся на *чъ* во множественномъ числѣ родительнаго падежа вмѣсто окончанія *овъ* выговариваются *ей*: куп*чей*, зай*чей*, жне*чей*, огур*чей*, руб*чей*, кон*чей*. Имена прилагательныя оканчивающіеся на *вскій* въ произношеніи измѣняются на *ськой*: Моско*ськой*, Ру*ськой*, боро*ськой*, остро*ськой*, Панфило*ськой*, Короток*ськой* (отъ названій селеній).

Глаголы повелительнаго наклоненія, настоящаго времени, единственнаго числа вмѣсто окончанія *ся* произносится *си*: грѣй*си*, мой*си*, ломай*си*, шатай*си*, мотай*си*, май*си*, лай*си*.

Въ глаголахъ взаимныхъ и страдательныхъ окончаніе *ться* произносится *тцы* и вм. *лся-лсы*: сбира*тцы*. броса*тцы*, руга*тцы*, боро*тцы*, боя*тцы*, смѣя*тцы*; има*лсы*, насидѣ*лсы*, наѣ*лсы*, напи*лсы*, насмотрѣ*лсы*, жени*лсы*, ложи*лсы*.

Въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія окончанія *шъ* и *чь* произносятся на *си* и *ци*: даси, недаси, иси, поиси, леци, немоци, береци.

Мѣстоименія единственнаго числа, женскаго рода въ родительномъ падежѣ вмѣсто окончанія *ой* и *еи* сохраняютъ въ *ые* и *ее*: т*ые*, сам*ые*, ин*ые*; тво*ее*, мо*ее*.

Имена числительныя въ тѣхъ же направленіяхъ измѣняются въ произношеніи: одн*ые*, друг*іемъ*.

Мѣстоимѣніе или членъ *те* слѣдуетъ послѣ именъ существительныхъ множественнаго числа: кони-*те*, сѣна-*те*, у*ши*-*те*, наши-*те*, руки-*те*, дороги-*те*, плеча-*те*, коровы-*те*, слезы-*те*, дѣвокъ-*те*. Повторяю, что это т е к а н ь е при-даетъ особую характерность мѣстному говору.

Ударенія на первомъ слогѣ слышны въ слѣдующихъ словахъ: кòвать, сѝнѣлъ, кòней.

Прилагаю ниже списокъ мѣстныхъ словъ, которыя могутъ служить дополнительнымъ матеріаломъ къ «Новгородскому областному словарю», если таковой существуетъ. Еще нужно добавить, что слова, отмѣченныя у меня звѣздочкой (*) распространены и въ другихъ мѣстностяхъ [1]).

А.

Ахетало, ахеталось—Случилось, угораздило.
Аховой—Удалый, смѣлый человѣкъ.

Б.

*Бася, баской,—ая—Красота, красивый, нарядный.
Бархатникъ.—Сарафанъ изъ бархатной матеріи.
*Бажничать, забажничалось.—Хотѣть, желать чего нибудь.
Балаболошникъ—Водяное растеніе желтые кувшинчики (Nymphea flava).
Бѣломойка—Растеніе, сокомъ котораго дѣвушки натираютъ себѣ лице, при этомъ оно сильно разгорается.
Бережникъ.—Сарафанъ изъ синяго холста, носимый старухами.
*Божатко, божка, божинька—Крестный отецъ и мать.
Болоно, болонья—Невоспалительныя опухоли на тѣлѣ.
Болѣлый—Нездоровый, больной.
Болятокъ—Прыщь, короста.
Бобка, бобочка—Игрушка, забавка, потѣшка, какой нибудь предметъ для дѣтей.
Брила, брилка—Губа, подбородокъ.
Брунецъ—Ягоды моховаго вереска, черноголовника (Poterium).
Буршень—Майскій жукъ.
Бѣль—Сулема.
Вредъ—Конопляныя изгреби.
Бредовина, бредникъ —Кустарникъ ива.
Вачина—Палка, колъ.
Ботать—Загонить рыбу.
Бобушки, воспица—Болѣзнь оспа.
Багонникъ—Растеніе богульникъ (Andromena polifolia).
Брага, бражка.
Блинникъ—Пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой или яйцами. Стряпаютъ къ имянинамъ и къ праздникамъ.
*Большакъ—уха.—Хозяинъ дома, глава семейства.
Вылецъ—Трава (=?).
Балòвка—Дѣвушка или женщина худого поведенія.
*Ваять—Говорить, сказывать.
Байдакъ—Толстыя доски; половой тесъ.
Бруниться—Колосится
Бродкòй, небродкòй—Бойкій, рѣшительный человѣкъ и обратное значеніе.
Бекеша—Кафтанъ, крытый сукномъ.

---

1) Рудневъ. Статистическія свѣдѣнія о Новгородской губ. 1866 г. (Но въ какомъ уѣздѣ записаны неизвѣстно).

Я. Свѣтловъ. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. („Живая Старина“, выпускъ III, 1892 г.).

Н. Лѣсковъ. О вліяніи корельскаго языка на Русскій въ предѣлахъ Олонецкой губ. („Живая Старина“, вып. IV, 1892 г.).

Благодать—Худая погода, наступившая вдругъ, какъ то: буря, мятель, дождь, громъ и молнія.
Бухвостить (=?).
Балжашъ—Шутникъ, озорникъ.

В.

Вализна—Воспаленіе подкожной жирной клѣтчатки.
Вѣтреница—Хроническая сыпь по тѣлу.
Векшарь—Грибъ козлякъ (Boletus granulatus).
Вёшница—Лихорадка.
Вешнетинье, вешти.—Лекарство, средство.
Вихлецъ—Поносъ у дѣтей, зависящій, якобы, отъ свертыванія копчиковой или хвосцовой кости наружу и вслѣдствіе этого задній проходъ остается открытымъ.
*Вица—Вѣтка, хворостина.
Вольный—Лѣсовикъ, лѣшій.
*Волога, воложный, поволожистей.—Жирно, маслянисто.
Волошокъ—Глиняная крышка для горшка.
Волосъ—Свищи, холодные нарывы, костоѣда съ сильнымъ отдѣленіемъ гноя, гдѣ предполагаются животныя, едва видимыя глазомъ въ формѣ волоса.
Ворогуха—Лихорадка.
Выть—Ѣда, время обѣда и ужина.
Високъ, виски.—Обрывокъ, кусокъ тряпки, отрепья.
Вятерь—Рыболовный снарядъ.
Возгри, возгреватый—Сопли, соплягый.
Встрѣшникъ—Болѣзнь лошадей.
Варево—Супъ изъ ячневой крупы.
Выть, воетъ.—Плакать, голосить.
Валёжъ—Лѣсъ, подрубленный съ весны, осенью его чистятъ и употребляютъ на уголья.
Вѣтрунокъ—Нѣжные лепестки, береста на березѣ, которыя отъ малѣйшаго вѣтерка двигаются.
Волочуга, волочушка—Небольшой возъ сѣна.
*Взабыль, взабыльшной—Вѣрно, правда.
Вершокъ—Чулокъ, носокъ.
Важеватый—Ласковый, привѣтливый въ обращеніи.
Волокошко—Невладѣющій членъ, напр. рука или нога.
*Волоть.—Стебель у зерновыхъ хлѣбовъ.
Вовърѣть, вовърѣло—Пристало, прилипло.
Варза, варзаться—Неспокойный, придирчивый человѣкъ.
Волосникъ—Старинный женскій головной уборъ съ тремя рожками.
Вирять. (=?).
Верстать—Отдавать за мужъ.
Вражки—Дѣвичья игра на подобіе горѣлокъ.
Вересовое сусло Праздничный напитокъ, приготовляемый изъ можжевеловыхъ ягодъ.
*Вёснусь—Прошлой весной.

Г.

Галуха, галится—Смѣхъ, смѣяться.
Гарусникъ—Сарафанъ изъ шерстяной матеріи.
Голомено—Чистое пространство между сучьями у сосны; колѣно, часть.
*Голчить—Говорить.

Горяздо, не горяздо—Очень, не очень.
Гошиться—Готовиться, припасаться.
Горькуша—Растеніе полынь (Herba absinthis).
Грамотка—Бумага.
Гуня, гунька—Дѣтская пеленка.
Гнетуха—Лихорадка.
Горлянка—Болѣзни: дифтеритъ и скарлатина.
Горлоуша—Тоже.
Глотуха—Черемуха (Fructus pruni padi).
Головникъ—Головная боль, соединенная съ гноетеченіемъ изъ ушей.
Горяцка—Различныя формы тифа.
Голомьямъ—Временами, непостоянно.
*Горбуша—Коса съ короткой ручкой.
Грыжная трава—Растеніе (=?).
*Гверста—Дресва, крупный песокъ. Въ Боров. у. Хверсть.
Грива—Возвышенное мѣсто среди болота, поросшее крупнымъ лѣсомъ.

Д.

Десятокъ—Связка льна изъ 10 павѣсмъ.
До лонскаго—Въ позапрошломъ году.
*Даро(=ме)ми—Ничего, не бойся.
Доспѣшникъ—Праздничный пирогъ съ блинами, пересыпанными крупой, горохомъ или яйцами.
Добро—Ладно, хорошо.
Двинеть—Болѣзни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Дюкъ, въ дюкъ—Прокъ, въ пользу.
Духмянка—Лѣсная мята (Herba menthoe silv.).
Домаха—Старая дѣвица, откинувшая мысль о замужествѣ.
Деряба—Плаунное сѣмя. (Semes licopodii clavot.).
Дрозженикъ
*Дубецъ.—Вѣтка, прутъ.
Доспѣшка, доспѣлось.—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіяся внезапнымъ и страннымъ образомъ и затянувшіяся въ леченіи на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Декопъ—Растенія. (=?).
До слова (дать).—Безъ разговоровъ, безъ отказу.
Дόвѣдь—Страданіе, мука, безпокойство.
Дубовикъ—Бѣлый грибъ (Boletus edulis).
Дѣковаться—Издѣваться, смѣяться.
Дудора—Ругательное слово.
Двою—Два раза, дважды.

Е.

Ежа, ёжи.—Пища, ѣда.
Езъ, езовище.—Запруда черезъ всю рѣчку или ручеекъ, состоящая изъ вбитыхъ въ дно рѣчки кольевъ, переплетенныхъ между собою древесными вѣтвями, съ нѣсколькими отверстіями; въ которыя вставляются «кужи» для ловли рыбы.
Ески—Есть.

Ж.

Жиловатикъ—Бѣлый грибъ съ длиннымъ изогнутымъ корнемъ, растущій во мху.

*Журавика—Клюква. (Fructus oxycoccus).
Животная трава—Растеніе медуница.
Жабка—Воспаленіе языка.
Желтякъ—Старый бѣлый грибъ.
Желтикъ—Верхній слой почвы, состоящій изъ мельчайшаго желтаго песка.

З.

Заносище—Остановка мѣсячныхъ очищеній.
Звякать, вячеть—Кричать.
Замàй—Болѣзни брюшныхъ органовъ у грудныхъ дѣтей.
Замаяться, маяться—Измучиться, утомиться.
Запанъ—Женскій передникъ, надѣваемый съ головы,
Заворъ—Ворота для проѣзда въ огородахъ между полей.
Зажоры—Скопленіе воды подъ снѣгомъ по дорогамъ весной при таяніи его.
Захребетникъ—Человѣкъ пользующійся чужимъ трудомъ.
Здобляться—Одѣваться, собираться.
Золотникъ—Матка.
Золить—Упрекать, ругать.
*Зобенька—Корзинка съ ручкой.
*Зыбка—Дѣтская люлька, колыбель.
Зимовка—Небольшая изба для зимы.
*Заспа—Ячменная крупа.
Затолшъ, затоличной—Глухое мѣсто, въ сторонѣ отъ большой дороги; проселочная дорога.
Захватъ—Запоръ мочи и кала у дѣтей.
Зарѣяться, обрѣяться—Тяжело дышать отъ быстрой ходьбы или во время болѣзни.
Заезокъ—Часть еза; запруда не во всю рѣку.
Знаткѝ—Знахаря.
Замилаха—Любовно-ласкательное слово.
Западать, запади—Перестань, отстань.
Зàпески—Песчаныя отмели на рѣкѣ.
Заводить—Начинать.
Згáга—Тошнота, рвота.
Запросный, запросенъ.—Доступный человѣкъ и хорошій въ обхожденіи съ людьми
Загнётка
*Зимусь—Прошлой зимой

И.

Исподъ, исподомъ—Низъ, низомъ.
Игрушка—Гармоника.
Избывать—Расходовать, изводить.
Исполу—По половинной части.
Иматься, пениматься—Хотѣть, обѣщаться.
Имёмъ, иму, имутъ—Будемъ, станемъ.

К.

Кербь.—Десять десятковъ трепанаго льну.
Кичига.—Валекъ для выколачиванія мокраго бѣлья.
Кислица конявья.—Растеніе, конскій щавель.
Копёръ.—Козлы для забойки свай.

Кбнцѣ—Окончательно, рѣшительно.

Кобурить, закобурило—Разобрало, взяло (о дѣйствіи водки).

Килы, каменныя килы—Опухоли и нарывы на различныхъ частяхъ тѣла, приписываемыя злобѣ и дурному глазу нѣкоторыхъ людей, способныхъ «насаживать килы».

Кбпани—Дерево съ корнемъ, идущее для постройки лодокъ.

Коникъ—Лавка въ избѣ.

Короватикъ—Бѣлый грибъ.

Красуха, красушка—Грибъ солодяшка (Agaricus russula).

Кашлюнья—Лихорадка съ кашлемъ.

Крякосъ—Зеленовато-жидкія испражненія при поносѣ.

Красйкъ—Краснорожій, толсторожій (дружеско-ругательное слово женщины къ мущинѣ).

Изъ хлѣба вышелъ — Объясненіе слабости, послѣ болѣзни.

Земли на одну копейку.—Счетъ земли на «копейки» ведется въ д. Клопузовѣ. Копейка обозначаетъ одинъ душевой надѣлъ земли; на двѣ копейки—на двѣ души земли. Полъ души обозначается «денежкой». Сей оригинальный счетъ можно-ли объяснять тѣмъ, что въ старину «души» были такъ удивительно дешевы?

Кой ножъ, кой усовъ — Восклицаніе при какомъ-нибудь недоразумѣніи или удивленіи.

Кузовъ, кузовокъ—Большая корзина.

Кундосить—Дѣлать, пачкать.

Кужель—Часть льна, прикрѣпляемая къ прялкѣ.

*Крятать, крени, скрятать—Поднимать, подвинь, тронь съ мѣста, сдвинуть.

*Клепь, клепцы—Капканъ для ловли звѣрей.

Кужа—Конусообразная корзина изъ прутьевъ для ловли рыбы, вставляемая въ «езъ».

Крыланъ, крылачъ—Рыболовный снарядъ.

Колбтникъ—Слизь, осѣдающая въ водѣ на древесныхъ сучьяхъ.

Кустолонъ—Короткій кафтанъ изъ толстаго ряднаго холста.

Купавки, купаленки—Растеніе колокольчики.

Колучъ, усовная трава—Растеніе (Turritis glabra).

Куцить, покуцить—Просить.

Колй—Когда.

Клàди—Бревна положенныя на землю, для прохода черезъ болота.

Корюха, корюшка—Болѣзнь корь.

Казакинъ—Суконный лѣтній кафтанъ.

Курича—Рыболовный снарядъ.

Каначъ—Кабанъ льда.

*Кузло—Кузнечное мастерство, промыселъ.

Кузленикъ—Занимающійся кузнечнымъ промысломъ.

Кувалда—Желѣзный молотъ въ 20 и болѣе фунтовъ.

Клинья—Желѣзный клинообразный коротенькій ломъ.

Крица—Кусокъ желѣза отъ 30 до 50 фунтовъ.

Кумачникъ—Сарафанъ изъ кумача.

Комель—Берестяная плоская корзинка, одѣваемая на спину въ родѣ котомки, для съѣстныхъ припасовъ, берущихся на сѣнокосы и для сбора ягодъ.

Костовикъ—Болѣзнь костоѣда.

Косторывъ—Тоже.

Костоломъ, костоломище—Ревматизмъ.

Куряпы, куряпки—Вязанки обитые холстиной.

Колянѣть, коленой.—Потерять гибкость въ членахъ, негибкій.

Куфтырь—Узелъ чего нибудь; свертокъ.

Косица—Височная часть головы.

Колосовикъ—Ранній бѣлый грибъ, ростетъ когда колосится рожь.

Корноватикъ—Коренной зубъ.
Корёжка—Долбленый лотокъ для катанья дѣтямъ зимой.

Л.

Летучій огонь—Хроническая сыпь; коросты на губахъ и на лицѣ.
*Лонись—Въ прошломъ году.
Ляга—Яма: рытвина на дорогѣ.
Лопнуть, лопну—Ударить, хватить, хлеснуть.
Лютò—Сильно.
Леме́на—Пятна.
Лепушки, лепушникъ—Растеніе (?)
*Ладить, излаживать—Дѣлать, приготовлять.
Лѣха, лѣшить, облѣшено—Ставить вѣхи зимой изъ прутьевъ по сторонамъ дороги.
Ледунецъ, ледунешникъ—Кусты красной смородины.
Лѣтось—Прошлымъ лѣтомъ.
Лужки—Дѣтская игра.
Левашн—Сушоный сокъ гонобойя ввидѣ листовъ.

М.

Малёнка—Мѣра.
Мездра—Внутренняя поверхность съ выдѣл. шкуръ.
Мёжкорица—Часть спины, между лопатками.
Межговѣнье—Время отъ Крещенія до Масленой недѣли.
Межмолоки—Время, въ которое корова не даетъ молока.
Межугалокъ—Промежутокъ.
Межеумокъ, багорникъ—Сортъ гвоздей по величинѣ средній между однотесомъ и купорнымъ.
Мостина—Большая корзина для носки сѣна. Въ Боров. у. всякая корзина, и самая маленькая—мостинка.
Мягкій—Ватрушка безъ начинки.
Молокита.—Болотное растеніе (ѣдятъ дѣти).
Мокрецъ—Трава, вытягивающая жаръ.
Матъ, манитъ, приманило—Призракъ, привидѣніе; представилось что-нибудь сверхъестественное.
Мордовать—Тошнить, рвать, блевать.
Мусинка—Крошечка, милый, хорошій.
Мальга—Младшая изъ сестеръ съ одинаковыми именами.
Марышъ—Младшій изъ братьевъ съ одинаковыми именами.
Милёнокъ—Любовно-ласкательное слово.
Моленникъ—Свадебный бѣлый хлѣбъ съ украшеніеми.
Мòлоди—Маленькій, молодой лѣсокъ.
Молотникъ—Работникъ, бьющій молотомъ въ кузницѣ.
Морянки, томлянки—Угольныя ямы.
Мрашить—(=?)
Марышевникъ—Муравейникъ.
Мулить—Вертѣть.
Молóшонка—Цвѣтъ во рту у дѣтей.
Мадежи—Пятна на тѣлѣ.
Могильная косточка—Мѣшетчатая опухоль на кистевомъ суставѣ.

Н.

Наземъ.—Навозъ.
Надсада, натуга.—Послѣдствія тяжелой работы.

Напущенная зябель — Истерическіе припадки и обмороки у женщинъ, приписываются «порчѣ».
Незамогъ—Сдѣлался нездоровъ.
Нечистище—Болѣзнь чесотка.
Нўда—Тоже.
Нутникъ—Мясникъ.
Нырокъ—Раковое новообразованіе на губѣ и на другихъ часгяхъ тѣла
Насмягло—Непріятное ощущеніе во рту во время болѣзни.
Недужницы, натужницы—Множественныя чирьи по тѣлу.
Недокунокъ—Безтолковый, неумѣлый.
Ночники—Пустулезная сыпь или водяной прыщъ, появляющійся ночью.
Неять—Нельзя, не могу, невозможно.
Наперстокъ—Чулокъ, носокъ.
Намётка—Рыболовный снарядъ.
Непо̀бытомъ—Необычайно, неестественно.
Набиваться—Предлагать что-нибудь, напрашиваться.
Нередя—Часто, постоянно.
Налйванка
Надўшникъ—Растеніе.
Ночной щипокъ—Прыщъ.
Нарохтиться—Намѣреваться.
Насыкаться—Напрашиваться.
Нетель—Молодая нетелившаяся еще корова.
На́плавни—Перекладины на крышѣ.
На умирало—Бѣлье и платье, приготовленное заранѣе на случай смерти.
Надымы, надымный снѣгъ—Сугробы, рыхлый снѣгъ.
На́жиль—Верхній слой земли изъ перегнившихъ листьевъ и хвои.
На лѣсъ сказано — Вставочная фраза во время разговора о чемъ-нибудь страшномъ, чтобы отвести отъ разговаривающихъ какія-нибудь дурныя послѣдствія, такъ какъ въ лѣсу водится «вольный», т. е. лѣсовикъ или лѣшій, то на него и сваливаютъ.
На голо хорошо, на готово хорошо—Очень, весьма хорошо.
На́ пйво не теча — При неудавшемся пивѣ, когда «сложенное» пиво плохо цѣдится. Отсюда эта поговорка употребляется при всякой неудачѣ.
На ма̀лѣ такихъ—Мало, рѣдко такихъ.
На два яка сказали—Двояко говорили.

О.

*Осенесь—Прошлой осенью.
Одинова—Однажды.
Откутай, закутай лазейку—Отвори, затвори дверь.
Отопки—Дѣтская игра.
Оболокаться—Одѣваться.
Озыкъ—Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе, происходящее отъ «дурнаго глазу».
Озимочекъ—Лошадь въ возрастѣ одного года.
Озерко и дитеньки—Зрачекъ и отраженіе человѣчковъ въ глазу.
Осѣкъ—Огородъ.
Опёкишъ—Остатокъ тѣста отъ хлѣбовъ, испеченный въ видѣ лепешки.
Осеннуха—Лихорадка.
Отводъ, отводокъ—То же, что «заворъ».
Опнуться, приопнуться—Остановиться, подождать.
Осерпа—Болотная рѣжущая трава.

Отвага—Облегченіе, улучшеніе.
Отвѣдывать—Узнавать, справляться.
Обмѣнъ—Человѣкъ, измѣнившійся послѣ болѣзни до неузнаваемости; непохожій.
Ознобель—Чувство озноба въ тѣлѣ.
Охрѣять, неохрѣять—Перенести болѣзнь, поправиться послѣ болѣзни.
Осарки—Кузнечные отбросы.
Окалина—Тоже.
Оконечко.—Глухая ватрушка съ окномъ.
Обезрѣдить—Обездолить, опечалить.
Опышка—Одышка, затрудненное дыханіе.
Обѣчаться, обѣчанось.—Задумано, обѣщанось.
Обда́лъ, обдалка, обдальничать—Хитрый, пронырливый, умѣющій ловко обойти людей.
Овянника—Дрова, заготовленныя для сушки сноповъ на овинѣ.
Осовень—Капустная кочерыжка.
ОбрУшить—Повредить, поранить.
*Очепъ—Шестъ, къ которому привѣшивается люлька.
Остроклиный сарафанъ—Стариннаго покроя сарафанъ.
Обогушка—Одежда, которой покрываются ночью.
Оттолнуть—Оттаять отъ морозу.
Особе—Врозь, отдѣльно.
Осьмакъ—Условная по величинѣ площадь земли или лѣса, которая дѣлится поровну на душу.

П.

Памха—Бѣда, напасть, невзгода.
Патья—Угольная пыль.
Павесма—Мотокъ нитокъ.
Пасма—Четыре пучка по 60 нитокъ.
Паренина—Поле, предназначенное для посѣва ржи.
Паузиться—Перегружаться.
Подшалимокъ—Мѣшокъ на боку, подвѣшиваемый черезъ плечо.
Помани—Подожди.
Полевой опоръ—Боль въ поясницѣ, случившаяся въ полѣ во время работы.
Порный—Сильный, здоровый.
*Понитокъ—Легкій кафтанъ, затканный по льняной пряжѣ шерстяными нитками.
Похолстникъ—Тоже.
Почечуй—Геморой.
Порозъ, порозочекъ—Быкъ, бычекъ.
Порховица—Дождевикъ, грибъ табашникъ (Licoperdon brevisti).
Полуторникъ—Лошадь въ возрастѣ $1^1/_2$ годовъ.
Поскакушки—Растеніе.
Пошерсть, пошесть—Эпидемическое распространеніе какой нибудь болѣзни на людяхъ.
Поглумъ—Ушибы и другія травматическія поврежденія, случившіеся внезапнымъ и страннымъ образомъ и затянувщіеся на долгое время, а начальная причина ихъ приписывается нечистой силѣ.
Притка } Тоже.
Прикосъ } Тоже.
*Прихехеня—Любовникъ, другъ.
Простень—Веретено съ нитками.
*Платно—Сарафанъ изъ шелковой матеріи.
Пятистѣнокъ—Большая лѣтняя изба о пяти капитальныхъ стѣнахъ.

Польникъ—Тетеревъ.
Переломъ—Болѣзни глазъ.
Порѣзъ—Кровоостанавливающее растенiе.
Помазень.—Ватрушка имѣющая начинку сверху.
Поторжной—Бойкiй, отчаянный.
Пооначе—Отличiе въ чемъ нибудь отъ другихъ.
Почесуньки, почесульки—Болѣзнь чесотка.
Полуночница—Безсонница у дѣтей повидимому здоровыхъ.
Понять, понятье—Взять съ собой, пригласить.
*Поро́чка—Корзинка изъ береста.
Помилёнокъ—Любовно-ласкательное слово.
Походни—Мостки на низенькихъ стойкахъ черезъ болотистыя мѣста.
Пытаться—Совѣтоваться со знахарями на счетъ болѣзни.
Полоска—Кусокъ желѣза длиною около 1/2 арш. вѣсомъ отъ 15 до 25 фунт., изъ крицы ихъ выходитъ двѣ, затѣмъ ихъ на желѣзо-рѣзательныхъ заводахъ вытягиваютъ въ *полосы*, далѣе разрѣзываютъ на *прутья*, изъ которыхъ уже и выковываютъ гвозди.
*Прiузь—Цѣпъ молотильный.
Плюсно—Срѣзанная корка съ брюквы и ягодъ.
По́дкуръ, подкуры—Высокiя подстановки, на которыхъ мечутся стога сѣна на низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, чтобы ихъ не хватала разливающаяся вода.
Пришвица—
Пустоваръ—Постный супъ изъ ячневой крупы.
Панiя—Рыболовный снарядъ.
Повлешсь—Пришли.
Пѣтаться, упѣтаться—Стараться, мучиться.
По́тка, поточка—Половой членъ у маленькихъ мальчиковъ.
Пожня—Сѣнокосный лугъ.
Пастилка—Высушенный сокъ ягодъ черники или гоноболя въ формѣ листиковъ или плитокъ.
Прижитникъ, пережитникъ—Крыльцо у амбара, навѣсъ во всю стѣну.
Протка.—Глотка.
Паздёрнуть—Ударить.
Прогалеечка, перегалеечка, пригалеечка—Перехватъ, ложбинка.
Порастуньки—Недомоганiе у дѣтей къ росту.
Прудить—Сгребать сѣно.
Полувозы—Полъ воза клади.
Пожиналки—Послѣднiй снопикъ сжатаго овса.
Посвятой уголъ—Переднiй уголъ въ избѣ, гдѣ находятся иконы.
Поскотина—Мѣсто, гдѣ пасется стадо.
Похилокъ—Вѣтерокъ.
Попрошать—Сбирать милостыню.
«Проштяйте всѣ рядомъ»—Уходящiй изъ избы, гдѣ остается нѣсколько человѣкъ, вмѣсто рукопожатiя и прощанiя съ каждымъ, произноситъ эту фразу.
«Печка на̀ весело топилась»—Опредѣленiе утренняго времени.
Приторомко—Неловко, больно смотрѣть глазами.
«Попала лента, далъ ленту»—О нанесенiи удара, раны или побоевъ.
Пытали—Долго, много. Вообще это слово прибавляется къ глаголамъ для усиленiя дѣйствiя, напр.: пытали смѣятцы, пытали звать, пытали искать и проч.

Р.

Ражiй, раженькiй—Большой, большинькiй.
Разгай—Открой.

Раздробить—Растолковать, разсказать.
Рогушка.—Ватрушка, начинка сверху съ защипанными краями.
Рученька—Небольшое ведерко съ крышкой и ручкой.
Рукотертикъ—Полотенце.
Рудометъ, рудометка—Кровопускатели.
Рыкнуть—Крикнуть.
Рядовикъ—Грибъ козлякъ.
Розливъ—Маточное кровотеченіе вслѣдствіе выкидыша.
Рясы́—Пловучее водяное растеніе водоросль.
Разстрѣлъ—Періодическія невралгіи въ различныхъ частяхъ тѣла.
Разчётный—Умный, положительный человѣкъ.
Рыбникъ—Праздничный пирогъ съ рыбой.
Рыжѣть, зарыжѣло́—Краснѣть.
*Рибуша, рибокъ—Оборванное платье.

С.

Самоходка—Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ согласія родителей.
Своробъ, своробокъ, своробатый—Болѣзнь чесотка.
Своё—Родимчикъ у грудныхъ дѣтей.
Сбыло, сбываетъ—Прибыло, увеличивается.
Сбирушки, вертушки—Коротенькія пѣсни, поющіяся на бесѣдахъ.
Сѣло—Случилось, сдѣлалось.
Ситникъ—Рѣчной тростникъ.
Славутникъ, славутница—Молодые люди, обладающіе хорошимъ нарядомъ; щеголи.
Солощій—Жадный на ѣду.
Ссячи, ссягу—Достать.
Скать, скётъ—Сучить, свивать.
Смиренчикъ—Родимчикъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Су́ровъ, су́ровой—Проворный, прилѣжный.
Скрипунъ—Воспаленіе сухожилій и сумокъ на рукѣ.
Смонуть—Тереть, шаркать.
Стыскать—Жаловаться, страдать.
Статитъся, статись—Бодриться, стыдится, охорашиваться.
Сукрупь—Овсяная крупа.
Стырь—Шкворень у телеги.
Синюхи—Растеніе Васильки. (Ocimum calaminthoe).
Сторонникъ—Человѣкъ имѣющій физическій недостатокъ или слабоватый умомъ.
Своебышникъ—Настойчивый, упрямый.
Съ воли—Съ наружи.
Сѣтево—Лукошко повѣшерное черезъ плечо изъ котораго сѣютъ.
Ситцевикъ—Сарафанъ изъ ситца.
Середо́вый—Человѣкъ средняго роста.
Сутéрпка—Терпота.—Терпѣніе.
Стожаръ—Шестъ вокругъ котораго намѣтываютъ стогъ сѣна.
Сѣменникъ—Ватрушка намазанная толченымъ конопляннымъ сѣменемъ.
Сѝверникъ—Растеніе (?).
*Середа—(«На середѣ управлялась»). Часть избы передъ шесткомъ печки.
Сукорочный—Сердитый, вспыльчивый, ворчливый.
Стама́я рѣка—Бережистая рѣка.
Серхнуть—Дрябнуть, деревенѣть. Потерять чувствительность въ какой нибудь части тѣла.
Сухмень—Сухое время.

Счувать—Убѣждать, уговаривать.
Стрычокъ—Стрѣкоза, коромысло.
Сукораниваться, сукоранься—Прятаться.
Скрипка—Древесный грибъ, трутовикъ (Roleutas hepatiem).
Сѣрышъ— Волкъ.
Сулоецъ—Разсолъ съ капусты.
Снѣжникъ—Погребъ, ледникъ.
Скоржобится—Ходить согнувшись.
Супротивный—Свѣжій, только что приготовленный.
Супротивъ, насупротивъ—Сейчасъ, теперь-же.
Сутычъ, въ сутычъ—Дѣлать что нибудь неохотно съ сердцемъ.
Ссочить—Украсть, стянуть.
Стамённый нестамённый—Чистый, вымытый и обратное значеніе.
Севечеръ, сеночи, севогоду—Приставка «се» означаетъ слово нынѣшній.
Столбики—Дѣтская игра.

Т.

Ташка—Мѣшокъ, котомка за спиной.
Талька—Десять пучковъ нитокъ.
Тихонькой—Подимчикъ у грудныхъ дѣтей и ревматическія боли у взрослыхъ.
Трясуха—Лихорадка.
Триха—Знахарка растирающая больныхъ въ печахъ и баняхъ.
Тоопить—Мочить.
Текунъ—Растеніе плаунъ.
Турикъ—Грудь, грудная клѣтка.
Туровить—Торопить, подгонять.
Темиться—Возиться, проводить время.
Тюмйрь, тюмйри—Угрюмый, необщительный, боящійся людей.
Тугунъ—Неповоротливый.
Тягунъ—Растеніе (?).
Трать, потрать—Тереть.
Туха—Снѣжная мятель.
Трою—Трижды, три раза.

У.

Убоецъ—Человѣкъ, пострадавшій въ дракѣ, будучи раненъ или избитъ.
Унаки—Сапоги изъ красной кожи.
Уповодъ—Время (отъ выти до выти) въ нѣсколько часовъ.
Усовъ, усовья, усовить, разусовило—Колотье въ бокахъ.
*Утресь—Прошлымъ утромъ.
Утинъ—Ревматизмъ поясничныхъ мышцъ.
Уроки—Легкое лихорадочное состояніе или недомоганіе; происходитъ отъ «дурного глазу».
Учулъ—Услышалъ.
Ушевникъ—Растеніе трифоль (Herba trifobii).
Уразина—Палка, колъ.
Ухорѣзъ—Бранно-ласкательное слово.
Удобариваться—Управляться.
Узгъ, узгй, въ узгў—Углы глазъ, гдѣ соединяются верхнія и нижнія вѣки.
Уряда—Приданое дѣвушки.
Урѣзъ—Обрывистый берегъ рѣки.
*Юкнуть—Ударить, стукнуть.

Х.

Хоровина—Теща.
Холодянка—Чахотка.
Худая боль, простуда—Сифилисъ; венер. боль.
Хворосты—Сдобная, сухая лепешка.
Хлопотница—Полка-ящикъ съ крышкой.
Хизкой—Рѣзкій, пронзительный (о вѣтрѣ).
Хинькать—Капризничать, хныкать.
Хрящовка—Крупный песокъ для точенія косъ.
Хаманья, хамать—Зѣваніе.

Ц.

Цимеръ—Головная боль.
Цѣпить, выцѣпить—Высыпать.
Цвѣтъ—Сыпь у дѣтей въ первые дни послѣ рожденія.
Цыба—Дѣтская игра въ ямку и кочку.

Ч.

Чекалина,—ка—Трещина.
Череуха—Поносъ.
Чи(-е)ликъ—Сѣрый грибъ, подберезовикъ (Boletus scober).
Чужакъ—Человѣкъ изъ другой деревни.
Чекменить, зачекменило—Разобрало, подѣйствовало, взяло (о дѣйствіи водки)
Чересленница—Гастралгическія боли въ животѣ, или катарръ желудка и кишекъ.
Чернобыльникъ—Растеніе полынь (Artemisio vulg.).
Чешуя, чешуйникъ—Мелкія частицы желѣза, идущія на крючья; человѣкъ, занимающійся собираніемъ и покупкою чешуи.
Чöсъ—Болѣзнь чесотка.
Чело—Начало трубы надъ устьемъ печки.
Чуна--Трава (?).
Чигать—Бросать.
Чохать—Блевать, рвать.
Чунки—Маленькія санки.
Чупа—Заливъ на рѣкѣ, берега котораго поросли лѣсомъ.

Ш.

*Шаньга—Лепешка
Швечъ—Портной.
Штофникъ—Сарафанъ изъ штофной матеріи.
*Шаверье—Сучья и разный ломъ на днѣ рѣки.
Шольникъ—Водяное растеніе: бѣлые кувшинчики (Nympahaebal).
Шарки, шаркуны, шаркунки—Бубенчики.
Шамрить, зашамрило—Шумитъ въ головѣ отъ вина.
Шатъ—Головокруженіе.

Щ.

Щера—Камень-плитнякъ.
Щетинка—Неспокойное состояніе ребенка; при чемъ онъ плачетъ и вертится въ зыбкѣ, какъ будто его покалываютъ въ бочка.
Щекотунъ—Тоже, что щетинка.

Щ е ч и—Смѣйся, шути.
Щ е м о т а—Ноющая боль въ какой нибудь части тѣла.

Я.

Я б л о к и—Картофель.
*Я з в и ц а—Барсукъ.

М. Герасимовъ (С. Курилово Черепов.у.)

Говоръ жителей сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская).

Волости—Ухотская, Тихмангская и Шильдская по этнографическому составу и по географическому положенію представляютъ изъ себя одно цѣлое. Онѣ лежатъ въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда на границахъ съ уѣздами Каргопольскимъ (Олонец. губ.) и Кирилловскимъ (Новгородской губ.). Въ древности здѣсь, вѣроятно, обитала Заволоцкая Чудь, какъ показываютъ самыя названія этихъ волостей и сохранившіяся здѣсь преданія. Однако русскіе поселились здѣсь весьма давно—нѣсколько столѣтій тому назадъ [1]), такъ что слѣды первоначальнаго обитанія здѣсь Чуди совершенно изгладились. Народное преданіе указываетъ болѣе позднѣйшее столкновеніе Чуди съ русскими, не оставшееся безъ вліянія на послѣднихъ. Такъ, въ Ухотской волости существуетъ преданіе, что когда здѣсь утвердилось русское населеніе и имѣло уже церковь, Бѣлоглазая Чудь сдѣлала нападеніе на него. Не дойдя немного до церкви, она стала ругаться и смѣяться надъ нею, за что была чудесно ослѣплена и избита другъ другомъ. Только два три человѣка уцѣлѣли отъ этой шайки и поселились въ деревни Никифоровой, отъ которыхъ жители послѣдней и теперь называются «каюрами черноухими» и сохраняютъ особенность въ говорѣ—«тяпанье» (отсюда они называются «тяпунами»). Несомнѣнно, на жителяхъ этихъ волостей отчасти отразилось чудское вліяніе, чѣмъ объясняется и существованіе въ ихъ языкѣ финскихъ словъ (малтать, рипакъ, бахилы); но вліяніе это было чисто случайное и весьма слабое и не могло наложить своего отпечатка ни на физическомъ типѣ, ни на бытѣ, ни на говорѣ жителей. Не осталось безъ вліянія въ этнографическомъ отношеніи то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей (въ Ухотской) долгое время существовало крѣпостное право [2]), котораго не знали другія волости Вытегорскаго уѣзда. Оно вліяло отчасти на этнографическій составъ населенія, такъ какъ помѣщики весьма часто переселяли сюда крестьянъ изъ другихъ областей Россіи (напр. изъ среднихъ). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ временъ колонизаціи этого края различными выходцами изъ Новгородской и особенно изъ Бѣлозерской области—населеніе его слагалось изъ разныхъ элементовъ, и подъ разными вліяніями. Забившееся въ самую глушь края, окруженное лѣсами и болотами, свободное въ главномъ отъ инородческихъ вліяній, оно до послѣдняго времени сохранило у себя древне-русскія черты и въ своей физіономіи и бытѣ и говорѣ. По физическимъ свойствамъ

[1]) Церкви этихъ приходовъ построены около 250 лѣтъ тому назадъ,—а въ Паловскомъ приходѣ (Ухотск. вол.) болѣе 300 лѣтъ.

[2]) Въ Ухотской волости было до 20 помѣщиковъ. Поселеніе ихъ народъ объясняетъ тѣмъ, что давно-давно здѣсь свирѣпствовали разбойники, для усмиренія которыхъ были посланы правительств. чиновники. Живя здѣсь долгое время, они прибрали себѣ лучшія земли и поселились здѣсь навсегда.

здѣшніе жители представляють изъ себя вполнѣ русскій типъ. Росту они выше средняго, черты лица имѣютъ довольно правильныя и крупныя, волосы русые или черноватые, глаза свѣтло-сѣрые или каріе; въ характерѣ ихъ выдаются простота, доброта и радушіе. Одежда ихъ до сихъ поръ сохраняетъ особенности древне-русскаго костюма. Женщины носятъ сарафаны, рубашки съ широкими и короткими рукавами, шугаи, а на головѣ—перевязки и кокошники. У мужчинъ сохраняются длинныя сибирки, кафтаны, тулупы (въ послѣднее время начинаетъ проникать сюда и нѣмецкая городская одежда, въ родѣ—пинжаковъ, платьевъ, казачковъ и т. п.). Въ самой архитектурѣ зданій сохранились древне-русскія черты. Высокія избы на два ската съ рѣзнымъ князькомъ, съ рѣзными или расписными наличниками у оконъ, съ открытой рѣзной «галдареей»—весьма часто встрѣчаются въ здѣшнихъ селахъ на ряду съ новыми домами на городской манеръ. Здѣсь же сохранилась масса чисто русскихъ обычаевъ, а также цѣлое богатство словесныхъ произведеній народнаго творчества въ родѣ причетовъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ, апокрифовъ и т. п.

Безъ сомнѣнія, и говоръ здѣшнихъ жителей сохраняетъ многія древне-русскія особенности.

Одна изъ основныхъ чертъ здѣшняго говора—оканье.

Древнее неударяемое *о* сохраняется вездѣ (с*о*тона, з*о*ря, ст*о*канъ, *о*тла́съ, к*о*лачъ, кр*о*пива). *О* во всѣхъ словахъ произносится открыто и твердо, такъ что произношеніе такихъ словъ отличается грубостью и непріятно рѣжетъ слухъ. Есть даже нѣсколько словъ гдѣ *о* переходитъ въ *у* (напр. яблунь). Аканье не пользуется сочувствіемъ крестьянъ и подвергается насмѣшкамъ, какъ нѣчто не естественное, фальшивое. Кто акаетъ, тотъ, по выраженію крестьянъ, старается говорить «по-московски», «по-питерски».

А произносится открыто и ясно только послѣ твердыхъ согласныхъ.

Древнее неударяемое *е* въ срединѣ и концѣ словъ произносится какъ ё (Стёпанъ, кудрёватой, зёрно, матёрной, пшёно, рожденьё, прощаньё, серцё, играётъ), а въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ даже какъ *о*. Вообще *ё* на ряду съ *о* царитъ въ здѣшнемъ говорѣ. Оно вездѣ предпочитается мягкому открытому *е*, гдѣ только безъ рѣзкаго неблагозвучія можно поставить первое (сёмой,=седьмой, осённой, телёга, шагаётъ); благодаря этому часто измѣняются въ произношеніи и слѣдующія за *ё* гласныя (напр. осённ*о*й вм. осенній, сердесьнёё вм. сердечное, синёё вм. синее).

Я всегда произносится какъ *е* (д*е*дя, дь*е*цёкъ, д*е*тёлъ, отн*е*ть, п*е*гь); впрочемъ, въ концѣ словъ, кромѣ возвратной частицы *ся*, оно сохраняетъ свое настоящее произношеніе (им*я*, син*я*, обидн*я*).

Ударяемое *ѣ* выговаривается какъ *и* (д*и*ти, р*и*цька=рѣчка, об*и*дня, в*и*тёръ, здись).

Чистое, открытое *е* въ здѣшнемъ говорѣ слышится весьма рѣдко: оно переходитъ въ *ё* и даже *о*, или выговаривается какъ *и* и *я* (синяна, имяна).

Ае часто произносится какъ *а*, а *ое*—какъ *о*. Первое произношеніе особенно встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ (дел*ашь*, игр*ашь*, шаг*ашь*), а второе—предъ окончаніемъ родительнаго падежа *во* (мово, свово, тв*о*во).

Бм и *бв* выговариваются—1-е какъ *мм* (или просто *м*), а второе—какъ *вв* (о*мм*анъ=обманъ, о*м*илелъ=обмелѣлъ; о*вв*иницеть=обвѣнчать, о*в*оровать=обворовать).

Хв произносится какъ *ф* (*ф*астунъ, *ф*оростъ=хворостъ, *ф*остъ, *ф*оя=хвоя).

К предъ *р* часто выговаривается какъ *х* (*х*ресьенинъ, *х*ресница).

Ж предъ согласными (особенно предъ другимъ *ж* и *з*) выговаривается какъ *жд* (*жд*рать, ѣ*жд*ялъ, дро*жд*и, во*жд*и).

Г всегда произносится съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*; въ началѣ словъ передъ гласными оно часто опускается (*О*сподь, *о*сударь, *е*нералъ, *о*сподинъ). Тонкое *г* никогда не слышится и при удобномъ случаѣ всегда переходитъ въ *в* (въ окончаніи родительнаго падежа *го*).

Щ произносится какъ *шт* (*шт*ука, *шт*и, ро*шт*я).

Цоканье составляетъ основную черту здѣшняго говора. Здѣсь во всей силѣ сохраняется древне-новгородская особенность—замѣна звука *ч* звукомъ *ц*. Въ говорѣ мужчинъ естественно отличающемся большею твердостью и грубостью, цоканье выдается не такъ

сильно и рельефно; но въ говорѣ женщинъ оно доходитъ до слащавости, до приторности, цёрной, цесь=честь, оци, цястой, стрица=встрѣча, рици=рѣчи). Звукъ *ч* предъ *н* выговаривается какъ *сь*, при чемъ слѣдующая за *н* гласная смягчается—*ы* въ *и*, *о* въ *е* и т. д. (сердесьній, наросьнё, молосьній); *ч* предъ *т* приближается къ *ш* (*шт*о, по*шт*енье).

Замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается. *Ц* произносится какъ нѣчто среднее между *ч* и *ц* (ближе къ *ч*), не выражаемое опредѣленной буквой, но никогда не выговаривается открыто и ясно

Наряду съ цоканьемъ нужно поставить другую особенность—стремленіе вообще къ легкому, плавному произношенію согласныхъ звуковъ, при чемъ неизбѣжно нарушается правильность и раздѣльность произношенія. Такъ, въ произношеніи слоговъ и суффиксовъ *ст, ств—т* всегда выпадаетъ (госьбищё, счёсье=счастье, ротсво, ѣсва=яства, хресьенинъ, цесь=честь, жалосливой, милосливой). Вообще при соединеніи нѣсколькихъ согласныхъ, трудно произносимыхъ вмѣстѣ, они произносятся не всѣ; получается скрадываніе звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—плавность и мягкость произношенія (напр. скусно, стрица, позно, зрасвуй, сяко, сонцё, болѣсь=болѣзнь, журафь). Этимъ же стремленіемъ къ легкости и плавности произношенія—объясняется и выпусканіе въ возвратныхъ глаголахъ окончанія дѣйствительнаго залога *шь* (справлеисе=справляешься, одиваисе, надіисе, ругаисе).

Указанными звуковыми особенностями опредѣляются и особенности въ образованіи грамматическихъ формъ.

Изъ нихъ замѣтимъ слѣдующія:

Именит. и винит. падежи множеств. числа именъ существительныхъ на *а* и *ь* (имѣющихъ у насъ во множеств. ч. два окончанія *ы* и *ья*)—оканчиваются на *ьё* (колосьё, кореньё, поесьё, кольё, полозьё).

Родительн. и предложн. падежи единств. ч. именъ женскаго рода оканчиваются часто вмѣсто *и* на *ѣ* (въ грез*ѣ*, въ кров*ѣ*, по пут*ѣ*, въ мекот*ѣ*=мякоти).

Творит. пад. множеств. числа именъ существительныхъ вмѣсто *ями* всегда кончается на *еми* (напр. пис*еми*, брать*еми*, друзь*еми*, пол*еми*).

Формы именит. падежа единств. числа именъ прилагательныхъ всегда имѣютъ *ой* (добр*ой*, славн*ой*, мягк*ой*, осённ*ой*, сцесли*вой*, рѣдк*ой*, миленьк*ой*), а послѣ мягкаго *н—ей* (см. *ій*); напр. син*ей*, зимн*ей*, сердесьн*ей* и т. п.

Родительный падежъ единств. числа прилагательныхъ мужскаго рода кончается на *ово* и на *ево*, но никогда на *аго* или *яго* (доброво, мокрово, рѣдково, синево, зимн*е*во).

Сравнительная степень именъ прилагательныхъ вмѣсто *ѣе* имѣетъ *яя* (крас*няя*, пол*ная*, син*яя*, добр*яя*, а превосходная—образуется часто чрезъ прибавленіе нарѣчія *больно* (*больно* красивой, *больно* низкой).

Въ глаголахъ форма неопредѣленнаго наклоненія на *чь* замѣняется формою на *кчи* (*кци*) те*кци*,=течь, сѣ*кци*=сѣчь, *легци*, тол*кци*); формы этихъ глаголовъ въ личныхъ окончаніяхъ настоящаго времени вездѣ сохраняютъ *ч*, *ц*: течцемъ, хо*ц*ете, тол*ц*цемъ, те*ц*ёте.

Неопредѣленное наклоненіе глаголовъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ вмѣсто «ться» кончается на *тце* (одѣва*тце*, ломи*тце*, руга*тце*, сова*тце*, коси*тце*); во всѣхъ формахъ этихъ глаголовъ частица *ся* переходитъ или въ *се*, или *це*: гнет*це*, лóмит*це* (3 л.), опоесь*се*, убьют*це*, надіи*се*, а во второмъ лицѣ единств. числа предъ *ся* выпадаетъ окончаніе *шь*, при чемъ гласная предъ нимъ удлиняется (догáдываи*се*, опоесь*се*, брани*се*, нóси*се*).

Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ять* измѣняется въ *еть*, а окончаніе *ѣть*—въ *ить* (зан*еть*, пон*еть*, ба*еть*; глед*ить*, п*ить*=пѣть, пот*ить*).

Формы—*éсте* вмѣсто *есть* (3 л.) и *иси* вмѣсто—*ѣшь*.

Нарѣчія мѣста и времени, кончающіяся на *а* замѣняютъ это окончаніе окончаніемъ *ы* (тогд*ы*, всёгд*ы*, иногд*ы*).

Опредѣленныя нарѣчія, образующіяся отъ именъ существительныхъ, по большей части оканчиваются на *сь* (вчера*сь*, лѣто*сь*, зиму*сь*, вёсну*сь*, утро*сь*, досюде*сь*).

Нѣкоторыя нарѣчія вмѣсто окончанія *ѣ* принимаютъ *я* (опосля, вмистяхъ).

Формы личныхъ мѣстоименій: 1-го лица—*мня* (меня), 2-го л.—*тя* (тебя), *тѣ* (тебѣ), 3-го лица—*ёнъ*, *ёна*, *ёно*, мн. ч.—*ёне* (они и онѣ): другія мѣстоименія: *эвтотъ* (этотъ), *кажинной* (каждый), *колько*.

Союзы: *конь* (какъ), *тонь* (такъ), *коли*, *коли ежели* (если), *ажно* (даже, такъ что, что).

Особенности числительныхъ слѣдующія: числительное *одинъ*, особенно въ соединеніи съ отрицаніемъ *ни* склоняется такъ: *единый*, *едново*, *едному*, *едными*; особенности другихъ числительныхъ—*двожды*, *трожды*, *шóстой*, *сёмой*, *óсьмой*, *восьминадцеть* (18).

Междометія: *охти мнѣ*, *охти мнеценько* (горе, увы).

Относительно всѣхъ частей рѣчи нужно замѣтить, что полныя формы въ нихъ предпочитаются сокращеннымъ; напр. молонья (молнія), оболокъ (облако), жеребей, середу, добёръ, чёрёнъ; угонилъ (угналъ), черезъ, передъ и т. п.

Уменьшительныя, ласкательныя и увеличительныя слова во многихъ случаяхъ производятся довольно своеобразно; напр. братёлко, дѣвонька, дѣтоньки, мáлешкой, малехóнной; домина, собачища, большинской, толстинской.

Нужно замѣтить еще частое употребленіе въ здѣшнемъ говорѣ частицъ *то*, *те*, *ты*, *ту*, *ко*, *се*. Особенно часто употребляются первыя 4 и представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ члена (дорога-*то*, рѣки-*те*, поля-*те*, эку-*ту*, эко-*ты* чудо!). Ни одно предложеніе не обходится безъ этихъ частицъ, а иногда онѣ употребляются черезчуръ часто (напр.:—вчерасе-*тка*, когда пошелъ ты въ лѣсъ-*то*... Пойдемъ-*ко* вмистяхъ-*то*).

Указанныя особенности придаютъ особый характеръ говору здѣшнихъ крестьянъ. Въ произношеніи гласныхъ является твердость и растянутость рѣчи. Удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу въ сравненіи съ другими слогами, чему способствуетъ и замѣна ударяемыхъ короткихъ гласныхъ долгими. Всѣ гласные звуки произносятся откры о и твердо. Оканье и ёканье придаетъ въ общемъ говору крѣпость и даже грубость.тСтремленіе къ ясности и растянутости произношенія отдѣльныхъ слоговъ, вмѣстѣ съ удлиненіемъ конечныхъ слоговъ и частымъ употребленіемъ частицъ, которыя смягчаютъ рѣзкость перехода отъ одного слова къ другому и избавляютъ рѣчь отъ отрывчивости и усѣченности,—все это вмѣстѣ придаетъ здѣшнему говору особую плавность и мелодичность. Равномѣрно и правильно употребляющіяся сильныя ударенія еще болѣе усиливаютъ эти свойства рѣчи. Говоръ здѣшнихъ бабъ отличается музыкальностью особенно если слушать его со стороны.

Для образца здѣшняго говора приведемъ нѣсколько словесныхъ произведеній, записанныхъ со словъ одной крестьянки Ухотской волости.

Заговоръ—остуду кинуть (т. е. поселить нелюбовь).

Стану я не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни двиреми, ни воротами, пойду косой огородой. Выйду я во цистоё полё. Во цистомъ полѣ стоитъ дубъ. Поклонюсь я на всѣ цётыре стороны; поклонюсе и покорюсе. Вы послушайте-ко друзья-братья невирные. Друзья братья отвитили: пойди ко дубу, зайди въ дубъ. И въ эвтомъ дубу лёжатъ двѣ кошки вмистяхъ хрёбтами; бьютце, дерутце, цѣпаютце и въ крофь убиваютце, Какъ эвти кошки бьютце, дер., цѣп. и въ кр. убив., такъ дрались-бы, бил., цѣп. и въ кр. убивались (такой-то и такая-то). Выйду я изъ эвтово дуба на цистоё поле. Пойду я къ быстрой рицькѣ; покорюсь и помолюсь. Какъ у тя берега не сходятце вмистяхъ, такъ бы не сошлисе (такой-то и такая-то) отъ нынп и до вику, дрались иципались и въ кровь убивались.—Аминь.

Причёты надъ умершимъ дядей, съ которымъ наказываетъ поклонъ своему умершему отцу:

Ты жоланной мой дедюшка,
Ты снеси поклонъ да цёлобитьицё
Моему родимому батюшкѣ.
Я напишу поклонъ да цёлобитьицё
Не перомъ и не цернилами,
А горюцьми слёзьми текуцими.
Ужь нажнлись мы три года круглые,
Много славушки да натерпилисе,

Прослыли мы не досужими, да не работницами,
Похожалками и гуляками.
Жоланной мой родитель-батюшко
Пусь помолитце Пресвятой да Богородичцѣ.
Штобъ дала́ она здоровьиця
Моему жоланному дѣдушкѣ.

Хоть онъ и старъ-то да при старостѣ
И древёнъ-то при древности,
А ушь все нарядитъ насъ на роботушку.
Со цюжими людеми, со многими.
Ретиво-серцё да надрываитце,
Горюцьми слёзьми да обливаитце.
Посылаётъ насъ на роботушку
Не жоланной-то родитель-батюшко.

Александръ *Мельницкій.*

Говоръ Велико-Устюжскаго Уѣзда. Волог. г.

Въ Устюжскомъ говорѣ 1) вмѣсто *а* слышится *е*; напр.: пец*е*ль, нац*е*ть, пец*е*ть, (печаль, начать, печать); также *о*, напр. с*о*гона, р*о*бота (сатана, работа); *ы*, напр.: сюд*ы*, туд*ы*, ковд*ы* и коўд*ы*, товд*ы* и тоўд*ы* (сюда, туда, когда, тогда),

2) Вмѣсто *е* слышится *а*, напр. ж*а*лаю (желаю), кр*а*шанина, крош*а*нина и краш*е*нина и крош*е*нина (первое—крашеный холстъ, полотно, второе—отъ глаг. крошить),—*и*, напр.: артиль (артель) и т. д.

3) Вмѣсто *е—ё*, напр., дуётъ, понимаётъ, розуміётъ; бѣлоё, ма́лыё, бѣлыё *е*, (множ. числ.), ходитё къ намъ, побесѣдуёмъ; объ ёмъ, объ ёй, её я не вижу, у её (безъ *н*); твореньё, созданьё, помышленьё (*іе=ье*), вм. *о—ё*, ёнъ, ёна́ (онъ она) и, т. д.

4) *Ё* встрѣчается вмѣсто *я* въ окончаніяхъ именъ существительныхъ средняго рода: пле́мё, имё, вре́мё, бере́мё (племя, имя, время, беремя); далѣе,—*е* вм. *я* встрѣчается въ неопред. накл., оканчивающемся на *ять*, поне́ть, принéть, зане́ть (понять и т. д.); также—енцё (яйцо), всячина́ (всецина), де́дя (дядя), опеть (опять), племеньникъ, масьленьниця (племянникъ, масляница); *е* встрѣчается вмѣсто *і*, наприм. Божей цёловѣкъ, вражей сынъ (Божій, вражій).

5) А + е = а, напримѣръ,—понимаётъ и понимать, бываётъ и бывать, знаётъ и знать.

6) Вмѣсто *ѣ—и*, наприм., сиве́ръ, нед*и*ля, пить п*и*сьни, лёфъ звирь, сьисти (сѣверъ, недѣля, пѣть пѣсни и т. д.); въ окончаніяхъ неопр. накл. на *ѣть* напр. влад*и*ть, онѣм*и*ть (владѣть, онѣмѣть).

7) Звукъ *о* встрѣчается вмѣсто *і* и *ы* въ окончаніяхъ им. прилагат., наприм. хоро́шой, до́брой, сере́бряной (вм.—шій,—рый,—ный);—вмѣсто *е*, напр. жона́, пшоно́, каж*о*цьця (жена, пшено, кажется).

8) *У* слышится въ прошедшемъ времени вмѣсто *л*, напр., слыша*у*, по́ня*у*, бы*у*, пошо́*у* (слышалъ, понялъ и т. д); въ словахъ, оканчивающихся на *л*, напр., козе́*у*, ко́локо*у*, (козелъ, колоколъ); въ серединѣ словъ, напр., доуго, поуно (долго, полно); также ў слышится вм. *в* въ концѣ словъ: Крыло́*у*, Бакрылоу (Крыловъ—ловъ); въ срединѣ словъ, — напр. поддёука (поддевка), за*у*тра (завтра), да*у*но (давно); въ началѣ словъ, напр., *у*рагъ уре́шь, (врагъ, врешь), вм. *г*, напр.—ко*у*д*ы*, ков*д*ы, (когда), то*у*ды, тов*д*ы (тогда) и т. д.

9) *Бм=мм*: оммыть, о*мм*акивать, о*мм*анывать, (обманывать и т. д.), *бл*, *бр*,= *П*—кара́*п*ъ (корабль), голо́*ф*ъ (голавль), Декабрь—Декапъ, Ноябрь—Нояпъ, и т. д., *мн=мл*, по*мл*ю (помню), сум*ле*нье (сомнѣніе); *ст=с*, стра*с*ь, лисья (страсть, листья); вм. *к—х*, хресьянинъ, трахтъ (крестьянинъ, трактъ); *зж=жж*, поѣзжжай и т. д.

10) Твердое *л*, какъ передъ *н*, такъ и передъ другими согласными, напр. бо*л*ной, си́*л*ной, бо*л*шу́*ш*ой, ба*л*за́нъ (*н* вм. *м*), олхо́вой прутъ (больной, большой, бальзамъ и т. д.).

11) *С* вм. *щ*, молóсной, я́сная мука, пшонисьникъ, одѣвáёсься, (молошный,-чный, *яш*ная мука и т. д.).

12) *Ц* вм. *ч* и наоборотъ, *ч* вм. *ц*, и то и другое произношеніе вмѣстѣ, напр.,— *ч*арь и *ц*ярь, *ч*апля и цяпля, *ч*ѣлой и *ц*ѣлой, Павлови*ц*ь, *ц*ёловѣкъ, *ц*яшка и т. д.

13) *Ц*—мягко, напр., молодéць, отéць, гонéць и т. д.

14) *Ш* вм. *ч*., напр. коне*ш*но, серде*ш*но (конечно, сердечно), мѣстоим. *что*= *шьтё*, *щё*.

15) Вмѣсто *щ* два *ш*, напр.—ишшó (еще), пýшше (сильнѣе), цяшше (чаще) и т. д.

16) Встрѣчается форма род. пад. на *ово* и на *ова*, напр.—добров*а* дня, éто*во*, нецев*о*; я *тѣ* и *тибѣ* (также говорится: *сибѣ*, себѣ) *ефтова* и *етово* не обѣшшаў.

17) Дат. пад.оканчивается на *е* вм. *и*, напр. къ доцер*é*, къ матер*е*, ко двер*е* и т. д.

18) Сравнительн. степень встрѣч. на *ѣ*: мéнѣ, бóлѣ (менѣе, болѣе), и на *я*, басься (я), силня́(я), миля́ (я), крѣпця́ и крѣпце (красивѣе, сильнѣе, милѣе и т. д.).

19) Возвратный залогъ кончается на *цьця* какъ въ неопредѣл., такъ и въ изъявительномъ наклоненіи, напр. одѣва*цьця* (=одѣваться и одѣвается), глянё*цьця* (глянется, нравится), улыба*цьця* (улыбается) и т. д.

20) Встрѣчаются членъ и частицы,—напр., молодéцё*тъ* (молодецъ-отъ), бабы-*ти*, бабу-*ту*, село-*то*, какъ сказать-*то* и т. д.; мнѣ-*ка*, тебѣ-ка, уйди-*ко*, возьми-*ко* нуткося, подиткося и т. д. *А. Дмитріевъ.*

Цюжое добро.

Пришли въ Питёръ для зáработковъ двóе хресья́нъ, Степанъ да Гаурúло. По деревнямъ онѣ были сусéди и на цюжóй сторонѣ сошлися вмистѣ, поступили въ одну биржевýю артúль. Живутъ онѣ годъ, два, и петь лѣтъ, зашибаютъ хорошую копейку; работа идетъ всё прибылня́я. Пришла пора и на побыўку. Лёккó сказать, не были на родинѣ петь лѣтъ! Домашніё, цяй, ждутъ не дождуцьця!

Собралися было онѣ óба, да ўдрýгъ вышеў такой слуця́й, шьтё Гаурилѣ нельзя некакъ ѣхать: хозéинъ ждетъ изъ-зá моря кораблéй, и нé на ково болѣ расположицьця при выгрускѣ товарофъ (или роў), какъ на Гаврилу. Прибавляётъ ему жáлованья и проситъ повременить отъѣздомъ. Шьтё-жо? нельзя не уважить хорóшова цёловѣка, надавно (надаувно-вм. бно) подождать хошь до первозимья. «Дѣлать нéцево», говоритъ Гаурило своему товаришшу, поѣжжáй одинъ». Да ужъ сдѣлай милось, исправь за меня шьтё слѣдуётъ. Батюшко ономедни грамотку послаў, приказыватъ на сцётъ денёгъ, дакъ достáфь ты ему мою казну; вотъ тутокá ровно три тысеци. Да сестрёнкамъ связешь по какому небуть госьтúньцю. Кланейся, дружúшшо, всѣмъ (усѣмъ). Ну, съ Богомъ, братъ».

Роспростúлися земляки, и отпрáвіуся Степанъ ко дворамъ. Дóўго ле, корóтко-ле онъ ѣхау—не знаю, тольки въ (у)дорогѣ нецево особеннова съ имъ не приключилось. Вотъ блеснýу передъ имъ кýпаў (поў) родной цéрьквы . . . . . и стало лёккó нá серьцѣ у Степана . . . . А ужъ шьтё было дома, какъ переступіу онъ порокъ своéй избы, и росказать нельзя: слёзы, обнимáнья, смѣхъ, áханьё и опеть слёзы. Распрóсамъ не было коньця́. Не насмóтряцьця друкъ на друга, не наговоря́цься; до Гауриловыхъ ле поруцений тутъ? усьпиются и зáўтра. Не видали какъ свецерѣло и на покой итти пришла пора. Стихло все въ домѣ и на (дерéвнѣ) селѣ. Ўдрукъ (вдругъ), въ глухую поуночь, какъ мóўнея пронéссе по селу стрáшной крикъ: «пожаръ, пожаръ!» Всѣ пе-

реполошилися. При вітрѣ быстро заиграло пламё по соломянным крышамъ, мигомъ охватило поудеревни и спалило всё до тла. Вросплохъ застигнутыё бедой, хресьяне не успили спасти поцьти нецево изъ сваево имушшества; многіё едва успили выскоцить сами тольки. Въ етомъ числѣ несьцясныхъ быу и Степанъ съ семьёй. Самъ онъ тольки успѣу схватить кафтанъ, лёжавшой въ изголовьѣ, да вывесьти его со двора пару лошадей. Соньце стояло высоко ужъ, коуды оконьціуся пожаръ. Хто шьте дѣлау: иныё тоуковали межу собой, другіё сидили понуря голову, иныё откапывали скарбъ... Болно было гледить на етихъ несьцясныхъ, а болѣ всѣхъ (усѣх) на Степана. Не(в)-мно(у)го цясовъ состарили ево десяткомъ лѣтъ. Доуго сидѣу онъ, думау, не отвѣцау на роспросы родныхъ. Наконець перекрестіуся, стау и пошоу къ Гаврилину отцю. Поуторы версты доуго-ли протти?

«Богъ на помошшъ, дедя Григорей» молвіуонъ ему.

«А Стёпа любёзной, здороу-ле? какими ето судьбами? Шьтё-жо безъ Гаурюшки?

«Да вотъ онъ прислау тибѣ поклонъ нисской и всѣмъ. Самотъ разѣ (вм. звѣ) тольки къ Николину дню пріидётъ (ѣдетъ). «А грамотки нѣту?» «нѣту, писать было не коуды», проговоріу Степанъ съ какимъ то смушеньемъ. Слышау я, братъ, про вашу бѣду и самъ дажеци вiдѣу, здись было свѣтля дня! Шьтё дѣлать? Божья воля. Уцѣлѣла ли твоя изба!

Какъ есь не единова бреуна, сами выскоцили поцесь нагіё. Сердешно жаль. Послѣ экой бѣды не скоро оправисься. Да, я, цяй, ты привёзъ таки изъ Питёра коё-какiё денжонки, опстроицьця-то хватитъ? Безъ малова 2 тысеци привёсъ. Да видно быть грѣху такому. Положіу я ихъ позавцярась въ яшшикъ, а въ сумятицѣ-то и изъ головы вонъ захватить то ево съ собой! Выскочіу, опамятіваўся, глянуу, а изъ избы то пламё-то такъ и хлёшшотъ! Прогнѣвауся за грѣхи на насъ Господь! Вѣсьтимо ноётъ серьцё по трудовой копеикѣ. Но пушше тово, дедя Григорей, взяу меня ужасъ, какъ хватіуся я даве твоихъ тенегъ. Шьтё свои? Наживноё дѣло, Богъ съ ими! А за цюжіё дашь отвѣтъ (отвѣтишь) добрымъ людямъ здись, да и на томъ свитѣ спросятъ! Кац выбѣжау, преже всево хвадіуся ларця-то: нѣтъ нецево при сибѣ—въ одной рубахѣ! Туды, сюды, заметауся во всѣ стороны, не оброніулъ-ле какъ, спросіу своихъ, не брау-ле кто ларьця, нѣту, всё съѣу огонь! Серьце такъ и замерло. Шьтё скажу дедѣ Григорью? цѣмъ уплацю? Упъ, знать, паметь ту у меня всю отшибло. И не догадаюсь, шьтё твою-ту казну я положіу въ ка(у)фтанъ, а онъ у меня подъ мышкой торцитъ! Ошшупау я карманъ, вынуу бумаженникъ, пересситау (сьсётъ чаще, чѣмъ сьцётъ), всё цѣлёхонько. Какъ гора у меня съ плецъ свалилась, ожила душа!

Да про какiё деньги ты наладіу?

Да про твой жо, говорю, шьтё послау тѣ Гаурило. Мои сгорили, а твои Богъ помиловау. Вотъ онѣ, принимай сьсётомъ: копейка въ копейку, три тысечи рублей» и передалъ дедѣ Григорью. (Вольперъ, Русская рѣчь, «Чужое добро», стр. 15—16 изд. 16-е).

Пѣсня изъ новыхъ.

По Никольському по траху
Берешка крутенькiё,
Берешка крутенькiё
Водиця холодьненькая.
Не хоцю водици пить,
Водиця изъ канавушки,
Лажусь парьня полюбить,
Боюсь худой я славушки.
Не любить—не славицьця,
Не ходить—не маецьця,
По жердоцькѣ милой шоу
Другая спогибаёцься
Во деревнюшку зашоу
Дѣуцёнка дожидаёцця:
У богатой, у проклятой
Цѣлу ноцьку ноцевау
У милашки, у бѣдняшки
Саламату похлебау.
Ясной мисець—
Рупъ цѣуковой,

Цясты звѣзды—
Цетвертакъ,
Мо́ётъ милой
Бестоуко́вой
Съ посидѣнку
Ушо́у такъ!
Онъ недо́уго посидитъ,
Тольки серьдéцюшко сушитъ;
У тоцёнова стоубà
Нѣту сьцястья никогдà
Ко́уды вѣтеръ ко́уды дожъ
Коуды дѣуцёнку до́уго ждешь.
Я дѣуцо́ньку выуцю,
Не пушшу́ на улицю,—
Ко́уды та порà придéть,
Шьтё отъ меня не отойдеть!
Пусь достàнецьця Малàшенька
Не людямъ и не мнѣ,
Шьтѐ не людямъ и не мнѣ,—
Сырой мàтере землѣ!..
Доставàлася милàшенька
Не людямъ и не мнѣ,
Шьтё не людямъ и не мнѣ,
Сырой матере землѣ.
Опоя́шусь ко́ньцикомъ,
Поѣду съ колоко́льцикамъ...

Горё (немного на стрнный ладъ).

Охъ ты го́рѐ мое, го́рё великоё,
Я пойду́ съ го̀ря в тёмню̀ лѣса,
Во тёмно̀м лѣсу,—тёмнѐшенько,
Въ зелено̀мъ лугу—зеленѐшенько,
Тамъ росту́тъ цьвѣты—
Цьвѣты лазо̀рёвыё,
Я сорву̀, цьвѣтокъ,—
Совью вѣнокъ,
Милому̀ дружку—
На голо̀вушку.

А. В. Дмитріевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Населеніе Украйны въ XVI вѣкѣ.

A. *Iabłonowski*: 1) Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagełłonów; 2) Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną (Kwartalnik Historyczny 1893 года, выпуски 1-й и 3-й).

Г. Яблоновскій, уже пользующійся у насъ нѣкоторою извѣстностью какъ историкъ [1]), выступаетъ теперь передъ нами на поприще исторической этнографіи съ изслѣдованіемъ о тѣхъ этническихъ элементахъ, которые составляли во второй половинѣ XVI вѣка населеніе Украйны.

Украйна, точнѣе—Украйна великаго княжества Литовскаго, занимавшая огромное степное пространство на обоихъ берегахъ Днѣпра и Буга, отъ Днѣстра на западѣ почти до Донца на востокѣ, и упиравшаяся на сѣверѣ въ кіево-волынское и черниговское Полѣсье, въ половинѣ XVI вѣка была степью, лишенною городовъ и селъ и имѣвшею лишь пустыя «городища» и «селища», посреди «гоновъ», «уходовъ», «пасѣкъ». Она украшалась лишь нѣсколькими «замками»—Каневомъ и Черкасами на Днѣпрѣ, Винницею и Брацлавомъ на Бугѣ. Но она не была пустыней. Не смотря на нерѣдкіе наѣзды Крымцевъ, въ ней была жизнь и ея «гоны», «уходы», «пасѣки» не оставались безъ эксплуатаціи.

Кто же жилъ въ ней?

Г. Яблоновскій даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи архивныхъ источниковъ, главнымъ образомъ на основаніи описаній замковъ 1545 и 1552 годовъ и вновь найденнаго, имѣющаго въ скоромъ времени быть изданнымъ, именнаго списка 500 запорожскихъ казаковъ 1581 года. Его данныя 1) собственныя имена и фамиліи замковыхъ обитателей, 2) собственныя имена и фамиліи казаковъ и 3)—въ немногихъ случаяхъ—прозвища тѣхъ и другихъ, указывающія на ихъ племенное происхожденіе или на ихъ родину («Сербъ», «Волохъ», «Мозыряпинъ» и т. п.). Другихъ источниковъ и данныхъ авторъ не знаетъ.

Онъ прежде всего останавливается—нѣсколько неожиданно для читателя—на Тюркахъ. Онъ припоминаетъ Торковъ, Берендеевъ, Черныхъ клобуковъ до-монгольскаго періода, указываетъ на ихъ вражду къ Половцамъ (которыхъ однако лѣтопись называетъ ихъ «сватами»!) и единеніе съ Русскими, предполагаетъ, безъ основаній, что Татары не

---

[1]) Большая статья его по исторіи Украйны въ варшавскомъ Ateneum'ѣ 1888 г. №№ 1 и 2, 1891 г. № 12.



принудили ихъ уйти изъ степи вслѣдъ за Половцами или присоединиться къ своимъ ордамъ, а позволили имъ оставаться по прежнему въ степи. Потомъ онъ разыскиваетъ Тюрковъ и ихъ потомковъ среди обитателей украинныхъ замковъ, среди «земянъ», среди запорожцевъ и ихъ находитъ вездѣ и всюду. Это—Байдикъ, Балхова, Базыргенъ, Борякъ, Ботракъ, Буба, Чатый, Чаплій, Чигашъ, Гусеймъ, Кубеча, Кудакъ, Махмедеръ, Малыкбаша, Мехедъ, Сохей, Ширай, Убобъ въ Черкасахъ [1]), Балычь, Хурсъ, Челехъ, Карака, Каранда, Киптай, Колмага, Котанъ, Кунашъ, Шейшей. Шульга въ Винницѣ, Бальма, Борзукъ, Бруханъ, Харланъ, Черкасъ, Чурба, Карай, Кобызъ, Моксанъ, Нагай, Охматъ, Шеколъ, Шульга въ Кіевѣ, Аксакъ, Байбуза, Баланеръ, Берендей, Булыга, Халанимъ, Ханбекъ, Фурсъ, Елецъ, Кобызевичъ, Коробай, Кутлубай, Обдула, Солтанъ, Сынгуръ, Баглай, Бокій, Балабанъ, Бундура, Коцуба, Козуба, Моркуля, Скиндаръ, Талалай среди «Земянъ»; это—Бахтіаръ, «очевидно, крещоный татаринъ» (стр. 428), и т. д. Мы не имѣемъ надобности распространяться объ длинномъ спискѣ тюркскихъ, по автору, именъ; достаточно сказать, что Хурсъ-Фурсъ обычное въ старой Руси христіанское имя (=соврем. Ѳирсъ), равно какъ и Харланъ (Харлампій); что Брюханъ, Ширяй, Елецъ—исконныя русскія слова, что еще именъ по крайней мѣрѣ десять звучитъ совсѣмъ не по-тюркски. Для насъ важно узнать, дѣйствительно ли тюркское имя говоритъ о тюркскомъ происхожденіи его владѣльца. Для этого мы заглянемъ въ акты какъ юго-западной, такъ и московской Руси XV—XVII вѣковъ. Они заключаютъ въ себѣ очень много именъ несомнѣнно тюркскихъ, но принадлежащихъ несомнѣнно Русскимъ. Здѣсь мы находимъ Кирдея и Васка Савчичей (Арх. Юго-Зап. Р., VI, I, 67), князя Солтана Васильевича (Arch. Sang. I, 54), гомельскаго крестьянина Селима Стефановича (А. Ю.-Зап. Р. V, 43). Здѣсь передъ нами угличанинъ Салтанъ Петровъ сынъ Демьяновъ (А. Юр. 323), костромитинъ Мурза Степановъ сынъ Щукина (А. Юр. 303), астраханскій городничій Тавруй Потаповъ (А. Кал. I, 459), Охматъ Михайловъ, Шишмей Омельяновъ, Бахтеяръ Григорьевъ, Карамышъ Матвеевъ, Китай Емельяновъ (А. Ѳед.—Чех. [2]). И такъ, имена нисколько не указываютъ на происхожденіе, и нѣтъ основанія видѣть въ южно-русскихъ Байдыкахъ, Аксакахъ, Караяхъ-Тюрковъ или ихъ потомковъ и говорить объ «очень сильномъ» участіи тюркскаго элемента [3]) въ образованіи украинскаго племени (стр. 434).

Затѣмъ г. Яблоновскій обращаетъ вниманіе на поляковъ. Не только всѣ Станиславы, Яны, Северины отнесены имъ къ полякамъ; въ ихъ число попали даже значащіеся въ написанномъ по-польски спискѣ запорожскихъ казаковъ Sobko Trubacz и Andrzei Bubennica, не смотря на явно русскую окраску ихъ прозвищъ... И здѣсь имена, съ употребленіемъ которыхъ въ Старой Руси авторъ слишкомъ уже мало знакомъ, не даютъ права дѣлать какіе-либо выводы [4]).

Но этнографу Украйны, естественно, всего болѣе приходится говорить о Русскихъ. Какіе русскіе элементы были въ украинскомъ населеніи XVI вѣка? Откуда они пришли?

Авторъ указываетъ, что арендаторами черкасскихъ «уходовъ» по Днѣпру, Ворсклѣ, Орели, Самарѣ, въ 1552 году были Мозыряне, Быховцы, Могилевцы; что каневскіе «уходы» въ устьѣ Сулы арендовали Могилевцы; что эти Бѣлоруссы приходили на промыселъ къ лѣту и возвращались на родину къ зимѣ. Имъ не оставляются безъ вни-

---

[1]) Мы оставляемъ имена (или фамиліи) въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приводитъ авторъ, но должны замѣтить, что въ источникахъ при этихъ именахъ обыкновенно стоитъ христіанское имя: Федко Байдикъ, Иванъ Балхожа, Игнатъ Сохей (Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I, 113—114).

[2]) Какъ извѣстно, не мало князей Рюриковичей и Гедиминовичей носили тюркскія имена. Припомнимъ хотя бы предковъ Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ и Булгаковыхъ

[3]) Словарный матеріалъ украинскаго говора не бѣденъ тюркизмами, но они въ немъ тѣ же, что и въ другихъ малорусскихъ говорахъ. Ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи не больше, чѣмъ въ великорусскомъ.

[4]) Г. Яблоновскій навѣрное призналъ бы и *Франциска* Скорину и *Адама* Киселя за Поляковъ, но несомнѣнно, они были Русскіе.

манія приднѣпровскіе севруки, потомки, по его мнѣнію [1]), древнихъ Сѣверянъ, которые, вмѣстѣ съ древними Полянами и Древлянами, представляются ему членами малорусской вѣтви Русскаго народа. Далѣе онъ сообщаетъ свѣдѣнія о 500 запорожскихъ казаковъ по списку 1586 года. Въ числѣ этихъ «молодцовъ» оказывается порядочно Бѣлоруссовъ (изъ Мозыря 16, изъ Бобруйска 10, изъ Быхова 8, изъ Могилева 11, изъ Мстиславля 10), немного изъ Волыни (изъ Дубна 9, изъ Константинова 7, изъ Кременца 6, изъ Острога 6), еще меньше изъ Подолья, Галиціи, совсѣмъ мало изъ Полѣсья (изъ Овруча 1, изъ Житомира ни одного).

Но этимъ данныя автора ограничиваются, и читателю его статей остается неяснымъ, кто въ XVI вѣкѣ далъ Украйнѣ большинство колонистовъ, Бѣлоруссія, Полѣсье, или Подолье съ Галиціей.

Въ виду этого мы попробуемъ разрѣшить поставленный имъ вопросъ, воспользоваться тѣми данными [2]), которыя г. Яблоновскій (какъ и всѣ его предшественники) упускали совершенно изъ виду, но которыя намъ кажутся въ высшей степени важными) имѣющими рѣшающими значеніе. Они находятся въ языкѣ нынѣшнихъ Украинцевъ, прямыхъ потомковъ колонистовъ XVI вѣка, то есть—въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія.

Какъ извѣстно, малорусскіе говоры дѣлятся на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы—сѣверно-малорусскую и южно-малорусскую [3]), изъ которыхъ первая употребляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, на мѣстѣ древняго и великорусскаго *о*, гласные *у*, *ю* или разнообразные дифтонги: *уо*, *уэ*, *уи*, *уы*: кунь, кюнь, к*уо*нь, к*уэ*нь, к*уи*нь, к*уы*нь (=*ко*нь), а вторая въ тѣхъ же случаяхъ имѣетъ гласный *і*: к*і*нь.

Мы не знаемъ, когда именно произошло раздѣленіе малорусскихъ говоровъ на эти двѣ группы; но имѣемъ основаніе думать, что къ XVI вѣку оно уже существовало. Несомнѣнно, въ этомъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ волынскомъ Полѣсьѣ съ частями нынѣшнихъ Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины, тамъ, гдѣ слышатся теперь; но вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась дальше на югъ, чѣмъ въ наши дни, такъ что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губ. и юго-восточную окраину волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполнѣ сѣверно-малорусскіе. Во всякомъ случаѣ въ Кіевѣ половины XVI вѣка говорили по сѣверно-малорусски: отк*у*ль (южно-малор. відк*і*ль), Овд*у*тья (южно-малор. В*і*ндвя, Явдоха [4]).

Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающею къ нимъ частью Волынской губерніи. [5]) Въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украйны XVI вѣка?

Его прямой потомокъ, современный говоръ украинскій, принадлежитъ къ числу южно-малорусскихъ и очень близокъ къ говорамъ Подолья и Галиціи съ сосѣднею частью Волынской губ.

Взглянемъ по внимательнѣе на украинскій говоръ.

Первое, что обращаетъ въ немъ на себя наше вниманіе, это полное отсутствіе сѣверно-малорусскихъ особенностей (не говоря уже о бѣлорусскихъ). Предоставляя изъ

---

[1]) Требующему доказательствъ. Проф. В. Д. Смирновъ указалъ намъ на турецкое sawruq или sawraq, которые по словарю Redhouse'a, значитъ: wild, very impulsive or violent. Великорусское севрюкъ=угрюмый человѣкъ.

[2]) Мы, сверхъ того, имѣемъ въ виду тѣ данныя о сравнительной населенности Подолья въ XVI вѣкѣ, которыя собралъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ въ своей статьѣ въ Архивѣ Юго-Западной Россіи VII. II.

[3]) Данныя, которыми мы здѣсь пользуемся, находятся въ нашемъ „Очеркѣ Русской діалектологіи" (Живая Старина 1892 года, вып. 4).

[4]) Описаніе кіевскаго замка 1552 года. Архивъ Юго-Зап. Россіи VII. I, 112, 113. Въ Черкасахъ въ это время говорили уже по южно-малорусски: чакивница, Макогинъ (тамъ-же, 79, 89).

[5]) Съ собственно Волынью.

себя одно цѣлое на всемъ степномъ пространствѣ отъ Днѣпра до Дона, этотъ говоръ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ говорамъ смѣшаннымъ. Онъ не заключаетъ въ себѣ ни одного слова съ сѣверно-малорусскимъ дифтонгомъ. Онъ имѣетъ всего лишь два слова съ сѣверно-малорусскимъ *у* на мѣстѣ древняго *о*, гдѣ должно бы быть, по южно-малорусски, *і*: парубокъ и *гу*льтяй (но они оба находятся и въ другихъ южно-малорусскихъ говорахъ. Въ немъ нѣтъ словъ съ нерѣдкимъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ *е* на мѣстѣ древняго *ѣ* (ничтожныя мѣстныя исключенія не въ счетъ). Наконецъ ему совершенно чужды мелкія явленія, свойственныя лишь сѣверно-малорусскимъ говорамъ, въ родѣ формъ возвратнаго залога на *са* и *со*. Такимъ образомъ украинскій говоръ принадлежитъ вполнѣ южно-малорусскому нарѣчію.

Затѣмъ, если мы сопоставимъ украинскій говоръ съ говорами подольскимъ, галицкими, западно-волынскими, то увидимъ, что всѣ его отличительныя черты находятся въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ. Твердые (до извѣстной степени) согласные передъ *і* изъ *о* (въ н*і*съ=носъ), отсутствующіе въ подольскомъ и большей части галицкихъ, слышатся въ волынскихъ; звонкіе согласные въ концѣ словъ въ серединѣ передъ *к* и *о* (дідъ, тяжко) неизвѣстны подольскому и галицкимъ, также сохраняются говорами волынскими, и т. д.

Сверхъ того, вездѣ, гдѣ украинскій говоръ наиболѣе рѣзко отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдей, его черты сравнительно съ чертами послѣднихъ—архаическія и такія, какія д о л ж н ы были нѣкогда въ нихъ быть и какія могли въ нихъ еще быть въ началѣ XVI вѣка. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что твердыя согласныя передъ *і* изъ *о* древнѣе, чѣмъ мягкіе, что *я* въ узяти, *хв* въ *хв*алити, мягкое *ц* въ хлопе*ць*—древнѣе, чѣмъ въ тѣхъ же словахъ *е*, *ф*, твердое *ц*. Словомъ, особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое.

И такъ, главная масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украйну изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губ., масса, въ которой исчезло безслѣдно то сравнительно ничтожное количество колонистовъ, которое дало Украйнѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія.

Еще нѣсколько словъ въ заключеніе. Причина разницы въ доляхъ колонизаціи будетъ намъ вполнѣ ясна, если мы взглянемъ на карту Южной Руси XVI вѣка.

Подолье, Галиція, юго-западная Волынь не имѣли для колонизаціи ничего, кромѣ Украйны, и по необходимости должны были идти въ ея степи, опираясь на замки Винницы и Брацлава. Волынскимъ и Кіевскимъ Полѣшукамъ также какъ и ихъ сосѣдямъ (съ сѣвера Бѣлоруссамъ), благодаря Припети и ея притокамъ, было гораздо болѣе удобно направляться на востокъ, въ Заднѣпровье, чѣмъ на югъ, и мы дѣйствительно видимъ ихъ рядомъ съ Бѣлоруссами въ древней Сѣверщинѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя или совсѣмъ не заняты были до ихъ прихода осѣдлымъ населеніемъ, или лишились значительной части населенія [1]) въ эпоху самозванцевъ; ихъ говоры до сихъ поръ еще вполнѣ сохраняютъ свои полѣсскія черты (дифтонги и проч.), а нѣкоторые изъ нихъ, на восточномъ берегу Днѣпра, сходны до тожества съ своими сосѣдями на берегу западномъ.

А. Соболевскій.

Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Akademische Abhandlung von Joos. J. Mikkola. Helsingfors, 1893.

Книжка г. Миккола посвящена вопросу о славянскомъ, главнымъ образомъ русскомъ вліяніи на западно-финскіе языки. Авторъ начинаетъ обзоромъ того немногаго, что уже сдѣлано по этому вопросу, и при этомъ особенно долго останавливается на трудѣ

---

[1]) Это населеніе было, конечно, великорусское, а не малорусское. Помимо другихъ данныхъ, на это указываетъ самое названіе сѣверной столицы, звучащее у Малоруссовъ по-великорусски: Черніговъ (чисто малорусская форма должна бы звучать Чернiговъ).

покойнаго Веске, къ которому впрочемъ относится не безъ строгости. Затѣмъ онъ говоритъ объ относительной древности вліянія на западно-финскіе языки, языковъ германскихъ, славянскихъ и высказывается, на основаніи фонетическихъ особенностей заимствованныхъ у Германцевъ финскихъ словъ, въ пользу большей древности германскаго вліянія. Остальная, наибольшая часть книжки г. Миккола заключаетъ въ себѣ списокъ финскихъ словъ славянскаго происхожденія, съ указаніями, какими финскими звуками передается тотъ или другой славянскій звукъ и какія изъ заимствованій могутъ быть признаны за древнія, какія за новыя. Нѣкоторыя слова этого списка, въ высшей степени интересны: akkuna = др.-русск. окьно, lus*i*kka = др.-р. лъжька, pa*l*ltina = др.-р. п*оло*тьно, t*al*kk*u*na = др.-р. т*оло*кьно, k*ar*sta = к*оро*ста, s*ar*ka = с*оро*ка (сорочка), v*är*tiänä = в*ере*тено, kuo*n*talo = ц.-слав. кѫдѣль, s*un*tia = ц.-сл. сѫдни, *un*d = ц.-сл. ѫда (часть уже извѣстна намъ изъ книги Веске).

Трудъ г. Миккола, превосходно исполненный, представляетъ большую цѣнность и для археологовъ, и для лингвистовъ. Единственное, за что мы должны посѣтовать на автора, это—невниманіе къ ударенію славянскихъ словъ. По нашему мнѣнію, разнообразіе въ передачѣ одного и того же славянскаго звука, нерѣдко объясняется не чѣмъ другимъ, какъ присутствіемъ или отсутствіемъ на этомъ звукѣ ударенія. Напримѣръ, различіе между звуками: *a* въ r*aa*mattu = гра́мота, l*aa*tu = ла́дъ, ла́д*а*, l*aa*tia = ла́дить, p*aa*sma = па́смо съ одной стороны и ă въ r*a*ja = край, на краю̀, кра̀й, кра́евъ, r*a*vita = травѝть, наиболѣе легко объясняется ударяемостью и неударяемостью славянскихъ звуковъ. Сверхъ того, мы не рѣшаемся вездѣ согласиться съ авторомъ относительно степени древности заимствованія и сомнѣваемся, напримѣръ, что t*u*rku, h*u*rsti, h*u*rta, должны непремѣнно восходить къ търгъ, хълстъ, хъртъ, а не къ торгъ, холстъ, хортъ,—въ виду s*u*llku = шолкъ.

А. С—скій.

Ирано-финнскія лексикальныя отношенія. Барона Р. Р. Штакельберга. (Древности Восточныя. Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I, М. 1893).

Авторъ обратилъ вниманіе на небольшую группу словъ въ восточно-финнскихъ языкахъ, по его мнѣнію, заимствованныхъ восточными финнами у ихъ древнихъ сосѣдей съ юга—у близкихъ родственниковъ или даже предковъ нынѣшнихъ Осетинъ, во всякомъ случаѣ у народа иранской семьи (вѣроятно, у Скиѳовъ греческихъ писателей), и собралъ 58 финнскихъ словъ сходныхъ по звукамъ и по значенію съ словами осетинскими, армянскими, курдскими, зендскими и т. д. Изъ этихъ словъ, кажется, лишь меньшая половина можетъ быть признана за заимствованныя, между прочимъ: зырянск. зарні золото (при зендск. zaranya, ново-перс. zar золото), вотяцк. корт желѣзо (при зендск. kareta, ножъ, оссет. кард мечъ), вотяцк. куала, квала домъ, изба (при курдск. kol хижина, оссет. к'ул внутренняя часть сакли), зыр. öксы князь (при оссет. äхсін княгиня), морд. сада, вогул. сат сто (при зендск. sata, оссет. сäдä сто), вогул. чах соль (при оссет. цäх соль), пермяцк. шен изба (при зендск. źayana мѣсто обитанія), перм. шодзь деревянная игла, спица (при оссет. содзінä игла). Что касается до прочихъ, приведенныхъ авторомъ, то исконная принадлежность однихъ изъ нихъ иранской семьѣ языковъ подлежитъ сомнѣнію (они находятся только въ осетинскомъ языкѣ и могли быть заимствованы Осетинами у Финновъ или и Финнами, и Осетинами у какого-нибудь третьяго народа), заимствованіе же другихъ въ виду ихъ значенія (медвѣдь, муха, рогъ, шерсть, волосы, губы и т. д.) не вполнѣ вѣроятно; наконецъ два слова получены Финнами скорѣе отъ Славянъ, чѣмъ отъ Иранцевъ: зыр. порсь свинья, пер. куті собака (сравни великорусск. кутёнокъ щенокъ и друг.).

А. С—скій.

Mythiske bytosće łužiskich Serbow. Napisał Adolf Černý. I zwjazk. Budyšin. 1893. 239 str.

Высшая миѳологія славянскихъ народовъ была постоянно «камнемъ преткновенія для всѣхъ изслѣдователей, и, какъ показываютъ многочисленныя книги и статьи— продолжаетъ быть имъ по прежнему. Древне-славянскіе культы еще не настолько развились и выработались, чтобы вступить повсемѣстно въ упорную борьбу съ наступательнымъ движеніемъ христіанства. Съ появленіемъ христіанства масса скоро отказалась отъ Перуна, Хорса и др. божествъ, хотя и сохранила массу суевѣрій и обычаевъ, связанныхъ съ культомъ ихъ. Исчезновеніе язычества произошло у насъ такъ, что мы съ большимъ трудомъ можемъ собрать изъ старыхъ памятниковъ и современныхъ народныхъ преданій лишь самыя ограниченныя свѣдѣнія даже о самыхъ крупныхъ фактахъ языческаго міровоззрѣнія славянъ, о языческой космогоніи. Отъ глубокой древности намъ остались только преданія и вѣрованія въ цѣлый рядъ низшихъ божествъ, которые съ принятіемъ христіанства отожествились съ нечистою силой, и почти неприкосновенно дошли до насъ.

Названное выше сочиненіе имѣетъ своей задачей объединить и отчасти обобщить матеріалъ по изученію низшей миѳологіи у лужицкихъ сербовъ. Авторъ, г. Адольфъ Черный (Adolf Černý) предпосылаетъ своему труду введеніе, которое знакомитъ насъ въ сжатомъ видѣ съ теченіемъ изученій фольклора, а въ частности—сравнительной миѳологіи. Въ немъ онъ обозрѣваетъ труды крупнѣйшихъ ученыхъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ и излагаетъ главнѣйшіе ихъ принципы и выводы. Самъ авторъ является послѣдователемъ школы Тэйлора и Ланга.

Послѣ этого краткаго вступленія авторъ даетъ библіографическій обзоръ литературы, касающейся народной поэзіи лужицкихъ сербовъ, указываетъ рядъ сборниковъ, отдѣльныхъ статей и изслѣдованій, какъ вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльными книгами, такъ и разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, которыми онъ пользовался при составленіи настоящаго сборника. «Въ своемъ трудѣ, я соберу, говоритъ авторъ, всѣ какъ ранѣе напечатанныя, такъ и вновь собранныя сказки изъ верхнихъ и нижнихъ Лужицъ, такъ что онъ явится полнымъ собраніемъ лужицкихъ сказокъ подъ заглавіемъ «Миѳическія существа лужицкихъ сербовъ». Такимъ образомъ фольклористамъ будутъ доступны всѣ тѣ сказки, которыя почти уже погибли для нихъ въ старинныхъ сербскихъ журналахъ. Сказокъ извѣстныхъ изъ нѣмецкихъ источниковъ не сообщаю въ полномъ видѣ, а въ извлеченіи, указывая на источникъ».

На первомъ мѣстѣ сборника мы находимъ разсказы о кобольдахъ, домовыхъ. Лужицкіе сербы утратили свое національное названіе этого низшаго божества и современное его названіе: kubołcik, kubušcik или kobut, koblik—заимствовано отъ нѣмцевъ (kobold, platt—d. kûbolt.). Кобольдъ. соотвѣтствующій нашему домовому, является въ большинствѣ случаевъ божествомъ добрымъ, готовымъ помочь крестьянину въ его домашнихъ дѣлахъ. Отчасти его функціи сходны съ функціями лѣсоваго—онъ помогаетъ пастухамъ въ ихъ работѣ: бережетъ скотъ, моетъ, чиститъ его, такъ что о хозяинѣ, который славится хорошими конями, говорятъ «on ma kubołcika». Слѣдующее миѳическое существо: zmij или plon по своей дѣятельности схожъ съ кобольдомъ, онъ приноситъ своимъ хозяевамъ деньги, хлѣбъ и т. д., увеличивая ихъ благосостояніе и обладаетъ способностью превращаться въ различные предметы. Затѣмъ приводится рядъ разсказовъ о «božym sedlesku» — которое является иногда ввидѣ хорошенькаго маленькаго ребенка (ср. «Живая Стар.» 1891 г., II, стр. 57, 58). Это загадочное серболужицкое миѳическое существо различные ученые относятъ къ различнымъ такимъ же существамъ у другихъ народовъ: Аѳанасьевъ и Срезневскій считаютъ его домовымъ, Machál (въ журн. Zlatá Praha 1885 str. 343) сравниваетъ его съ южно-славянскими виками и русскими — русалками. Наконецъ первая глава заканчивается сказками о карликахъ, которые носятъ у лужицкихъ сербовъ слѣд. названія: lutki luzki и palčiki. Это—маленькіе человѣчки, живущіе подъ землею. Народъ представляетъ себѣ такъ происхожденіе ихъ: lutki—прежніе жители Лужицы, населявшіе ее до прихода сербовъ, они были язычники. Другое преданіе о

ихъ происхожденіи говоритъ, что они—злые ангелы, черти. Когда они были изгнаны съ неба, то иные упали въ воду и стали водяными, иные же—на землю и сдѣлались lutkami, карликами и блуждающими огоньками (стр. 99). Очевидно послѣднее преданіе образовалось подъ вліяніемъ христіанства.

Вторая глава посвящена рыцарямъ, спящимъ въ горахъ, и различнымъ горнымъ духамъ. Преданія о такихъ существахъ свойственны почти всѣмъ европейскимъ народамъ. Въ третьей главѣ мы находимъ разсказы о различныхъ миѳическихъ существахъ, населяющихъ лѣса; серболужицкій hobr очень схожъ съ нашимъ лѣшимъ или лѣсовымъ; женскія лѣсныя божества сходны также съ нашей бабой—лѣсовихой. Эти существа ведутъ жизнь подобную человѣческой, ссорятся между собою; у нихъ бываютъ дѣти, которыхъ они иногда подкидываютъ человѣку, а человѣческихъ—похищаютъ (стр. 145). Въ слѣдующей—четвертой главѣ мы находимъ сказки о злыдняхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, болѣзняхъ, которые первобытный человѣкъ представлялъ себѣ существами, насылающими на него всякое бѣдствіе. Эпидемія, моръ—также представляются простолюдину страшными существами и до сихъ поръ. Эта глава по своему содержанію является наиболѣе интересной.

Послѣдняя, пятая, глава труда г. Чернаго посвящена разсказамъ о солнцѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, громѣ и пр. предметахъ и явленіяхъ природы, которыя въ сознаніи первобытнаго человѣка получали человѣческій образъ и объясненіе своего существованія. Подобныхъ разсказовъ сохранилось у лужицкихъ сербовъ очень немного. Въ заключеніе авторъ сообщаетъ нѣсколько сказокъ о «лѣсномъ царѣ» или «ночномъ охотникѣ», котораго считаетъ перешедшимъ на славянскую почву отъ сосѣдей, такъ какъ эти миѳическія существа встрѣчаются только у славянъ самыхъ западныхъ и наиболѣе подвергнувшихся иноплеменнымъ вліяніямъ, какъ-то: у лужицкихъ сербовъ, чеховъ и словинцевъ (стр. 233).

Ознакомившись съ содержаніемъ настоящаго перваго тома можемъ сказать, что сказки, помѣщенныя въ немъ гораздо болѣе сходны съ соотвѣтствующими нѣмецкими, нежели съ сказками иныхъ славянскихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ славянскихъ низшихъ божествъ даже утратили свое мѣстное имя, какъ напр. домовой (kobold), о чемъ уже было выше упомянуто. Пожелаемъ автору дойти до конца въ задуманномъ имъ предпріятія, которое будетъ весьма полезно для всякаго, занимающагося фольклоромъ.

Вл. Перетцъ.

Лопаревъ Х. М. Слово о святомъ „патріархѣ Ѳеостирикть». Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ (Памятники древней письменности, XCIV). Спб. 1893 г.

Уже изстари русскіе люди обращали свое вниманіе на то, что нѣкоторые святые (Касіанъ Римлянинъ, Ѳеостириктъ Пелекитскій и Іоаннъ-Варсонофій), день памяти которыхъ приходится на 29-е февраля, чествуются только черезъ три года на четвертый. Объясненіе этому обыкновенно подыскивается въ обстоятельствахъ жизни самихъ святыхъ. Такія объясненія находимъ мы въ разсказѣ о Касіанѣ, не пожелавшемъ помочь мужику стащить возъ дровъ и въ изданномъ г-мъ Лопаревымъ словѣ о патріархѣ Ѳеостириктѣ, который не хотѣлъ и трехъ шаговъ сдѣлать на помощь утопающимъ.

Тексту слова издатель предпослалъ предисловіе, на которомъ мы нѣсколько и остановимся. Трудно согласиться съ г-мъ Лопаревымъ, что слово о Ѳеостириктѣ и по своему внѣшнему содержанію и по нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ весьма близко соприкасается съ извѣстной повѣстью объ Акирѣ мудромъ. Правда, въ слово о Ѳеостириктѣ вставлено «чудо св. Николы и Синагрипи цари», но и оно, вопреки мнѣнію г-на Лопарева, вовсе не повліяло на содержаніе слова. Еще труднѣе согласиться съ издателемъ слова, что чудо «о Агрикѣ и о сыну его Васильѣ» находится въ связи съ повѣстью о Синагрипѣ (или вѣрнѣе съ чудомъ св. Николы и Синагрита царя») и представляетъ продолженіе ея. Переходъ «Синагрипа» въ «Агрика» совершенно невѣроятенъ.

Г-нъ Лопаревъ не избѣжалъ и противорѣчій въ своемъ предисловіи. Такъ, легенду о Касіанѣ онъ то считаетъ не самобытнымъ созданіемъ русскаго творчества, то находитъ, что она носитъ всѣ особенности чисто русскаго творчества. Затѣмъ Ѳеостириктъ сперва представляется издателю мудрымъ и философомъ, подобно Акиру; нѣсколько страницъ спустя, мудрость его кажется г-ну Лопареву довольно суетной. Въ заключеніе укажемъ, что эпизодъ о жабахъ находимъ въ апокрифическомъ «Сказаніи о Псалтири, како написася Давидомъ царемъ». (Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о вѣтхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 242). *Н. Т.*

Н. Ѳ. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1893 г.

Легенда о грѣшной матери, вообще весьма распространенная по всей Европѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенно излюблена, и въ томъ числѣ въ Болгаріи и Малороссіи. Проф. Сумцовъ разсмотрѣлъ въ своей статьѣ малорусскіе, великорусскіе, бѣлорусскіе, болгарскіе, сербскіе, польскій, моравскій, литовскій, черемисскій, итальянскій и корсиканскій варіанты этой легенды. Далѣе имъ указаны своеобразные варіанты въ одной нѣмецкой рукописи XV в. и въ Великомъ Зерцалѣ. Вопросъ о происхожденіи легенды о грѣшной матери еще далеко не разрѣшенъ, но во всякомъ случаѣ она восходитъ къ значительной древности, такъ какъ сродныя черты находятся во французскомъ романѣ XII вѣка. Huon de Bordeaux и въ еще болѣе старомъ памятникѣ, въ «Путешествіи святаго Брандана. Можно предполагать, что въ XI в. легенда эта уже была извѣстна въ разныхъ варіантахъ. Въ заключеніе авторъ указываетъ слѣдующіе мотивы, изъ которыхъ сложилась легенда о грѣшной матери: 1) Дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ; дѣйствующія лица—грѣшная мать и ея добродѣтельный сынъ. 2) Сыномъ въ большинствѣ варіантовъ оказывается св. Петръ. 3) Постоянно упоминается только одинъ грѣхъ—скупость, на которомъ и построено содержаніе легенды. Перечисленіе остальныхъ грѣховъ—не существенная часть легенды. 4) Попытка сына вывести мать изъ ада не удается. 5) Средство спасенія—какой-нибудь самый незначительный предметъ, поданный матерью нищему, напр. головка лука, листикъ порея. *Н. Т.*

Н. Ѳ. Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебницѣ. (Изъ XIII—XIV кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»). М. 1892.

Признавая сказочную демонологическую основу былинъ о Добрынѣ и Маринѣ, только не средневѣковую, какъ предположилъ Халанскій, а греческую, проф. Сумцовъ отыскиваетъ эту основу. По мнѣнію автора былины о Добрынѣ и Маринѣ представляютъ сѣверно-русскую передѣлку сказки о женѣ волшебницѣ. Кромѣ русскихъ варіантовъ этой сказки проф. Сумцовъ приводитъ еще цѣлый рядъ инородныхъ варіантовъ (польскій хорутанскій, кабардинскій, осетинскій, чеченскій, вотяцкій, монгольскій). Мотивъ о женѣ-волшебницѣ мы находимъ еще въ глубокой древности, въ греческихъ сказкахъ о волшебницѣ Цирцеѣ. Далѣе онъ встрѣчается у Гомера, Овидія, Лукіана, Апулея и наконецъ достигаетъ разными путями до славянъ, вотяковъ и монголовъ.— Основнымъ эпизодомъ былинъ о Добрынѣ и Маринѣ надо считать превращеніе Добрыни въ тура, иногда въ собаку или сороку; всѣ остальныя подробности не существенны.

Туръ можетъ до нѣкоторой степени служить указаніемъ времени, когда сказка о женѣ-волшебницѣ превратилась въ былину. Проф. Сумцовъ полагаетъ, что это произошло «въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былеваго творчества». Авторъ допускаетъ и другія объясненія сходства древнихъ и новыхъ сказаній о женѣ-волшебницѣ: сказанія эти могли быть вынесены изъ прародины отдѣльными отраслями индо-европейскаго племени и

затѣмъ были разработаны самостоятельно; или же надо допустить значительное вліяніе древнихъ кавказскихъ сказаній на греческую словесность на югѣ и славянскую на сѣверѣ. *Н. Т.*

Е. О. Карскій. Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна 1893.

Брошюра эта можетъ служить дополненіемъ къ вышедшему недавно изслѣдованію проф. Карскаго «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». Въ началѣ послѣ указанія типичныхъ чертъ, свойственныхъ всему русскому языку, находимъ перечисленіе особенностей западно-русскаго нарѣчія. Далѣе авторъ говоритъ о судьбахъ этого нарѣчія, бывшаго въ Литовскомъ государствѣ съ одной стороны языкомъ государственнымъ (до 1696 г.), а съ другой стороны разговорной рѣчью высшаго общества. Съ появленіемъ въ рядахъ высшаго общества польской шляхты западно-русское нарѣчіе начало наполняться элементами польской рѣчи, а затѣмъ и вовсе вытѣсняться польскимъ языкомъ, что вызывало скорбь патріотовъ. Но оно продолжало жить въ среднемъ и низшемъ классахъ, которые вносили въ него элементы народной рѣчи. Сохраненію западно-русскаго нарѣчія способствовало еще то обстоятельство, что вслѣдствіе зарожденія въ Литвѣ разныхъ религіозныхъ сектъ появлялись на народномъ языкѣ переводы книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ, а также разныя догматическія сочиненія. Позже западно-русскій литературный языкъ дѣлается слишкомъ искусственнымъ и не имѣетъ въ себѣ силъ противостоять благозвучному московскому языку.

Затѣмъ авторъ даетъ намъ библіографическій обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для знакомства со старымъ западно-русскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь передъ нами списокъ главныхъ изданій актовъ и граматъ; далѣе перечисляются рукописи и старопечатныя книги до конца XVII в. (изъ болѣе позднихъ упоминаются только важнѣйшія по языку); наконецъ указываются изслѣдованія о бѣлорусскомъ нарѣчіи и сборники, заключающіе въ себѣ произведенія бѣлорусскаго народнаго творчества. *Н. Т.*

Н. Ѳ. Сумцовъ. Современная малорусская этнографія. Часть 1-я (Съ портретомъ А. А. Потебни). Кіевъ 1893.

Книга проф. Сумцова представляетъ отдѣльный оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ». Статьи эти вызваны были появленіемъ III тома «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, гдѣ новѣйшая малорусская этнографія разработана слабо съ пропусками, пополнить которые и желаетъ проф. Сумцовъ. Предѣлы своего обзора авторъ ограничиваетъ временемъ около 12 лѣтъ, начиная съ 1880 г. Въ вышедшемъ выпускѣ находимъ болѣе или менѣе подробные очерки дѣятельности А. А. Потебни, какъ этнографъ мѣстнаго харьковскаго изслѣдователя П. В. Иванова, И. И Манжуры, Я. П. Новицкаго, Д. И. Эварницкаго, М. А. Андріевскаго, галицкаго этнографа Франца Ржегоржа. Статья о каждомъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія, обзоръ трудовъ, причемъ указываются однородные труды другихъ авторовъ, и наконецъ краткую общую оцѣнку. Книга проф. Сумцова является несомнѣнно полезнымъ пособіемъ для лицъ, интересующихся и занимающихся этнографіей, но нельзя не упрекнуть автора за ту небрежность, которой отличается изложеніе. *Н. Т.*

Les Cris de Londres au XVII siècle, illustrés de 62 gravures. Préface, notes et bibliographie des principaux ouvrages sur les cris de Paris par *A. Certeux*. Paris. 1893. Chamuel, éditeur, 29, rue de Trévise. 183 стр.

Выше озаглавленная книга неизвѣстнаго англійскаго автора, изданная на англійскомъ и французскомъ языкахъ извѣстнымъ французскимъ фольклористомъ А. Серте, была принята заграничными традиціонистами съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что

она является какъ-бы дополненіемъ къ изданнымъ въ 1887 году Викторомъ Фурнелемъ «Les Cris de Paris». Каждый кликъ сопровождается анонимнымъ авторомъ эпиграммою и гравюрою. Первый кликъ относится къ точильщику ножей, бритвъ ножницъ, типу весьма извѣстному и у насъ въ Петербургѣ.

Diddle, diddle, diddle Dumpling, O! hot, hot—вотъ для хорошихъ ребятъ! Кажется, награда одинаковая во всѣхъ странахъ для молодежи. Шустраго еврея, конечно, не обойти—тамъ, какъ у насъ, онъ цѣнитъ торговлю старымъ платьемъ и разнымъ тряпьемъ: Old Clothes to sell? Any shoes, hats or old clothes? И въ Парижѣ, говоритъ г. Серте, евреи очень цѣнятъ это занятіе: marrrchand d'habits, galons, vieux chapeaux à vendre? Voilà l'marrrchand d'habits!... chand d'habits! Анонимный англійскій авторъ этого «торговца платьями» называетъ «a dirty son of Israel's race», который беретъ наживы «at least for cent per cent».

Есть и люди, занимающіеся спеціально починкой раздувальныхъ мѣховъ; они слишкомъ любятъ пиво; въ эпиграммѣ ему предсказывается чахотка, уничтожающая легкіе, эти настоящіе «life's bellows».

Относительно продавца древеснаго угля говорится весьма справедливо, что деньги проходятъ одинаково черезъ чистыя и черезъ грязныя руки.

Продавецъ устрицъ отвѣчаетъ за нхъ доброкачественность въ тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ букву «R»; въ другіе-же мѣсяца онъ «suppose they are naughty». По сообщенію г. А. Серте во Франціи также думаютъ, что отъ мая до августа устрицы не хороши.

Этимъ ограничимся. Замѣтимъ только, что въ общемъ эпиграммы къ «Les Cris de Londres» намъ говорятъ, что лондонскій уличный продавецъ любитъ чрезмѣрно выпить—это почти самая главная ихъ черта.

Парижскіе клики, говоритъ г. Серте, вслѣдствіе стѣснительныхъ полицейскихъ правилъ для marchands des quâtre saisons, начинаютъ исчезать, о чемъ жалѣютъ всѣ желающіе сохранить Парижу его прежнюю веселую и разнообразную физіономію.

Весьма интересно также, что говоритъ г. Серте о впечатлѣніи парижскихъ «Cris» на нѣкоторыхъ извѣстныхъ композиторовъ. Оказывается, что Галеви воспользовался для четырехъ первыхъ тактовъ своей большой аріи «Quand paraitra la belle aurore» извѣстнымъ всему Парижу кликомъ продавцовъ спаржи: «Bell' bott d'asperges». Клики de la Halle (парижской сѣнной) внушили Обэру большой хоръ «La muette» и Мейерберъ, по мнѣнію Виктора Фурнеля, безъ сомнѣнія не одинъ разъ прислушивался къ разнообразному шуму оглушительныхъ криковъ парижскихъ уличныхъ продавцовъ.

Въ Парижѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ изслѣдуется и записывается городской фольклоръ извѣстными французскими традиціонистами Полемъ Себильо, А. Серте и Ж. Тьерсо. Записываютъ они по кварталамъ не только клики, но вообще всѣ ими замѣченныя подробности, что̀ должно дать живую картину парижской уличной жизни.

Г. А. Виссендорфъ.

И. Созоновичъ. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской. Варшава, 1893 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ блестящій очеркъ Психари «La ballade de Lénore en Grèce» (въ Rev. de l'hist des Religions 1884), вызванный статьею Вольнера—«Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie» (въ Архивѣ Ягича, 1882) привлекъ общее вниманіе интересующихся народною словесностью къ загадочной исторіи фантастическаго сюжета, который Бюргеръ увѣковѣчилъ въ своей балладѣ, дважды вдохновившей Жуковскаго («Людмила» въ 1808 г., «Ленора», въ 1829 г.). На статью Психари откликнулись — г. Политисъ и у насъ—пр. А. Н. Веселовскій и Деступисъ (см. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1885 и 1886 гг.). За симъ появилось еще нѣ-

сколько небольшихъ статей о томъ же предметѣ, въ числѣ ихъ и брошюра г. Сазоновича («Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ», 1890 г.), который въ настоящее время издалъ цѣлую книгу подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Принимаясь за свободное изложеніе исторіи различныхъ обработокъ даннаго сюжета у разныхъ народовъ, авторъ предпослалъ своему труду весьма обстоятельный очеркъ «литературы о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ» (стр. 9—17), затѣмъ подтвердилъ рядомъ примѣровъ древность и общность вѣрованій въ возможность возвращенія мертвыхъ, отмѣчая, что эта «вѣра, еще до сихъ поръ распространенная въ народѣ почти повсемѣстно въ Европѣ и выражающаяся въ разныхъ обычаяхъ, смыслъ которыхъ иной разъ непонятенъ уже и самому народу» (стр. 18). Между прочимъ авторъ предполагаетъ отголосокъ такихъ вѣрованій и въ великорусскихъ причитаніяхъ. «Возвращеніе на землю мертвеца, говоритъ онъ (стр. 62), служитъ темою не только сказки или пѣсни, но также и причитанія, выливающагося непосредственно изъ сердца, пораженнаго тяжкою утратой. Въ нихъ отражается сердечное отношеніе къ умершимъ, сказывается искреннее желаніе видѣть возвратъ ихъ и до извѣстной степени проскальзываетъ надежда на возможность этого». Возможность возвращенія умершихъ дѣйствительно указана въ причитаніяхъ, цитуемыхъ г. С—вичемъ, по сборнику Барсова I. 103), вопреки заявленію:

Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не сбывауся
Што мертвый съ могилы возвращауся,

но подсказана она вѣрою въ оборотней, чтб нужно было отмѣтить. (Хоть къ крылечку приди *добрымъ молодцемъ*, хоть незнамой *калекой перехожей*, хоть *купцомъ* приди московскимъ, *не убоюсь*—выду»: въ другомъ вар.: «хотя съ чиста поля явись *яснымъ соколомъ*, со темныхъ лѣсовъ явись *сизымъ голубемъ*, хоть съ глубокихъ озеръ *сѣрой утушкой*). Вѣра въ оборотничество, какъ отголосокъ древне-языческихъ воззрѣній, должна была подвергаться осужденію, вслѣдствіе чего, быть можетъ, въ причитаніе вставлены были вышеприведенные вирши, которыя мы во всякомъ случаѣ склонны признать позднѣйшей интерполяціей, подъ вліяніемъ ученія церкви, а не выраженіемъ «разочарованія, навѣяннаго безутѣшною тоской», не выраженіемъ «позднѣйшаго скептицизма» (64). Едвали не слишкомъ категорично заявленіе автора, что вѣра въ общеніе между мертвыми и живыми лежитъ въ основѣ самихъ причитаній, разсчитанныхъ на то, что мертвый и въ могилѣ услышитъ призывъ оставшихся родныхъ и отзовется на него, могла вызвать эту вѣру.

Во всякомъ случаѣ слѣдующая глава книги г. С—вича, въ которой разсматриваются повѣрія о томъ, что «слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ» (67—85) указываетъ на рядъ воззрѣній, которыя должны были бы парализовать развитіе причитаній, являясь ихъ осужденіемъ. Эта двойственность—характерный признакъ двухъ различныхъ міросозерцаній, а слѣдовательно и двухъ разныхъ лит. теченій, на который авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія. «Плачи и причитанія, говоритъ онъ, несомнѣнно восходятъ къ глубокой древности, но потребность плача, вытекающая изъ чувства любви и нравственной привязанности (слѣдовательно—не только въ силу вѣры, что мертвые и въ могилѣ услышатъ призывъ, какъ авторомъ было в. предположено) встрѣчается съ народнымъ вѣрованіемъ, идущимъ также изъ незапамятныхъ временъ, по которому мертвыхъ не слѣдуетъ оплакивать. Такое воззрѣніе существовало у славянъ, воспоминаніе о немъ сохранилось еще и до-нынѣ у малороссовъ и т. д. (72). Для доказательства «незапамятности времени» этого воззрѣнія, противорѣчащаго первому, приведены ссылки на древне-персидскія, древне-греческія, древне-индійскія религіозныя представленія и нѣкоторыя указаніяклассическихъ авторовъ на повѣрія о безсмертіи души у варварскихъ народовъ. Древность даннаго представленія не подлежитъ сомнѣнію, но распространеніе его въ средѣ ново-европейскихъ народностей представляется, быть можетъ, явленіемъ позднѣйшимъ, результатомъ литературнаго общенія востока и запада. Ссылки автора на «Миѳологію» Я. Гримма и на извѣстный трудъ А. Котляревскаго—«Погребальные обычаи у славянъ» не доказательны,

ибо за послѣднее время по данному вопросу собрано не мало новыхъ фактовъ, которые, правда, не рѣшаютъ вопроса, но представляютъ его въ иномъ освѣщеніи.

Послѣ этихъ двухъ вводныхъ главъ, въ которыхъ собраны свѣдѣнія объ условіяхъ, содѣйствующихъ распространенію сюжета «Леноры» въ народномъ преданіи, изъ котораго и Бюргеръ его заимствовалъ, авторъ обращается къ разсмотрѣнію: 1) пѣсенъ и сказокъ о женихѣ-мертвецѣ и 2) пѣсонъ о братѣ-мертвецѣ.

Вопреки мнѣнію предшествовавшихъ изслѣдователей, авторъ отрицаетъ всякую связь между первою и второю группами сказаній, которыя, по заявленію г. Сазоновича, «не связаны между собою ни внѣшними, ни внутренними узами генетической зависимости (стр. VI предисл. и дал.

Первую группу сказаній (о женихѣ-мертвецѣ) авторъ возводитъ къ «ея классическому первоисточнику, къ разсказу о Протезилаѣ и Лоодоміи, который путемъ сложной литературной переработки проникъ въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до извѣстной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ».

Вторую группу сказаній (о братѣ-мертвецѣ) авторъ признаетъ «самостоятельнымъ и при томъ болѣе позднимъ проявленіемъ поэтическаго творчества, воспроизведшаго въ художественныхъ формахъ описаніе какого-то гибельнаго бѣдствія, поразившаго народное воображеніе». Единственное связующее звено между первой и второй группой произведеній является, по мнѣнію автора, лишь общность воззрѣнія на мертвыхъ, допускающаго возможность возврата послѣднихъ на землю (VI). Таковы общіе выводы автора, который съ фактической стороны, прибавилъ къ матеріалу собранному его предшественниками, нѣсколько версій русской сказки о женихѣ-мертвецѣ, записанныхъ со словъ солдатъ г. Мошковымъ и уже раньше изданныхъ авторомъ въ Русск. Фил. Вѣсти. 1890 и 1892 гг. (см. стр. 2 5 прим.). Выводы свои авторъ считаетъ лишь «наиболѣе вѣроятными», дѣлая при этомъ оговорку, что доказать ихъ съ наглядной несомнѣнностью... въ данномъ случаѣ невозможно по характеру самого матеріала, составляющаго содержаніе народной авторомъ поэзіи». Оговорка эта, къ сожалѣнію, вполнѣ умѣстна, хотя и звучитъ печальнымъ аккордомъ финала на послѣдней страницѣ книги (233), въ началѣ которой авторъ заявилъ, что, издавая настоящее изслѣдованіе, онъ осуществляетъ намѣреніе, задуманное имъ семь лѣтъ тому назадъ (пред. стр. 1). Не разбирая по существу аргументовъ автора, ограничимся замѣчаніемъ, что первый выводъ его основывается на гипотезѣ Бугге объ отголоскахъ классическихъ преданій въ скандинавскомъ сборникѣ пѣсенъ, обыкновенно именуемомъ «стихотворной Эддой» (г. С—вичъ напрасно повторяетъ ошибочный переводъ слова Эдды—«прабабушка» (92) и могъ бы знать, что этотъ терминъ приданъ сборнику лишь въ XVII вѣкѣ), въ частности—о воздѣйствіи греческаго миѳа, о Протезилаѣ и Лаодаміи на пѣсни о Гельги и Сигрунѣ. Къ этой гипотезѣ г. С—вичъ присоединяетъ другую, что скандинавская сага послужила источникомъ предполагаемой нѣмецкой пѣсни, которая «возникла въ средѣ нѣмецкихъ миннезингеровъ; подъ ихъ воздѣйствіемъ данное произведеніе отлилось въ извѣстную литературную форму, при этомъ стихотворную, а затѣмъ уже, опустившись въ чисто народную среду, разложилось въ сказку и т. д. (118). Авторъ пытается «реконструировать» эту предполагаемую старонѣмецкую пѣсню, которая стоитъ съ одной стороны между скандинавскою сагою, ея отраженіями въ балладахъ: шведской, датской, англійской и въ сказкѣ цыганской, а съ другой между—позднѣйшими пересказами этой пѣсни, отъ которой остался лишь стихотворный діалогъ (123).

Славяне (и по всей-де вѣроятности западные) заимствовали у нѣмцевъ первоначальный разсказъ, но осложнили его прибавленіемъ страшнаго конца.

Вообще, авторъ, какъ указано, считаетъ нѣмецкіе (и голландскіе) варіанты даннаго мотива «ядромъ, отъ котораго пошли съ одной стороны западные, съ другой восточные варіанты (109)». Построеніе это представляется намъ слишкомъ гипотетичнымъ и, не оспаривая возможности воздѣйствія классическаго преданія на сложеніе даннаго сюжета въ ново-европейскомъ народномъ преданіи, мы затрудняемся признать вмѣстѣ съ авторомъ пѣснь Эдды и ея предполагаемую передѣлку нѣмецкими миннезин-

герами (?) исключительнымъ источникомъ романскихъ, кельтскихъ и славянскихъ версій и варіантовъ.

Затрудняемся признать и второй выводъ автора, ибо объясненіе, что въ Сербіи(ибо въ ней авторъ признаетъ первоначальную родину пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ) случилась когда-нибудь» чума или опустошительная моровая язва, похитившая у матери всѣхъ ея сыновей..., что народное воображеніе, пораженное величіемъ бѣдствія, сгруппировало отдѣльные моменты такого несчастія въ одну общую картину... создало поэтическое произведеніе, исполненное художественной красоты и т. д. и т. д.». Такія фразы врядъ ли кого убѣдятъ. Обратный переходъ сюжета отъ славянъ къ грекамъ конечно возможенъ (замѣчаніе автора о κουκουβάγια= кухавица остроумно, стр. 221), но вѣроятная связь пѣсенъ о братѣ-мертвецѣ, съ преданіями о женихѣ-мертвецѣ нисколько не опровергнута авторомъ, который ограничивается голословнымъ отрицаніемъ ея. Во всякомъ случаѣ его—объясненіе, какъ сюжетъ могъ возникнуть самостоятельно, столь же гипотетично, какъ и мнѣніе другихъ изслѣдователей, настаивающихъ на общности темы. Г. С—вичъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ можетъ получить окончательное рѣшеніе только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть дѣло съ литературными произведеніями, закрѣпленными письмомъ. Быть-можетъ, со временемъ такіе памятники, освѣщающіе исторію даннаго сюжета, и найдутся въ средневѣковой письменности, въ которую авторъ какъ то неохотно заглядываетъ, а до тѣхъ поръ вопросъ все-таки приходится считать открытымъ. *Пр. Д*

Списокъ печатныхъ трудовъ Довконта.

Матеріалы для біографіи Довконта.

Довконтъ Симеонъ Георгіевичъ коллежскій ассесоръ, магистръ философскихъ наукъ родился 28 октября 1793 года, умеръ 24 ноября 1864 г. въ Попелянахъ. Симеонъ Георгіевичъ происходилъ отъ дворянъ, родился въ Кальвяхъ, прежде въ Шкудскомъ, теперь въ Ленкинскомъ приходѣ Тельшевскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ Кальварійскомъ шестиклассномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, и окончилъ курсъ наукъ со званіемъ кандидата. Въ Дерптскомъ университетѣ признанъ магистромъ философскихъ наукъ. Точныхъ свѣдѣній пока не имѣемъ, когда поступилъ въ университетъ и когда окончилъ курсъ наукъ; но извѣстно, что въ 1820 г. Довконтъ со своимъ товарищемъ Ясюкевичемъ вмѣстѣ получили денежную награду сто рублей, какъ лучшіе ученики университета, и это вѣроятно при выпускѣ (Dzienn. Wileń. 1820. II str. 477). Извѣстно, что Довконтъ путешествовалъ, былъ въ Германіи, Англіи и д., но не извѣстно въ точности, въ которомъ году или сколько лѣтъ путешествовалъ. Въ 1825 г. поступилъ на службу переводчикомъ при канцеляріи Рижскаго Генералъ-губернатора, а съ 31 декабря 1831 г. числился на государственной службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1-мъ Отдѣленіи 3-го Департамента помощникомъ метриканта (при Литовской метрикѣ), и эту должность исполнялъ до 1851 г. Послѣ 1851 г. не находимъ Довконта въ сенатскомъ адрескалендарѣ; слѣдовательно, оставивъ государственную службу, переселился на родину, чтобы посвятить остальные годы жизни народной литературной дѣятельности. И дѣйствительно, по совѣту епископа Волончевскаго, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ворняхъ, но когда ихъ мнѣнія стали расходиться, то Довконтъ оставилъ Ворни, а впослѣдствіи поселился у своего друга кс. Войшвиллы въ Попелянахъ Шавельскаго уѣзда, гдѣ и умеръ.

Не стану разсказывать подробностей о жизни С. Г. Довконта, такъ какъ Э. А. Вольтеръ далъ обстоятельную біографію его въ Mitteilaft Lit. Lit. Gesellschungen III p. 260 и энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, г. Довойна Сильвестровичъ въ латышск. энциклоп. словарѣ „Konwezsaries Wahrdnize“ и Шлюпасъ въ соч. „Lietuviszkieji rasztai ir rasztinikai“ Литовская письменность и писатели; но постараюсь сообщить библіографическія свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Довконта, какіе намъ извѣстны до сихъ поръ.

Первымъ сочиненіемъ Довконта на литовскомъ языкѣ считается: Prasma łotinu kałbos parasze K. W. Myle. Понятія латинскаго языка съ псевдонимомъ Мюле. СПБ. 1837 г. 8°. Въ краткомъ предисловіи къ этому учебнику говоритъ: всякому образованному человѣку необходимо знать латинскій языкъ, особенно людямъ занимающимся какою либо наукою, также и священникамъ.

2) Abecieła Lietuwin Kalnienu ir Žiamajtiu kalbos torinti sawiep. Małdas, tikibos istatimus, dorybes pamokslus, mistrantura, pasakas, patarles, senosès ir nanioses Gudu rodbalses... Petropil. 1842. Азбука Литовцевъ верхнихъ и нижнихъ или языка жамайтовъ, заключающая въ себѣ: Молитвы, основы вѣры, нравственныя поученія, сказки, пословицы, русскую и церковнославянскую азбуку и т. д. Эта книжка замѣчательна тѣмъ, что въ предисловіи къ азбукѣ на 6 страницахъ учитъ какъ произносить буквы или звуки, и тѣмъ, что помѣщена русская и церковнославянская азбука съ молитвами и нравоученіями на русскомъ языкѣ. Довконтъ желалъ, чтобы литовскія дѣти учились русской азбукѣ и русскому языку.

3) Buda senowes Lêtuwin-Kalnienu ir Žamajtiu iszrasze pagal senowes rasztu Iokubas Laukys Petropile 1845. 8°. Бытъ древнихъ литовцевъ верхнихъ и жамайтовъ или нижнихъ литовцевъ описалъ по древнимъ сочиненіямъ Яковъ Лаукисъ, псевдонимъ Довконта. СПБ. 1845. 8°. 9, 14, 252 и 4 стр... Это сочиненіе напечатано вторымъ изданіемъ въ Америкѣ редакціею литовской газеты „Vienybe Lietuviniku" въ 1892 г.

4) Dajnos Žamajtiu pagal žodiu dajninikû iszraszytos. Pirmas pedelis. Petropileje 1846. 8° Дайны или пѣсни Жамайтовъ со словъ пѣсенниковъ списаны. Выпускъ первый. СПБ. 1846 г. 8°. Съ посвященіемъ графинѣ Шукшта урожденной гр. Гадонъ.

5) Giwatas didiuju karwediu senowês surasze lotiniszkai Kornelis Nepos' Iszgulde isz łotiniszkos į lietuwiszka kałba del jaunumenes naudos (Dawkontas), o apskelbe Ksaweras Konopackis. Pet·op. 1846. 8° 12° 12 и 250 стр. Жизнеописанія древнихъ великихъ полководцевъ написалъ по латини Корнелій Непотъ. Съ латинскаго на литовскій языкъ перевелъ Довконтъ издалъ Ксаверій Конопацкій. СПБ. 1846. 12°.

6)Pasakos Phedro iszgulde isz łotiniuszkos kałbos i žamaitiszka Motiejus Szauklis o apokelbe Ksaweras Konopackis, Petropile. 1846 8° 60. Басни Федра перевелъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ Матвѣй Шауклисъ, издалъ Ксаверій Конопацкій. СПБ. 1846. 8° 60 стр. Шауклисъ тоже псевдонимъ Довконта.

7) Parodimas kaip apinius auginti pagal naujuju pritirimu, kurius apskelbe teutoniszkaj B. A. Grunards, o iszgulde i Žemajtiu kalba Jonas Ragaunis. Petropilei 1847. 8°. Наставленіе, какъ разводить хмѣль по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя опубликовалъ по нѣмецки Б. А. Грунардъ, а перевелъ на жамойтскій языкъ Иванъ Рагаунисъ. Въ концѣ брошюры напечатано нѣсколько литовскихъ пословицъ. Эта брошура имѣется у Э. А. Вольтера.

8) Pamokimas ape auginima taboka, kuri iszrasze gudiszkai D. Strukow, o i Žiamaitu kalba iszgulde Jonas Girdenis. Petropil. 1847. 8°. Поученіе о разведеніи табаку, которое сочинилъ Д. Струковъ, а на жамойтскій языкъ перевелъ Иванъ Гирденисъ, псевд. Довконта, имѣется у Э. А. Вольтера.

9) Naudinga bitiu kngele, tey yra ajszkus pamokimas, kaip par iszmintinga bitiu kawojima gal daug naudos nusipelnyti wissims bitteles mylintims ant géro paraszyta par G. D. Settegast. Petropilei 1848. 12° у Э. А. Вольтера. Полезная книжка о пчелахъ, т. е. ясное поученіе какъ посредствомъ разумнаго пчеловодства возможно много имѣть пользы, для всѣхъ любящихъ пчелъ составилъ Г. Д. Зетегастъ. СПБ. 1848. 8° 108 стр. Кажется, что эта книжка не есть переводъ Довконта на литовскій языкъ; но онъ вѣроятно исправилъ старый переводъ, не извѣстно кѣмъ изданный въ Кенигсбергѣ въ 1801 году для Прусскихъ литовцевъ, и переиздалъ въ Петербургѣ въ 1848 г. Потому и числится въ спискѣ его изданій.

10) Pamoksłas ape sodnus arba dajginus wajsingu mediu iszraszyta nu Ioan Herman Zigra iszgulde isz teutonu kalbos i Zamajtiû Antous Zejmys, Apskelbe Ksaweras Konopackis. Petropilie. 1849. 8°. Поученіе о садахъ или о питомникахъ пло-

довыхъ деревьевъ соч. Іоган. Герм. Цигра, перевелъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ Антонъ Жейнисъ, изд. Ксаверій Конопатскій.

11) Pamokima kaip rinkti medines sieklas pargulde isz Gudu kalbos i Žemaitiu kałba Jonas Purvys Petropilie. 1849. 8°. Поученіе какъ собирать лѣсныя сѣмена, перевелъ съ русскаго на жамойтскій языкъ Иванъ Пурвисъ, псевдонимъ Довконта.

12) Ugnies knigele arba trumpa pamokima kas žmonems wertajtai daryti pułos pirm ugnes Iszrasze I. Wangys ir apskelbe m. 1802 o dabar antra atwcji apskelbe Antanas Wajnejkis. Petropilie. 1849 .8° 78 стр. Книжка огня или краткое наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать, пока нѣтъ пожара или чтобы не случился пожаръ. Соч. И. Вангисъ и изд. въ 1802 г. а теперь второй разъ изд. Антонъ Вайнейкисъ. СПБ. 1894. 8°. Въ предисловіи этой книжки говоритъ Дов.:онтъ такъ: „нашелъ полезную книжку изданную Прусскимъ Правительствомъ для народа въ 1802 (въ Кенигсбергѣ), которую исправивъ по выговору или нарѣчію моей родины издаю вторымъ изданіемъ и желаю, чтобы воспользовались этими наставленіями"... Слѣдовательно Довконтъ здѣсь какъ переиздатель и исправитель уже изданной книжки въ Пруссіи въ 1802 г.

13) Sejamoses paszaro-žoles aprasziа ant naudos Žiamajtiu ukinyku Jonas Warnas. Wilniny. 1854. Посѣвныя кормовыя травы описалъ для пользы жамойскихъ хозяевъ Иванъ Варнасъ, Вильно 1854. 12° 23. Объ этой брошюрѣ Довконтъ въ своемъ спискѣ изданій записалъ своею рукою въ 1857 г. 1 апрѣля такую замѣтку: «O sianiu lak, tylko Zawadzki poszpecil, bo bez rysunkow; wiȩc nic nic znaczy» т. е. Завадскій испортилъ, ибо безъ рисунковъ, слѣдовательно ничего не стоитъ. Дѣйствительно въ оглавленіи экземпляра имѣющагося въ Имп. Публ. Биб., показаны таблицы рисунковъ, но ихъ нѣтъ при книжкѣ.

14) Epitome historiae sacrae a C. F. Lhomond in Universitate Parisiensi professore Emerito. 1838. 8° 62 и 7 стр. Два текста: латинскій и литовскій. Несомнѣнно что перевелъ на литовскій языкъ Довконтъ, такъ какъ въ спискѣ его изданій числится. Іорданъ въ библіографической замѣткѣ (N. Preuss. Prov. Blätt 1849 VIII p. 74) сообщаетъ 11 названій литовскихъ книгъ, изъ нихъ 10 Довконта изданій и одно соч. Волончевскаго «Wiskupiste» и говоритъ объ этой книжкѣ, что эта брошюра безъ заглавнаго листа, цензурный пропускъ данъ въ 1838 г., два текста латинскій и литовскій, со словарикомъ на 7 страницахъ. Въ Имп. Публичн. Библіотекѣ имѣется въ богословскомъ отдѣлѣ. Lhomond это извѣстный профессоръ латинскаго языка въ Парижѣ прошлаго столѣтія.

15) Lietuvos istorija nu seniausiu gadynin iki Lublino unijai. Paraszyta Simano Daukanto buvusiojo Vilniaus universiteto philosophios magistra. Plimuth Pa 1893. 8°. Исторія Литвы съ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи. Издано въ Плимутѣ 8° 1893 г. редакціею литовской газеты „Vienybe Liduvniku". Часть I—IV остальныя части печатаются.

16) Pasakojimai apie veikalus Lietuviu tautos senoveje, paraszyti per Simona Daukonta Philosophios magistra, 1850. metuose. 1. iszlaida. Iszleista per I. K. Kauniszki, Bitennai. 1893. 8°. Повѣствованія о дѣяніяхъ литовскаго народа въ древности написанныя С. Довконтомъ въ 1850 г. I выпускъ изд. И. К. Каунишскимъ. Витенахъ 1893, 8° 96 стр. рукопись состоитъ изъ 3-хъ т. въ листъ.

Всѣ эти сочиненія Довконта напечатаны латинскимъ шрифтомъ. Какъ извѣстно, Довконтъ возвратился на родину съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе было сочинять и издавать народныя книги, однако, какъ видно изъ приведеннаго списка его сочиненій и изданій что въ СПБургѣ съ 1837—1851 г. издалъ 13 книгъ, а живя на родинѣ съ 1851 г. по 1864 г. издалъ въ Вильнѣ одну маленькую книжку 12° 23 стр. не смотря на то, что, нѣкоторыя рукописи были приготовлены въ то время, когда онъ жилъ въ СПБургѣ.

Кромѣ печатанныхъ сочиненій С. Г. Довконта много осталось въ рукописяхъ.

1) Pasakojimas apei weikalus Lietuwiu tautos kuri trumpai apraszia Ionas Einars Metuse 1850. 288 листовъ или 576 стр. f. Повѣствованіе о дѣлахъ литовскаго народа въ древности, которое кратко описалъ Иванъ Ейнарсъ въ 1850 г. Надо полагать, что это другая рукопись или другой списокъ съ той рукописи, которая печатается Янкусомъ въ Битенахъ. См. № 16 печат. кн.

2) Palangos Petris. Палангенскій Петръ, повѣсть, подражаніе Кампе. Дозволено цензурою въ 1857 г. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. и изданій говоритъ: «z cenzury wyszło, tego roku będzie wydrukowany». Дозволенъ цензурою, въ этомъ году будетъ напечатанъ. Однако и теперь приходится какъ объ рукописи сообщать.

3) Rubinatio Peluzes giwenimos, iszguldítas isz Teutonu kalbos i žamaitiu pagal 12-to iszdawino Johs Henr. Campe. Жизнь Пелузіанскаго Робинзона. переводъ съ нѣмецкаго на жамойтскій языкъ по 12-му изданію Іог. Генр. Кампе. Эта рукопись незначится въ спискѣ соч. Довконта.

4) Pamokslas kaip gires kirsti, sieti ir dykti diel alwina ukiniko parasze Antanas Dagys 1854. Наставленіе какъ лѣса рубить, садить и сѣять для всякаго хозяина составилъ Антонъ Дагисъ. 43 листа f.

5) Instrukcia del gyrinikistes. Инструкція для лѣсоводства. 104 листа f.

6) Gaspadorius. Хозяинъ, переводъ съ польскаго, составленъ для небольшихъ хозяйствъ. Часть I Земледѣліе.—II Коневодство, скотоводство и скотолѣченіе.—III Садоводство, хмѣлеводство и пчеловодство.

7) Elementorius. Литовская азбука. Довконтъ въ своемъ спискѣ соч. 1857 г. говоритъ, что скоро поступитъ въ цензуру на разсмотрѣніе.

8) Польско-литовскій словарь, состоящій изъ 3-хъ томовъ A по Z 1020 листовъ f. около 72,632 словъ.

9) Lietuwiszkas žodynas pagal žemoitszkos tarmes su paeiszkinimu nekuriu žodziu lotiniszkai. Литовскій словарь жамойтскаго нарѣчія съ поясненіями нѣкоторыхъ словъ по латинск. неполный отъ A до слова gwildus. f.

10) Paveikslai ant gromatu ir dokumentu raszymo. Aritmetika lietuviszkai. Образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Ариѳметика на литовск. языкѣ, полная рукопись. 44 листа f.

11) Lietuwiszki priežodžei. Литовскія пословицы. Довойни-Сильвестровичъ въ своей рукописи говоритъ, что къ этимъ пословицамъ приложена была книжка рукою Довконта писаная, изъ пословицъ составлена, но онъ, Довойна не видалъ такой книжки въ Кивиляхъ.

12) Dainos. Литовскія пѣсни 28 и 248 листовъ 4°.

13) Marguminai: lingwistika, mitologie istorie ir t. t. Разныя выписки по лингвистикѣ, миѳологіи, исторіи и т. д. на литовскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. 130 листовъ f.

14) Kaimines saugtes arba palicijos istatimas, del skarbo walstionu sauliedinese guberniose arba srietesi. Уставъ безопасности или полиціи для казенныхъ крестьянъ западныхъ губерній f.

15) Кое что изъ литовской миѳологіи, Довконта рукою писаная рукопись на польскомъ языкѣ. Заглавіе не точное. Довойна-Сильвестровичъ говоритъ, что эта рукопись находится у врача Роха Шлюпаса.

16) Historya Iustino. Исторія Іустина, переводъ съ латинскаго. 202 лист. f. Въ спискѣ соч. и изданій Довконта записана его же рукою слѣдующая замѣтка: „to już zdaie si zostanie, bo starzeje“. Это кажется останется, ибо старѣетъ.

17) Pasakos Phedro iszgulde isz lotiniszkos kalbos i žamaitiszka Motejus Szauklis. Басни Федра переводъ съ латинскаго на жамойтскій языкъ. Рукопись неполная 26 листовъ f. Басни Федра напечатаны.

18) Buda senowes Lietuwiu ir Zemaicziu. Бытъ древнихъ Литовцевъ и Жамойтовъ 130 лист. f. Тоже напеч.

19) Maldos kataliku pagal Bažniezios s Rimo suraszytos Metuse 1842 Католическія молитвы по Римскому Обряду. 1842 f. Дозволено цензурою 11 Іюля 1847 г. въ Вильнѣ.

Ни чуть не имѣю желанія уменьшить труды и славу нашего маститаго литератора, однако осмѣливаюсь думать, не будутъ ли эти молитвы брата С. Г. Довконта, тоже Довконта монаха доминиканскаго сословія, тогда жившаго въ Кальварійскомъ монастырѣ. И вообще, не смѣю утверждать, что всѣ перечисленныя рукописи дѣйствительно принадлежатъ перу С. Г. Довконта. Для составленія моей записки о рукописяхъ Довконта, пользовался спи-

скомъ рукописей и другихъ матеріаловъ Довконта, составленнымъ М. Довойно-Сильвестровичемъ въ 1892 г. 24 октября въ Кивилахъ. И этотъ списокъ пожертвованъ Литовско-Жамойтскому благотворительному Обществу въ СПБургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что компетентная критика не оставитъ безъ вниманія, какъ печатные, такъ и рукописные труды Симеона Георгіевича Довконта: тогда и личность его выдѣлится болѣе яркими красками изъ среды современниковъ [1]).

С. Балтромайтисъ.

П. Н. Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ 1601—1645 гг. (Оттискъ изъ «Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета». Вып. I, 1893 г.).

Теперь даже имя Мангазеи мы не найдемъ на картахъ, и эта заглохшая часть обширной Сибири ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Но было время, когда здѣсь кипѣла жизнь, когда Мангазея представляла изъ себя золотое дно, гдѣ счастливый охотникъ за пушными звѣрями могъ быстро обогатиться. Въ 1623 г. нѣкто Иванъ Афанасьевъ «угонялъ» здѣсь двухъ черныхъ лисицъ: одну въ 30 рублей, а другую въ 80 рублей. По разсчету проф. Буцинскаго изъ этихъ денегъ Афанасьевъ могъ завести себѣ полное хозяйство (двадцать десятинъ земли, хорошую избу, пять лошадей, десять штукъ рогатаго скота, два десятка овецъ, нѣсколько десятковъ штукъ разной птицы), могъ купить, если имѣлъ на то право, въ Сибирѣ человѣкъ десять рабовъ, и сверхъ того у него оставалось еще въ запасѣ рублей тридцать. Названіе свое эта мѣстность получила отъ одного самоѣдскаго рода, который встрѣчается въ ясачныхъ книгахъ подъ именемъ *Мангазея.* О Мангазеѣ узнали сперва самоѣды, жившіе около устьевъ рѣкъ Печоры и Мезени, а за ними Новгородцы. Въ извѣстномъ сказаніи «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ», которое проф. Анучинъ считаетъ новгородскимъ, и древнѣйшій списокъ котораго относится къ XV в., находимъ указаніе, что «на восточной странѣ за Югорскою землею надъ моремъ живутъ люди самоѣдь, зовомы Могонзѣи». Для точнаго опредѣленія, съ какого времени новгородцы стали проникать въ Мангазею, у насъ нѣтъ данныхъ, но при помощи разныхъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на извѣстной предпріимчивости новгородцевъ, проф. Буцинскій думаетъ, что русскіе люди очень рано узнали Мангазею и стали основывать тамъ городки. Что же касается московскаго правительства, то оно только въ концѣ XVI в. обратило вниманіе на Мангазею: въ 1598 г. царь Ѳедоръ Ивановичъ послалъ Ѳедора Дьякова для провѣдыванія этой страны. Вскорѣ же, въ 1600 г. была снаряжена экспедиція въ Мангазею для подчиненія туземцевъ и для основанія тамъ на рѣкѣ Тазѣ острога. Рядъ неудачъ преслѣдовалъ эту экспедицію: часть изъ судовъ была разбита бурей; провіантъ подмокъ или затонулъ; наконецъ на экспедицію было сдѣлано нападеніе туземцами, за спиной которыхъ стояли русскіе промышленные люди, боявшіеся, чтобы не наступилъ конецъ ихъ вольной торговлѣ въ Мангазеѣ. Наконецъ въ 1601 г. экспедиція добралась до мѣста назначенія и построила Тазовскій городокъ.

Постоянное населеніе города Мангазеи было незначительно (приблизительно до 75 человѣкъ). Это были духовные, подъячіе, толмачи, служилые люди и т. п. Но за то въ Мангазеѣ ежегодно проживало отъ 600 до 1000 торговыхъ и промышленныхъ людей, платившихъ за проживательство по 60 коп. какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Значительное количество изъ нихъ (0,9) были жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній. Уѣздъ Мангазейскій граничилъ съ уѣздами Березовскимъ, Сургутскимъ, Нарымскимъ, Кетскимъ, съ 1619 г. съ Енесейскимъ, а на востокъ территорія его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енесея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Въ уѣздѣ этомъ московская власть распространялась очень быстро, и все большее количество инород-

---

[1]) Въ слѣд. книжкѣ Ж. Ст. будетъ помѣщенъ списокъ рукописей, оставшихся послѣ Довконта. Ред.

цевъ облагалось ясакомъ. Точная цифра ясачнаго инородческаго населенія неизвѣстна, такъ какъ «въ Мангазейскомъ уѣздѣ люди кочевные и не сидячіе, а живутъ, переходя съ мѣста на мѣсто и съ рѣки на рѣку». Изъ древнѣйшей сохранившейся мангазейской ясачной книги 1629 года, мы узнаемъ, что 520 самоѣдовъ принесли въ казну 1333 соболя; 251 остякъ принесли 1200 соболей; тунгусы, скрывавшіе свои имена и число людей въ родѣ, принесли 1690 соболей, т. е. всего было собрано почти 4500 соболей (по московской оцѣнкѣ почти на 5000 р.). Хотя мангазейскіе инородцы платили въ среднемъ по 3 соболя съ человѣка менѣе, чѣмъ инородцы въ другихъ уѣздахъ (вездѣ бралось minimum по 5 соболей, а гдѣ по 10, по 12), но въ общемъ сборъ мягкой рухляди, производившійся въ Мангазейскомъ уѣздѣ, былъ самый значительный изъ всѣхъ мѣстностей Сибири. Сверхъ того въ Мангазеѣ были еще другіе разнообразные доходы, которые можно раздѣлить на три разряда: городовые, чрезвычайные и десятинные. Доходы перваго разряда, денежные, всегда превышали расходы, такъ что оставалось нѣкоторое сбереженіе, постоянно возраставшее (отъ 1625 года—369 руб., отъ 1626 г.—574 руб., отъ 1627 г. 1158 руб.). Особенно доходы увеличивались отъ налоговъ чрезвычайныхъ. Весьма доходною была продажа вина и меду, такъ что въ 1620 году московское правительство рѣшило запретить вольную торговлю виномъ и медомъ и открыло государевъ кабакъ, продавая вино по 15 руб. за ведро, а медъ за ставку 26 алтынъ и 4 деньги, причемъ въ уплату принималась и мягкая рухлядь. Торговые и промышленные люди могли покупать вино и медъ, только послѣ уплаты десятинной пошлины, инородцы послѣ уплаты ясака; служилымъ людямъ ни вина, ни меду продавать не разрѣшалось, чтобы они не пропились. Мангазея принадлежала къ числу «непашенныхъ» городовъ, и хлѣбные запасы привозились сюда изъ другихъ мѣстъ Сибири. Но суда съ хлѣбомъ часто погибали во время плаванія отъ бури, и тогда въ Мангазеѣ начинался голодъ. Поэтому московское правительство желало развить хлѣбопашество въ самомъ Мангазейскомъ уѣздѣ; въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича основана была слобода Дыбчасская, существующая и теперь (Дубенское) Два пути вели въ Мангазею. Съ одной стороны торговые и промышленные люди ѣздили на «кочахъ» (родъ судовъ) отъ Архангельска на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею. Но существовалъ и другой путь, морской, годный для большихъ судовъ, шедшій изъ устьевъ Двины «Колуемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки». Изъ устьевъ же рѣки Зеленой мореплаватели входили въ Тазовскую губу и спускались въ рѣку Тазъ. Но какъ какъ на этотъ морской путь стали обращать вниманіе нѣмцы, то московское правительство изъ боязни, чтобы нѣмцы по слѣдамъ русскихъ моремъ не проникли въ Сибирскіе города, въ 1616 г. запретили и русскимъ поль оваться этой дорогой.

До постройки Тазовскаго острога русскіе и зыряне вели вольную торговлю съ инородцами, свободно торгуя всякимъ товаромъ и не платя ни за что пошлинъ. Уже грамота 1600 г. начинала стѣснять торговыхъ людей: было приказано брать съ нихъ при проходѣ рѣки Мезени десятинную пошлину, и запрещено было возить заповѣдные товары (оружіе, коней). Особенно ощутительны эти стѣсненія стали съ 1601 г. когда съ постройкой Тазовскаго острога явилась на морскомъ пути преграда, которую обойти было трудно. Еще труднѣе стало обойти государевы таможни съ тѣхъ поръ, какъ былъ закрытъ морской путь, а на волокѣ между рѣчками Мутной и Зеленой была поставлена стража изъ служилыхъ людей. Самая важная пошлина была десятинная. Особенно много получалось десятой соболиной пошлины съ промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Такъ въ 1626 г. взято на 14,062 руб. 30 коп., въ 1636 г. на 17,265 руб. 17 коп.; затѣмъ начинается пониженіе, и въ 1646 г. взято только на 5,113 руб. 90 коп. Въ Москвѣ эта рухлядь цѣнилась нѣсколько выше. Что касается всего товара, провозимаго черезъ мангазейскую таможню, то объ этомъ за нѣкоторые годы можно судить по количеству «поживотнаго» (чрезвычайнаго налога, налагаемаго не каждый годъ). Такъ съ 12 іюля по 1-е сентября 1635 г.

ввзята пошлина съ товара, оцѣненнаго въ 565,000 руб., въ 1629 г.—съ товара, оцѣненнаго въ 135,000 руб.

Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича городъ Мангазея сталъ падать. Постепенно начали исчезать («опромышляться») пушные звѣри, главное богатство страны. Открываются новыя мѣста промысловъ—верховья Нижней и Средней Тунгусокъ, и промышленные люди перебираются поближе къ нимъ, въ Туруханское зимовье. Ѣздить отсюда въ Мангазею по разнымъ торговымъ формальностямъ было и трудно и не безопасно, такъ какъ теперь промыслы находились въ странѣ Тунгусовъ, часто нападавшихъ на проѣзжающихъ. Наконецъ, паденію города Мангазеи способствовали и случайныя обстоятельства: голодъ, бывшій въ 1641—1644 гг. по случаю гибели кочъ съ хлѣбомъ; пожаръ 1643 г., истребившій почти весь городъ. Число промышленныхъ и торговыхъ людей, собирающихся въ это время въ Мангазею, уменьшается до 150 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начали переводиться пушные звѣри, городъ Мангазея оказался не на мѣстѣ. Онъ могъ бы еще существовать, если бы былъ свободенъ морской путь, который былъ скорѣе и безопаснѣе установленнаго правительствомъ, т. е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Тогда торговые и промышленные люди не могли бы миновать городъ Мангазею.

Однако московское правительство сохраняло этотъ городъ до 1672 года, когда онъ былъ перенесенъ къ устью Турухана.

Н. Туниковъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Представленія кореляковъ о нечистой силѣ.

Вѣра въ нечистую силу или, по мѣстному названію, «Паhа, Паhалайнэ, кеhно и кару»—сильно развита въ кореляке. По его мнѣнію, все рѣшительно на свѣтѣ заселено «Паhа» и его служителями: они живутъ и въ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, лѣсахъ, домахъ, дворахъ, баняхъ, ригахъ, и кажется, нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ. «Когда Богъ дѣлалъ («азуй», слова для обозначенія понятія «творить» у кореляковъ нѣтъ) землю», случилось мнѣ выслушать отъ одного кореляка такой разсказъ, то «паhалайнэ» всячески старался мѣшать Ему въ этомъ дѣлѣ: одно испортитъ, другое сломаетъ... Но Богу, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, удалось таки окончить, «дѣланіе» (азундэ) міра. Отдѣлалъ Онъ землю и вспомнилъ тогда всѣ продѣлки «паhалайнэ», и задумалъ прогнать его со свѣту... Иди, куда знаешь, говорилъ ему Богъ, только не живи на моемъ небѣ и на сдѣланной мною землѣ, выходи вонъ: я никогда не могу забыть всѣхъ твоихъ козней и простить ихъ тебѣ... Взмолился тогда «паhалайнэ», взвылъ дикимъ голосомъ, упалъ передъ Богомъ на колѣни и сталъ всякими ласковыми словами упрашивать Его, чтобы Тотъ позволилъ ему хоть гдѣ-нибудь «приткнуть голову» (піä сÿдäйтä).—«Куда же я пойду, говорилъ онъ Богу. Съ неба Ты гонишь меня, на землю жить не пускаешь, куда же больше идти? —Иди, куда знаешь, говорилъ непреклонный Богъ... Долго «паhалайнэ» упрашивалъ Бога, наконецъ, Тотъ не выдержалъ, смилостивился и согласился дать мѣсто, только въ самомъ ограниченномъ объемѣ;—«Даю тебѣ мѣста на землѣ столько, сколько займетъ конецъ кола».—Спасибо и на томъ, отвѣчалъ «паhалайнэ», и выбралъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ самый, что ни на есть, длиннѣйшій колъ, заострилъ его съ конца и забилъ въ рыхлую, болотистую почву. Весь колъ ушолъ въ землю, только небольшой кончикъ его остался надъ поверхностью».

— А перехитрилъ же ты меня, говоритъ Богъ «паhалайнэ»; я думалъ, что ты колъ просто поставишь на землю и отмѣряешь себѣ кусочекъ, какой займетъ конецъ его; а ты вотъ какъ это сдѣлалъ... Ну, да теперь ничего не подѣлаешь, слово далъ, отъ слова не отказываюсь.

Вытащилъ «паhалайнэ» колъ изъ земли, и пошла изъ дыры всякая нечисть въ образѣ мухъ, комаровъ, гадовъ, лягушекъ, пауковъ... и вся эта гадость разсыпалась по землѣ. Часть пошла въ воду—въ озера, рѣки и «ламбы» (небольшія лѣсныя озерки)—и явились водянники; другіе пошли въ лѣса—и произошли лѣсовики; иные пошли по домамъ, дворамъ, ригамъ и банямъ и явились домовые, дворовые, баянники, а часть—такъ таки и разсѣялась въ воздухѣ... И чтобы и было, если бы Богъ не заткнулъ этой дыры горящей головней!? Вотъ съ тѣхъ поръ, заключилъ мой разсказчикъ свое повѣствованіе, и живетъ на землѣ нечистая сила».

Увѣренность кореляка въ повсемѣстности «паһа» такъ сильна, что рѣдкій изъ нихъ осмѣлится утромъ выйти изъ дому, не принявъ ранѣе нѣкоторыхъ средствъ, застраховывающихъ отъ дѣйствій этого нечистаго духа.

«Зачѣмъ ты, Пекко, спрашиваю я одного кореляка, который, какъ только утромъ всталъ, прежде всего полѣзъ къ корзинѣ съ мукой и взялъ пясть ея и съѣлъ,—зачѣмъ ты утромъ прежде всего муку ѣшь? Привычка что ли у тебя такая? —А какъ же безъ этого?.. возразилъ Пекко, какъ безъ «пюһäллядъ» («пюһäлле»—святое,—такъ кореляки называютъ все, приготовленное изъ муки) выйдешь на улицу? Какъ разъ, глядишь, «паһалайнэ» и напуститъ на тебя что-нибудь недоброе...

И дѣйствительно, часто таки «паһалайнэ» «напускаетъ» на суевѣрнаго кореляка. Большая часть болѣзней имъ объясняется дѣйствіями его нечистой силы. Заболѣетъ ли кто лихорадкой или сухоткой, наживетъ ли кто разстройство желудка, зубную боль или чесотку,—все это объясняется гнѣвомъ или иначе «носомъ» (нэнä) «паһалайнэ». Напьется ли кто воды изъ лѣснаго колодца, посидитъ ли на пнѣ срубленнаго дерева да притомъ подумаетъ что нибудь нехорошее, глядь—и нажилъ себѣ «носъ» нечистаго.

— Разъ пришлось мнѣ, разсказывалъ крестьянинъ села Вешкелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, переходить черезъ небольшой ручеекъ, который почему-то у насъ называется рѣкой-дёги. Перешелъ это я и со смѣхомъ подумалъ— зачѣмъ эту канаву—ея называютъ рѣкой-дёги. Какъ только подумалъ, сразу же почувствовалъ, что у меня въ брюхѣ что-то какъ-будто порвалось, и въ глазахъ потерялся свѣтъ. И съ того времени недѣли три не могъ ни ѣсть ни пить и болѣлъ такъ сильно, что не приведи Богъ ни самому лютому врагу болѣть такою болѣзнью. Ко всѣмъ колдунамъ обращалась жена; меня и въ банѣ парили, и обливали холодной водой въ самую полночь, били по плечамъ громовымъ камнемъ (камень, образующійся въ тѣхъ мѣстахъ земли, куда ударитъ грозой),— ничто не помогало. Тогда напослѣдокъ жена рѣшилась идти къ одному колдуну, который излѣчивалъ только отъ «носа». Взяла это она у меня крестъ съ шеи и понесла къ нему. Какъ только колдунъ посмотрѣлъ на крестъ, такъ таки прямо и говоритъ: у твоего мужа «носъ воды» (ведэнъ нэнä), т. е. хозяинъ воды сердится на него; пусть онъ припомнитъ, гдѣ оскорбилъ воду и по три ночи пусть ходитъ туда съ пирогами и умоляетъ ее, Приходитъ домой жена и разсказываетъ: у тебя молъ все это отъ воды, носъ воды. Сразу я тогда вспомнилъ свою опрометчивую насмѣшку надъ рѣкой и въ первую же полночь рѣшилъ идти къ ней—просить прощенія. Жена напекла сканцевъ съ кашей и «чупуковъ» (овсяные блины съ жидкой молочной кашей), и послѣ заката солнца мы съ ней отправились въ лѣсъ къ рѣкѣ. По три ночи ходилъ я туда съ пирогами, на колѣняхъ просилъ прощенія у хозяина рѣки... И что же думаете?... болѣзнь какъ рукой сняло, и до сихъ поръ, въ добрый часъ будь сказано, никакой хвори не знаю, словно молодымъ парнемъ снова сдѣлался, такую легкость въ себѣ чувствую... И такіе случаи въ Корелѣ не рѣдкость. Мнѣ самому разъ пришлось найти въ лѣсу ржаныя лепешки, бережно положенныя на сукъ дерева, — приношенія болящаго кореляка. Въ первый разъ меня это очень поразило,— спрашиваю: зачѣмъ эти ржаныя лепешки сюда принесены?—Да должно быть кто-нибудь изъ крещеныхъ (ристиканзъ) боленъ, такъ принесъ «пюгäллядъ»... спокойно отвѣтилъ мой спутникъ, которому, очевидно, не въ диковинку видѣть и знать объ этихъ суевѣрныхъ приношеніяхъ...

Обиліе рѣкъ и озеръ и густыхъ лѣсовъ—породило между кореляками массу сказаній, о проживающихъ здѣсь «паһа». Ихъ сколько разъ видѣли мѣстные крестьяне, разговаривали съ ними, смѣлые даже ощупывали ихъ... И всѣ эти розсказни передаются съ такимъ убѣжденеімъ въ истинѣ, сознаніемъ правоты, что слушателю нѣтъ возможности не вѣрить...

Видѣвшіе водяника разсказываютъ, что онъ представляетъ изъ себя безобразное существо, покрытое длинною черною или рыжею шерстью. Тѣло у него, какъ у старой женщины, съ длинными отвислыми грудями, а уши-длинныя какъ у коровы. Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всплываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые, длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многіе изъ крестьянъ и преимущественно бабы. Вотъ что

напр., разсказывалъ мнѣ одинъ Святозерскій крестьянинъ (Петроз уѣзда) Харлампій Богдановъ. «Былъ воскресный день въ среднихъ числахъ іюля. Соснувъ часъ, другой послѣ обѣда, я вышелъ изъ дому и направился въ село побесѣдовать съ мужиками-сосѣдями. Дорога въ село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чемъ, Взглянулъ я на озеро да такъ и остолбенѣлъ: въ шагахъ 25—30 отъ берега сидѣлъ водяникъ и расчесывалъ волосы;—вида онъ былъ чернаго и величиною съ добрую лошадь»...

Случилось, разсказываютъ старые люди въ Корелѣ, очень давно тому назадъ, что дѣтище водяника попало въ неводъ. Что такъ грузенъ неводъ, недоумѣваютъ мужики, таща сѣти на берегъ. Вытащили... и что же? Въ сѣтяхъ оказался сынъ водяника, такой маленькій, рыженькій... Одни изъ крестьянъ кричатъ: на берегъ его молъ слѣдуетъ выкинуть (кричатъ по-корельски) и указываютъ при этомъ руками въ гору, а водяникъ, понимая какую шутку хотятъ сшутить съ нимъ крестьяне, только твердитъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Иные же, болѣе благоразумные изъ крестьянъ, совѣтуютъ спустить его обратно въ воду и машутъ руками по направленію къ озеру; на ихъ совѣты водяникъ только и частитъ: да, да, да... «По корельски, вишь, замѣчаетъ старикъ-разсказсказчикъ, не умѣлъ онъ» Рѣшили крестьяне большинствомъ голосовъ—пустить сына водяника обратно въ озеро; спустили, и на другой день одному изъ рыбаковъ приснился сонъ: счастливы, говоритъ самъ водяникъ во снѣ, счастливы, что отпустили сына моего на волю, въ воду, а не то иначе бы всѣхъ васъ уморилъ съ голоду: ни рыбки, ни малька я больше не далъ бы вамъ ни въ сѣти, ни въ неводъ»

У каждаго водяника (ведэhинэ, вези-кунингуой) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталя, какъ первый осенній ледъ. «Рѣдко кому удается видѣть его дворецъ, говорятъ кореляки, а если бы можно было посмотрѣть его, то очень легко выжить оттуда водяника: для этого слѣдуетъ только взять капельку «живой ртути» (элявядъ артудъ» —ртуть кореляки всегда называютъ живой»), капнуть на крышу его дворца, и онъ тотчасъ убѣжитъ вонъ далеко, далеко»...

Подъ водой у водянника цѣлое хозяйство. Онъ живетъ здѣсь, какъ богатый запасливый помѣщикъ, не зная ни въ чемъ нужды и лишеній. «Разъ моя бабка и дѣдъ, разсказывалъ тотъ же Святозерскій крестьянинъ, поѣхали въ лодкѣ на пожню. Почти подъѣзжали они къ пожнѣ, какъ бабка моя замѣтила, что изъ воды на берегъ выскакиваютъ коровы,—коровы комолыя, съ короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя. Это коровы «вези-кунингуойнъ», замѣтила бабка, и если бы успѣть покапать крови съ безымяннаго пальца на каждую корову, то всѣ онѣ были бы наши».. Какъ только сказала она это, коровы всѣ поскакали обратно въ воду, и изъ воды вдругъ высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за бортъ лодки... Хорошо еще, что берегъ оказался близко, а то «вези-кунингуой» непремѣнно успѣлъ бы опрокинуть лодку.

Хотя рѣдко, но иногда случается, что водяникъ дѣлаетъ и пакости человѣку: онъ топитъ лошадей, во время купанья ихъ, перевертываетъ лодки съ ѣдущими въ нихъ людьми и задушаетъ неопытныхъ купальщиковъ, особенно хвастающихъ своимъ умѣньемъ бойко плавать и нырять. Разсказовъ о такихъ несчастныхъ случаяхъ ходитъ въ народѣ очень много. Чтобы освободиться отъ водяника, уже успѣвшаго схватить свою жертву, существуетъ лишь одно средство: съ берега слѣдуетъ бросать въ воду мелкіе камни и песокъ,—этого водяникъ очень и очень страшится; оставляетъ свои злыя шутки и уходитъ въ глубину водъ.

Лѣсовикъ-мстчäлäйнэ, по воззрѣніямъ кореловъ, представляется высокимъ мужчиной, одѣтымъ въ военное платье: на головѣ у него красная фуражка и вся одежда въ мѣдныхъ блестящихъ пуговицахъ, оттого то онъ иногда называется «нюбликязъ» — пуговичникъ. О продѣлкахъ лѣсовика существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Такъ, многіе изъ охотниковъ, во время ночевокъ въ лѣсу, часто слышали его дикій хохотъ, пѣніе и унылое завываніе. Часто встрѣчали его и днемъ въ лѣсу... «Пришелъ разъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, разсказывалъ одинъ крестьянинъ, видѣвшій лѣсовика, пришелъ подъ вечеръ, когда я возвращался изъ лѣсу домой,—высокаго росту и весь въ

пуговицахъ. Сталъ на дорогѣ предо мной и заговорилъ: «А жаркій сегодня былъ день...» Чѣмъ больше и дальше онъ говорилъ, тѣмъ все глубже и глубже увлекалъ меня въ лѣсъ. Цѣлыхъ трое сутокъ я ходилъ съ нимъ, вмѣсто хлѣба и другаго съѣстнаго на обѣдъ и ужинъ мнѣ подавали конинный навозъ. Говорили мы съ нимъ много и обо всемъ, но о чемъ именно, не запомню. Въ первые дни мнѣ и въ голову не приходило, что я на «худыхъ слѣдахъ» (пагуойль дялгилъ), только ужъ на третій день сообразилъ, что я не безъ чуда брожу столько дней, а домой все не попадаю...

Вспомнилъ на счастье тогда я первую фразу, которой «метчäлäйнэ» началъ со мной разговоръ, взялъ это да и брякнулъ ее въ бесѣдѣ съ нимъ: «А жаркій сегодня былъ день .. Какъ только сказалъ, — «метчалайнэ» вдругъ захохоталъ и, со словами: «ты, братъ, вижу я, говорить толкомъ не умѣешь, а повторяешь разъ сказанныя слова»,—пошелъ отъ меня прочь съ крикомъ, шумомъ, и долго еще слышно было, какъ ломались деревья подъ его сильными ногами. «Ну, думаю я, слава тебѣ Господи, отвязался отъ «худаго—пагасъ...» На первомъ же перекресткѣ снялъ съ себя всю одежду, отрясъ ее старательно, чтобы не занести нечистаго домой, и потомъ, благословясь, отправился домой. Придя домой я самъ диву дался, куда меня занесла нечистая сила! Верстъ за 60—70 отъ своей деревни ушолъ, да въ такой глухой лѣсъ, что въ другое время не зналъ бы да и не умѣлъ бы какъ туда и пробраться...

Лѣсъ, разсказывалъ другой кореллкъ, полонъ нечистой силы—«метчäлäй жидъ». Но мы не каждый разъ видимъ ее, а не видимъ потому, что у лѣсовика есть особенная способность: принимать ростъ, равный высотѣ тѣхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ онъ стоитъ. Стоитъ онъ, примѣрно, подлѣ высокой ели, и кажется тебѣ, что подлѣ ели стоитъ еще другая ель, а между тѣмъ на самомъ то дѣлѣ—это и есть лѣшій. Въ маленькомъ лѣску онъ самъ становится маленькимъ, а потому его опять и не отличить отъ деревьевъ. Да чтобы и было, заключилъ онъ свой разсказъ, если бы у лѣшаго не было такого свойства, тогда и въ лѣсъ то не вышелъ бы никогда, на каждомъ шагу торчалъ бы онъ—«худой» и пугалъ бы своимъ видомъ «крещеныхъ»—ристиканзуойдъ.

Бывали случаи, что лѣсовикъ похищалъ людей и уводилъ ихъ съ собой на всегда. Чаще это происходитъ тогда, когда проклинаютъ родители своихъ дѣтей и опрометчиво говорятъ: хоть бы лѣшій тебя взялъ, хоть лѣшій унесъ бы тебя съ моихъ глазъ»... Такъ, въ д. Сюрьгѣ (Святозер. волости, Петроз. уѣзда) былъ такой случай. Одна крестьянка мать пошла въ лѣтній день утромъ на работу. Дочка ея, небольшая дѣвочка, никакъ не хотѣла остаться одна дома, и съ плачемъ бѣжала вслѣдъ за матерью, прося ее—взять съ собой. Мать всяко упрашивала дочку возвратиться домой; но когда все это не дѣйствовало, она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, неосторожно съ горяча выпалила: «а лѣшій бы лучше тебя взялъ, когда не даешь мнѣ волю идти на работу».

Дѣвочка потомъ скоро угомонилась и пошла обратно домой. День цѣлый пробыла въ лѣсу неосторожная мать. Вечеромъ приходитъ домой и что же?.. Дѣвочка какъ бы по виду и дочка, но только чуетъ материнское сердце, что она не настоящая дочь: «метчäлäйнэ» подмѣнилъ дочь и на мѣсто ея подсунулъ одну изъ своихъ прислужницъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени догадки матери оправдались: дѣвочка оказалась «не полнаго человѣческаго разсудка» (эй тавзъ ристиканзанъ-міеллинэ). Но что же съ ней подѣлаешь? Ее выселили изъ избы въ особый чуланъ, темный, безъ оконъ, до самой смерти кормили тамъ и до самой смерти глядѣли на нее, несчастную, какъ на исчадіе лѣшаго... Случилось разъ, что неосторожная въ словахъ мать увидѣла свою дѣйствительную дочь. Было это дѣло въ лѣсу, въ зимнее время, во время вывозки бревенъ лѣсопромышленникомъ. «Я, разсказывала потомъ сама мать, долго не могла заснуть въ одну ночь на воскресенье. Кажется, «нуодьюй» (костеръ, состоящій изъ двухъ бревенъ, положенныхъ вдоль другъ на друга, при томъ между бревнами дѣлается лотокъ, въ который и кладется огонь. Пламя отъ сложенныхъ такъ бревенъ бываетъ не сильно, но держится, не потухая, до самаго утра. Тепла бываетъ достаточно только для невзыскательнаго кореляка) горѣлъ хорошо, и тепла было вдоволь, но я никакъ не могла забыться сномъ, который такъ былъ мнѣ нуженъ послѣ трудовъ тяжелой недѣли... Уже подъ самое утро, когда стало свѣтать, вдругъ я услышала шумъ отъ ѣдущихъ по снѣгу

саней. Чрезъ нѣсколько времени изъ лѣсу выѣхалъ на черной высокой лошади мужчина, одѣтый въ приличное платье: на немъ былъ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, съ чернымъ же барашковымъ воротникомъ; на головѣ хорошая бобровая шапка, точь-въ точь какъ у прикащика. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка, также очень хорошо одѣтая. Я, признаться, подумала сначала, что это должно быть прикащикъ пріѣхалъ для пріема дровъ... Но зачѣмъ же тутъ рядомъ съ нимъ дѣвушка?.. Когда подъѣхали ближе, то въ сидящей дѣвушкѣ я узнала свою Огуой Агафью-дочь, которую унесъ лѣшій). «Не бойся, говоритъ, мама, это я—твоя дочка Огуой. Меня послѣ того разу, какъ ты прокляла, унесъ лѣшій — метчäлäйнэ. Жить мнѣ у него и хорошо бы, да скучно по дому. Мы съ нимъ все ѣздимъ по лѣсу, и иногда только, когда ѣсть захочется, заглядываемъ въ деревни и города. Кто положитъ что-нибудь изъ съѣстнаго безъ благословенія, то мы съ нимъ и съѣдимъ, а на мѣсто конинный навозъ подлагаемъ. У меня съ нимъ уже и ребенокъ есть... Если ты, мама, хочешь меня возвратить къ себѣ, то сними со своей шеи крестъ и, какъ можно проворнѣе, накинь его мнѣ на шею... Тутъ уже лѣшій не будетъ имѣть власти надо мной, и я навсегда останусь съ вами.—Вмѣсто того, чтобы скорѣе исполнить совѣтъ дочери—накинуть на воротъ ей крестъ, я, дурища, разсказывала крестьянка, вмѣсто этого такъ перепугалась, что не смѣла даже шевельнуться... Постояли сани предо мной еще такъ минутъ съ полдесятокъ, а потомъ, какъ птица (каку линду), понеслись впередъ. Нѣсколько разъ, видѣла хорошо, Огуой оборачивалась ко мнѣ, кивала головой въ знакъ прощанія и смотрѣла такъ печально, печально...

Дворовый—«муа-һардій» является въ видѣ кошки или собаки. Его рѣдко кто видѣлъ, но иногда хозяйкамъ-бабамъ случается замѣтить, какъ онъ по вечерамъ, во время доенія коровъ, осторожно крадется по двору, по самый край стѣны... «Сижу это я разъ на дворѣ, разсказывала одна корелка, и дою корову; вижу какъ будто кто-то медленно движется о самую стѣну; видомъ, - какъ кошка, прошолъ мимо, посмотрѣлъ разъ на меня и сразу скрылся у порога хлѣва». Дворовый каждаго двора любитъ скотину только нѣкоторыхъ извѣстныхъ мастей. «Что же ты, Микко (Никита), спросишь иного крестьянина, не купишь такой-то коровы? Корова хорошая и просятъ за нее недорого. — Корова то хорошая, и цѣна невысокая, лѣниво возразитъ онъ, можно бы и купить да, вишь, дѣло-то въ чемъ, черной шерсти она, а «мой» черныхъ не долюбливаетъ». И, не дай Богъ, если хозяинъ, по своему незнанію, заведетъ у себя такую скотину, масть которой не по вкусу дворовому. Онъ такъ или иначе, рано или поздно изведетъ ее; такую скотину какъ ни корми, какъ ни пой, а она всегда будетъ хуже другихъ: тощая, паршивая, постоянно въ навозѣ... За то, хорошо той скотинѣ, которую любитъ «муа-һардій». Онъ по ночамъ самъ кормитъ ее, гладитъ, чиститъ, а у лошадей даже заплетаетъ гривы. Бываетъ иногда такъ, что корова ночью, во время сна, наваливается бокомъ на «муа-һардія», и это ей не обходится даромъ: на другой же день у ней вспухаютъ вымя и бока, и только наговорная соль знахарки излѣчиваетъ ее отъ этого недуга...

Таковы вкратцѣ суевѣрныя представленія кореляка о нечистой силѣ... И думаю, что много еще лѣтъ суждено миновать, прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь разсѣется этотъ густой туманъ невѣжества, такъ плотно пока окутывающій весь этотъ край...

Н. Лѣсковъ.

Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ.

II [1]).

Къ сообщенію, сдѣланному мною раньше, я прибавлю ниже еще нѣсколько данныхъ. Цѣль и порядокъ настоящаго сообщенія тѣже, что и предыдущаго. Матерьяломъ для составленія настоящихъ замѣтокъ послужили отвѣты священниковъ и народныхъ учителей на вопросы, разосланные Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Матерьялы эти были обязательно предоставлены мнѣ названнымъ комитетомъ, за что я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность секретарю комитета Александру Павловичу Смородскому.

[1]) См. I ст. въ Жив. Стар. II. 1893.

I. Обрядовыя блюда.

Извѣстно, что какъ чисто народныя празднества (какъ напр. дзяды), такъ и многіе христіанскіе праздники, съ которыми слились бы древнія языческія представленія, обставлены не только извѣстными обрядами но и столомъ имѣющимъ чисто обрядовое значеніе. Извѣстныя блюда и извѣстный ихъ порядокъ требуются обрядомъ. Болѣе широкое изученіе ихъ даетъ возможность видѣть въ этихъ обрядовыхъ блюдахъ остатки языческихъ жертвоприношеній. Поэтому, болѣе детальное изученіе народнаго обрядоваго стола представляетъ глубокій этнографическій интересъ.

Ниже я привожу списки кушаньевъ, пріуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ праздникамъ, въ порядкѣ требуемомъ обычаемъ.

1) *Богатая кутья* (канунъ Крещенья, 5 янв.): горшокъ вареной свеклы съ свинымъ ухомъ и парой колбасъ, каша съ саломъ (Лавришевскій прих. Новгородск. уѣзд.). Остальныя кушанья по желанію, но непремѣнно жирныя.

2) *Родительская суббота* (передъ масляной недѣлей): канунъ, составленный изъ коржа съ медомъ и 12 блюдъ: щи постныя, щи скоромныя, супъ постный, супъ съ говядиною или съ молокомъ, яичница, верещака съ блинами, сырники, печеная баранина, поросенокъ, каша гречневая (Вороничскій прих. Игуменск. у.). По мѣстностямъ встрѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія. Въ Лавришевскомъ прих. Новгор. у.: готовятъ капусту, куда бросаютъ два куска свинины, а въ супъ два куска баранины; по одному куску съѣдаютъ вечеромъ, по другому утромъ; кромѣ того подаютъ: квашанину, пару колбасъ, квасъ (вареный съ саломъ, лапша, рыба, вареный сыръ или поливка (соусъ) изъ крови животныхъ, яичница, каша просяная.—Каждый долженъ поѣсть всякаго кушанья, а не то будутъ кусать комары. На столъ кладутъ запасную ложку, которою старшій членъ семьи отливаетъ или откладываетъ въ особую миску всякаго блюда: дѣды ночью придутъ ѣсть. Трубъ, а иногда и дверей на ночь не затворяютъ. Вообще, богатые на дѣды дѣлаютъ 12 блюдъ, бѣдные хоть 6.

Въ Негнѣвичскомъ прих. Новгор. у. порядокъ такой: капуста съ свининою, квасъ съ бараниною, крупникъ (густой супъ), квашанина (холодное) изъ бараньихъ или свиныхъ ногъ, лапша съ молокомъ, пирози изъ ржаной муки, каша, яичница, отварная печенка баранья, гусиная или свиная, галушки изъ ячменныхъ крупъ; 3 круто сваренныхъ яйца дѣлятся между всѣми присутствующими.

Въ Дричинскомъ прих. Игуменск. у. кромѣ другихъ кушаньевъ непремѣнно должны быть: квасъ, кисель овсяный и каша.

Въ Колбчанской вол. того же у. даютъ 14 слѣд. блюдъ: сыта или канунъ, постный квасъ, квасъ съ саломъ или мясомъ, каша постная (съ макомъ), каша съ саломъ, каша съ молокомъ, яичница, рыба вареная, рыба жареная, супъ (крупѐнь) съ мясомъ, поросятина, супъ съ молокомъ, сырники, молоко перетопленное.

Въ Ельскомъ прих. Мозырск. у. требуется еще обрядовый столъ на слѣд. день послѣ вечернихъ дѣдовъ; онъ состоитъ изъ канона—разведеннаго въ видѣ меда съ хлѣбомъ и блиновъ, остальныя блюда по желанію.

Дзяды бѣлорусскіе бываютъ четыре раза въ годъ (чатыря дзяды): въ родительскую субботу, радивошчные (въ понедѣльникъ на 2-ую нед. по Пасхѣ), Троечные (передъ Троицею) и Михалоўскіе (7 ноября); послѣдніе въ другихъ мѣстахъ справляются въ Димитріевскую субботу (23 окт.).

Обильныя кушанья считаются обязательными только на зимніе и осенніе дзяды. Весенніе же сопровождаются принесеніемъ на могилы родныхъ покойниковъ остатковъ отъ пасхальнаго стола и небольшой закуской тутъ же на кладбищѣ. Въ Старицкомъ прих. Игуменскаго у. считается обязательнымъ принесеніе на могилы еще и бараньей печени.

3) Въ постъ на крестопоклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты, бороны, серпы, сохи, колы (Пугалловскій прих. Игуменск. у.). Въ Скрыцовскомъ прих. Мозырск. у. пекутъ «кресцы» съ макомъ, часть коихъ оставляютъ до начала полевыхъ работъ и начала пастьбы скота.

4) На пасху кушанья обычныя: яйца, пироги, поросенокъ, сыръ, масло, ветчина.

5) Въ среду Преполовенія пекутъ «кресты» крестообразные хлѣбы изъ ржаной или пшеничной муки (Вороничскій прих. Игум. у.).

6) Разговѣнье послѣ Петрова поста начинается съ сыра, масла и молока (ibid).

7) Въ день 40 мучен. (9 марта) пекутъ крестообразныя коврижки, которыя посыпаются макомъ (Язьвинскій прих. Пинскаго у.). Въ Ново-Сорокскомъ прих. Моз. у.—галушки.

8) Въ день Преображенія Господня освящаютъ фрукты. Обѣдъ состоитъ изъ моркови и свеклы «бруквы» (Вороничскій прих. Игум. у.). Женатые до этого дня фруктовъ не ѣдятъ, чтобы дѣти не умирали (Рѣчицк. у.).

9) На Успеніе—обязательно капуста новаго урожая (Вороничскій прих.).

10) День Рождества Богородицы наз. богачемъ, обильный обѣдъ (ibid.).

11) День великом. Варвары (4 дек.)—приготовляютъ варсники изъ гречневой муки съ макомъ (Пуковскій прих. Игуменск. у., Скрыгаловскій и Ново-Сорокскій Мозырск. у., Язьвинскій Пинскаго у.).

12) 9 дек.—тоже вареники (Пуковскій прих.).

13) Кутья передъ Рожд. Хр.: блины, квасъ съ грибами и постнымъ масломъ, рыба, сельди, овсяный кисель, ячневая кутья (Кунасскій прих. Слуцкаго у.).

14) Всѣ заговины сопровождаются оладьями и блинами (Мозырск. и Рѣчицк. у.).

Главнѣйшими видами обрядовыхъ блюдъ, какъ пережитковъ жертвоприношеній, являются: хлѣбъ, особенно каша, свинина, баранина, небезъинтересно также употребленіе яицъ, меду (въ «канонъ»), капусты моркови и пр. [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ привести нѣсколько указаній, вводящихъ бѣлорусскія обрядовыя блюда, какъ остатки жертвоприношеній, въ сферу общеславянскихъ и народныхъ обычаевъ.—Объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши см. соч. проф. Сумцова, хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, Харьковъ и Потебни, О миѳол. значеніи нѣкот. обряд. и пѣсенъ, р. 15, 39, 40 и др.; у Бѣлоруссовъ интересны заговоры на хлѣбѣ, Романовъ, Бѣлор. Сборн., V, 60, 61 и въ свад. обрядахъ, Шейнъ, Матерьялы, II, 75 и др; у Поляковъ на свадьбѣ—Kolberg, Lud. v. XI, ч. III, 75, 84; тоже у Чеховъ, Bartoš, Moravská svatba, 37; Гаданіе на кашѣ у Великороссовъ. — Словарь русскихъ суевѣрій М. Чулкова, М. 1782 г., р. 180; у нихъ же—жертва домовому—Каравеловъ, Пам. народн быта Болгаръ, 182; во Франціи интересны пироги coru a boeufs, Revue des traditions populaires, V, 90; хлѣбъ—обильная жертва божеству у Новогрековъ, Schmidt, das Volksleben der Neugrichen, Leipz. 1871, р. 55. Сродные обряды у Вотяковъ. Словарь русскихъ суевѣрій Чулковъ, 105, у Черемисъ, ibid., 104. Въ древнихъ религіяхъ жертва хлѣбомъ, пирогами—обычное явленіе: Bergaigne, La religion vedique, I, 261, Preller, Röm. Mythol., 444, Foucart, des associations religieuses, 67, 71, у др. Галловъ, Fl. Vallentin, Le culte de Matrae, Paris, 1880, р. 14 и др.

Къ обрядовому употребленію свинины: Весселовскій, Розысканія, II, 108—9; Аѳонасьевъ, Поэт. возвр. Слав., 778 и сл.; Bastian, das Thier in seinen mythologischen Bedeutung, Leitschr. für Ethnologie, B. I, 1864, p. 173—175, Preller, Rom. Mythol, 435, Rosbach Unters. üb. d. Röm Ehe. 310 и сл., у Бѣлоруссовъ еще въ свад. обр., Шейнъ, Матер. I. с. 2.

Къ жертвоприношенію барана—De Gubernatis, die Thiere in d. indogerm. Myth., 312 и сл.

Къ обрядовому употребленію яйца: см. Bastian, Zeitschr. f. Ethnologie, 1889, p. 162—163; въ свад. обр.—Schröder zeop.. Die Hochzeitsbraüche der Esten u einiger anderen finn. ugrisch. Völkerschaften, Berl., 1888. p. 83; у Бѣлоруссовъ—Шейнъ, Мат. II, р. 2, Вѣст. Имп. Р. Геогр. Общ., 1857 г., ч. IX р. 48 и др. (яичница).

Къ употребленію меда Шейнъ, Мат. II, 73 и др.; Kuhn, Herab. d. Feuers (2 изд.) p. 121—122; у Итальянцевъ—Dotsa, La tradizione greco-latina negli usi e negle credenze popol., Cosenza, 1879, p. 38.

II. Къ почитанію холмовъ, деревьевъ, источниковъ, камней.

Подобно тому какъ время языческихъ жертвоприношеній слилось съ христіанскими праздниками, такъ и почитаніе мѣстъ и предметовъ, основою которыхъ являются также языческія представленія, слилось съ почитаніемъ атрибутовъ христіанской церкви. Въ прошломъ сообщеніи я уже говорилъ о такъ наз. п р о щ а х ъ, которыя обычно обставлены предметами христіанскаго почитанія: часовнями, иконами, крестами, иногда тутъ же ставились и церкви Теперь я опишу нѣсколько такихъ мѣстъ почитанія.

1) Въ Старицкомъ прих. Игуменскаго у., въ урочище Перевозѣ, въ 8 верст. отъ с. Старицы, находятся два холма, которые составляютъ особенный предметъ почитанія и благоговѣнія. Холмы смежны. Окрестные жители ставятъ на нихъ кресты и тутъ ихъ наставлено цѣлыя тысячи, деревянныхъ и металлическихъ. Для постановки крестовъ съѣзжаются за десятки миль. На холмы кладутъ, въ видѣ жертвы, деньги, ленъ, на кресты вѣшаютъ грудные крестики и даже иконы. О. Владиміръ Ранчевскій, передающій это извѣстіе, прибавляетъ, что причинъ такого поклоненія «не отыскано: передаютъ только, что дѣлающіе въ этомъ мѣстѣ какую либо жертву, получаютъ непремѣнно просимое у Бога». Характеръ прошеній можетъ быть до нѣкоторой степени угаданъ изъ извѣстія, что вѣшаютъ иконы Георгія Побѣдон.; связь почитанія холмовъ съ именемъ этого святаго можетъ указывать на то, что это почитаніе, въ основѣ своей, носитъ характеръ почитанія аграрныхъ культовъ.

Около с. С т а р и ц ы; въ 3 верст. отъ него, есть еще холмъ, пользующійся почитаніемъ (безъ жертвъ), но преданіе, указываетъ на существованіе тамъ когда то церкви.

Не менѣе интересно почитаніе с о с н ы, находящейся за селомъ; мѣсто вокругъ нея считается священнымъ. Существуетъ слѣд. преданіе: одному крестьянину, который былъ хозяиномъ той полосы, гдѣ стоитъ сосна, больному глазами, снилось, что онъ долженъ поставить крестъ у сосны, чтобы выздоровѣть. Онъ поставилъ крестъ и исцѣлился. Крестьяне кладутъ около этой сосны ленъ, деньги. Сосна нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ сосенъ цвѣтомъ [1]).

Народъ вообще относится съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ большимъ старымъ деревьямъ, особенно если въ нихъ находятъ еще признаки, отличающіе ихъ чѣмъ нибудь отъ обыкновеннаго типа. Приведу одинъ разсказъ, записанный въ Гродненской губ. При дер. Одельковичахъ Дворецкой вол. Слонимскаго у. есть курганъ; около него растутъ два огромныхъ дуба. Есть преданіе, что лѣтъ 60 тому назадъ на томъ же мѣстѣ было 4 дуба. Но арендаторъ дворца графа Завиши срубилъ два изъ нихъ, отъ чего палъ весь его скотъ. Вообще завѣтные дубы заколдованы: срубить такой дубъ или даже взять его сучья, оторванныя вѣтромъ,—непремѣнно случится несчастіе: падетъ лошадь, корова, овца. Оставшіеся два дуба при дер. Одельковичахъ уже нѣсколько лѣтъ окропляются священною водою, и ихъ никто не трогаетъ [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію до сихъ поръ о почитаніи деревьевъ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности занимало очень мало деталей, хотя вопросъ этотъ очень интересенъ, и на однихъ общихъ только извѣстіяхъ остановиться нельзя. Къ почит. дер. у бѣлор. см. ст. Чарноцкой въ „Вѣстн. Евр.“, 1818 г ч. CII, р. 116—118; общая характеристика слав. міровоззрѣнія въ этомъ отнош. у Han. Machal. Nakres Slovanského bajeslovi, 23—24, Аѳанасьевъ, поэтич. воззр. сл., II. 277 и слав. Архивъ Калачева, т. I, р. 47 (ст. Соловьева), Весcловскій, Разысканія, II, 232—3. Обычаи инородцевъ особенно характерны: M. Buch. Die Wotjäken, 125, 141, Харузинъ, Русскіе Лопари. 175, Сбоевъ, Чуваши, 90, «Этногр. обозр.», 1890 № 4, р. 57, «Ж. Стар.», 1891 г., III; 64—5 (якуты.) и мн. др. Кромѣ того общія данныя о почит. дер. у ар. нар. у Губернатиса, La mythologie des Plantes. 2 т., Mannhardt Baumcultus p. Germanen, у Куна въ Herabkunft d. Feuers, 114, 158 и др., Гримма, Deutsche Mythologie 854, 615 и др., и новѣйшія изслѣдованія растительнаго культа James Darmesteter, Haurvatat et Ameretat, Essai sur la mythologie d'Avesta, P. 1875, ст. графа Goblet d'Aniella въ Bulletin de l'Académie Royale de Belgique т. 19, № 5, 1890 г. и др.

[2]) Сообщ. мироваго посредника изъ археологич. матер. по Гродненск. губ., собранныхъ Моск. Археол. Общ. и переданныя мнѣ для состав. археологич. карты Гродн. губ,

3) Почитаніе ключей и источниковъ распространено повсемѣстно. Въ Полужскомъ прих. Игуменскаго у. въ дер. Орѣшковичахъ при р. Свислочи есть ключъ, назыв. кипячка; вода его чиста, прозрачна и холодна. Крестьяне приписываютъ ей цѣлебныя свойства, особ. при болѣзняхъ глазъ; грязь прикладываютъ къ головѣ и др. частямъ тѣла. Но помогаетъ эта вода только тогда, когда за нею отправляются до восхода солнца и бросаютъ въ ключъ какую либо мелкую монету.

Иногда такіе почитаемые источники встрѣчаются при церквахъ, большею частію воздвигнутыхъ на приношенія у прощъ. Такъ въ дер. Вулькѣ Лунинскаго прихода Пинскаго у. есть приписная церковь и при ней криница, къ которой стекаются богомольцы.

Въ Дукорскомъ прих. Игуменскаго у. у источника находится мѣстно чтимая икона Божіей Матери Воду изъ источника забираютъ на домъ, какъ цѣлебную, и моются ею тутъ же на мѣстѣ.

Въ томъ же у. въ 3 верст. отъ м. Шацка есть мѣсто съ источникомъ, называемое «церковьемъ» и обставленное слѣдующимъ преданіемъ. Во время притѣсненій православныхъ католиками, кому то изъ православныхъ жителей Шацки явился арх. Михаилъ и велѣлъ православнымъ брать воду изъ источника на теперешнюю церковь. Больные обливались водою и получали исцѣленіе. Была устроена церковь во имя арх. Михаила, но католики, видя ея процвѣтаніе, устроили такъ, что церковь должны были перенести въ самое мѣстечко. Источникъ пользуется почитаніемъ и въ настоящее время.

4) Къ почитанію камня можно отнести почитаніе каменныхъ крестовъ въ уединенныхъ мѣстахъ, на холмахъ, въ рощахъ и т. п.; кресты эти иногда переносятся въ церковь. Въ сущности говоря это тѣже прощи, подъ какимъ названіемъ они часто и существуютъ. Кресты часто высѣкаются на камняхъ, привлекающихъ къ себѣ поклоненіе, или же каменные кресты ставятся на мѣстахъ прощъ; такимъ образомъ сливаются остатки язычества съ христіанствомъ.

Въ с. Пережиръ Игуменскаго у. стекаются 30 ноября богомольцы для поклоненія каменному кресту. Женихи и невѣсты приходятъ испросить благополучной супружеской жизни. Кромѣ того сюда стекаются во всѣ весеннія и лѣтнія новолунныя воскресенія.

Подобные кресты находятся въ с. Погостѣ Мозырскаго у., Вересницѣ, Сторожевцѣ, Переровѣ, въ м. Туровѣ и др.

Въ Рудобѣльскомъ приходѣ Бобруйскаго у. въ часовнѣ есть камень, на называемый стопою Богоматери. Воду въ этомъ углубленіи, по освященіи ея, разбираютъ въ надеждѣ на ея цѣлебныя свойства.

Такой же камень, назыв. «Божьей ступкой» находится въ Бѣльскомъ у. Гродненской губ., въ лѣсу около с. Малеши [1]).

Къ нѣкоторымъ камнямъ бѣлоруссы питаютъ суевѣрный ужасъ. Изъ той же губ. Слонимскаго [2]) у. есть разсказъ слѣдующаго содержанія. Около дер. Хвиневичъ Пацовской вол. находится громадная каменная плита. Старики разсказываютъ, что лѣтъ 90 тому назадъ два эконома изъ сосѣдняго села Порѣзья пытались утилизировать эту плиту и клали подъ порогъ дома. Но съ ними каждый разъ случались несчастія, заставлявшія класть камень обратно [3]).

---

[1]) Изъ матерьяловъ для археол. Гродненской губ., собранныхъ Моск. Археологич. Общ. и переданныхъ мнѣ для составл. археол. карты.

[2]) Оттуда же.

[3]) О почитаніи камня см. Сборникъ Романова, вып. IV, 170—173.

Къ вечериночнымъ играмъ.

Къ сообщенному раньше объ играхъ и танцахъ на бѣлорусскихъ вячоркахъ я прибавлю еще нѣсколько описаній танцевъ и употребительныхъ при нихъ пѣсенъ. Источникомъ мнѣ служитъ тетрадь записей учителя Колбчанскаго нар. училища Бродецкой вол. Игуменскаго у. г. Яцко, обязательно доставленная мнѣ Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

1) Крутӯха (отъ круцицца—вертѣться) танецъ состоящій въ томъ, что два парня и двѣ дѣвушки выступаютъ на середину хаты берутся крестообразно за руки и идутъ въ круговую, подпрыгивая. Во время танца они поютъ:

a) Матӯлинька! далибокъ! (ей Богу).
Я не бэндо жы̆ва!
Абарвалася низь нохъ
Сама лепша жы̆ла!
Охъ, чухъ, начӯхаӯсе,
Падняӯ хвартухъ—нанюхаӯсе,
Падняӯ хвартухъ и спаднйцу!
Ашъ тамъ сядзиць зъ рукавицу!

b) А у кавалихи да собаки лйхи
Нѣкому сы̆йци, адбаранйци!
Вышла дзяӯчина, адбаранила,
Янашъ маѐ серцэ разьвясялила!

c) Чугӑначка, чуганачка
Ѣдзе .... на саночкахъ.
Пытаецца Василя,
Чи далека да да сяла?
Не далека—близянька,
Чэразъ ..... лысинка.
Василь праӯды ни сказаӯ,
..... къ плоту прывязаӯ.
Прывязаӯ икъ дубу—
Не хай черци ..... ,
А я ня буду!

d) Ухъ, нӯ, ухъ, нӯ!
Ни давай хахлу,
А дай рускаму,
Да палюдзкаму!..

2) Барыня. Парни берутъ дѣвушекъ подъ руки и идутъ, припрыгивая, по хатѣ въ круговую. Припѣвы:

a) Барыня раськирака,
Замарыла ӯ ..... рака!
Барыня, барыня,
Сударыня моя!

b) Барыня пышна
За ворота вышла,
Рукъ ни памыла,
..... загалила (припѣвъ).

c) У нашай барыни та низкай,
Абрасла ..... рады̆ской!

d) У нашай барыни высокай,
Абрасла ..... асокай!

e) Сядзиць барыня падъ плотамъ,
Зашывая ..... дротамъ!

f) Нашто шъ барыни чапецъ,
Кали ӯ барыни хлапецъ!

Танецъ и отчасти припѣвки заносный, великорусскій.

3) Верабей. Танцуютъ также, какъ и барыню. Припѣвки:

Абнадзіӯсе верабей
У нашу канапельку лятаць,
Маю канапельку клевацъ.
Яшъ яго излаӯлю,
Крылья-перъя ащиплю;
Енъ ня будзя летаци,
Маю канапельку клеваци!

Павадзіӯсе ёнъ, маладзецъ,
Къ маѐй Марусѐньцѣ хадзиць,
Маю Марусѐньку любиць.
Я яго излаӯлю,
Руки-ноги изламлю!
Енъ не будзя хадзиць,
Маю Марусеньку любиць!

4) **Казакъ**. Танецъ—общеизвѣстный. Припѣвки:

a) Я гуляла дзѣўкой,
А циперъ маладзичкай,
За хорошимъ мужичкомъ,
Да ни за пьяничкой!
А мой мужикъ—ни вяликъ,
Ниma яму росту;
Сѣдзиць на прыпѣчку—
Дзерэ каросту!
Я гуляла, гуляла,
Гуляць буду!
Сваю маладосѣ
Спаминаць буду!

b) Ажаниўсе ўдавецъ,
Узяў сабѣ дзѣўку,
Пасадзиў на прыпечку—
Глядзиць ў пецельку...
Охъ, ты казакъ, казачокъ!
Ты хароши мужычокъ!
Цебе скачуць, цебе пляшуць,
Цебе пѣсеньки пѣюць!

М. Довнаръ-Запольскій.

Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

I. Іерусалимская молитва.

Іисусе Христе, сыне Бога истиннаго, помози мнѣ, спасителю мира! спаси меня, дѣво владычица! умоли за меня бѣднаго, сына твоего! красота ангеловъ, утѣшеніе мучениковъ, слава исповѣдниковъ, зерцало божественныхъ тайнъ, дѣво госпоже, помози мнѣ въ послѣдній часъ, моли Сына твоего и Господа нашего Іисуса Христа дати оставленіе грѣховъ моихъ и прегрѣшеній чрезъ вѣру; вѣрую всему тому чему научаетъ меня святая церковь; вѣрую, поелику ты повелеваешь мнѣ сіе умѣть».

Кто будетъ читать сію молитву, тотъ не умретъ нечаянною смертію [1]).

II. Молитва иже во святыхъ отца нашего Сисинея отъ лихорадки.

Господи Боже Отче, благослови читати молитву сію.

«Сѣдящу убо святому отцу Сисинею, сѣдящу на горѣ святой, бысть въ часъ шесты дни, зряще убо ему на черное море, внезапу сниде съ небеси столпъ огненный, стоящу отъ земли и до небеси; снидоша Ангелъ Господень и ста близъ Черминова моря, тогда море меташися: исшедъ изъ моря двѣнадцать женъ пустоволосыхъ, окаянныхъ, видѣніемъ страшныхъ и вопроси ихъ святый отецъ Сисиней: что вы окаянныя и какія ваши имена? Первая рече: а мнѣ имя Трясея, вторая рече: имя Огнея, аки пещь палящая и сожигаю родъ человѣческій, третія рече: имя Ледея, четвертая—Гнетея, ложится человѣку въ ребра и издымаетъ утробу. Пятая рече: мнѣ имя Хрипея—ложусь въ грудяхъ и схожу мокротою. Шестая рече: мнѣ имя Глухея, ложусь у человѣка въ голову: и уши заложитъ, и голову, и тотъ человѣкъ глухъ бываетъ. Седьмая рече: мнѣ имя Ломлея: ложусь у человѣка въ костяхъ и кости ломитъ, аки сильная буря. Восьмая рече: мнѣ имя Пухлея—шатаю родъ человѣческій. Девятая рече: мнѣ имя Желтея: сотворю человѣка, аки цвѣтъ дубравный и напущу желчь. Десятая рече: Корикорта и корчу у человѣка жилы ручныя и ножныя. Одиннадцатая рече: мнѣ имя Голодея: у кого буду и тотъ человѣкъ не можетъ до сыта наѣстись, аки изъ ума выступитъ. Двѣнадцатая рече: мнѣ имя Невея, Невея же всѣхъ проклятѣе, изъ всѣхъ сестеръ лихорадокъ. И изыдоша изъ Чермнаго моря и быша мучими силою ангельскою и того имъ не стерпѣша и падоша ницъ на землю трепеташеся и возопиша великимъ гласомъ.

---

[1]) Подлинникъ, находящійся у насъ, написанъ скорописью начала XIX вѣка.

аки громъ сильный и ангелъ Господень вопроси ихъ: кто вы? и каковы окаянныя ваши имена и къ кому вы пришли? и отвѣща ему окаянницы: едина огненная страшная и мы повѣдая имена наши на земли: мы Ирода царя дщери еже убиша Іоанна предтечу и тутъ же на блюдо мати испроси у Ирода царя поиграти главою аки яблокомъ на блюдѣ. И пришедши проститися на гробъ Іоанна предтечи и плакаша мы и абіе внезапу зинуша насъ земля и къ проклятому отцу нашему сатанѣ и его роду. Мы живемъ во адѣ и посылаетъ отецъ нашъ сатана въ народъ человѣческій. И рече имъ Ангелъ Господень: заклинаю васъ окаянницъ всѣхъ 12 сестеръ: Трясею, Огнею, Ледею. Гнетею, Хрипею, Глухею, Ломлею, Пухлею, Желтѣю, Корготу, Голодею, Невею. Посланъ я отъ Господа всѣхъ васъ окаянныхъ силою ангельскою связать и не могите слышать моего гласу ангельскаго Селафіилова и не могите приближиться къ рабу Божію и буде имя славное иже по Христову указанію и дастъ имъ проклятымъ женамъ по три страны на всякій день и глаголя лишитеся окаянныя приближитися къ роду человѣческому. Помилуй Господи и сего раба Божія, (имя рекъ) не прикасайтеся къ роду человѣческому ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время, аще кто молитву сію на имя Селафіилово читаетъ, къ тому человѣку не можете приближиться. Изыдите окаянныя! И стали ему молитися: Господине, Господине, мы слышимъ имя твое Ангельское Селафіилово и будемъ отъ роду человѣческаго на триста верстъ. И рече Ангелъ Господень: проклинаю всѣхъ васъ трясавицъ 12 сестеръ: Трясею, Огнею, Ледею, Гнетею, Хрипею, Глухею, Ломлею, Пухлею, Желтѣю, Корготею, Голодею, Невею. Всѣхъ васъ проклятыхъ проклинаю силою ангельскою, отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ Архангеломъ, не прикасайтеся къ рабу Божію (имя рекъ) ни сегодня, ни завтра, ни во дни, ни въ нощи, ни въ какое время. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Въ недавнее время намъ удалось записать семь заговоровъ, которые и приводимъ здѣсь съ буквальною точностью. Всѣ приводимые ниже заговоры записаны нами въ г. Пошехоньѣ съ рукописи одного крестьянина, содержавшагося въ мѣстномъ арестномъ домѣ.

Цѣль означенныхъ заговоровъ—смягчить сердца властей и сильныхъ міра сего, а потому и читать эти заговоры должно тогда, когда приходится идти къ предержащимъ властямъ.

Кромѣ означенныхъ заговоровъ читается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для означенной же цѣли 3-й псаломъ.

Подходя къ дверямъ начальника, должно тихонько проговорить про себя: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» или прочесть молитву Пресвятой Богородицѣ (Богородица Дѣво радуйся...). Послѣдняя молитва читается точно также и при нападеніи собакъ. Кромѣ означенныхъ заговоровъ для того, чтобы смягчить сердце начальника употребляются и многія другія средства. Такъ напр. полезно входя въ домъ начальника посыпать на порогѣ соли, для той же цѣли полезно носить на себѣ барсучью шерсть или, наконецъ, «вихарево гнѣздо» т. е. свитые вѣтромъ сучья березы. Для вышеозначенной же цѣли употребляются наконецъ и нѣкоторыя травы. «Трава цахактелъ», читаемъ въ одномъ изъ народныхъ цвѣтниковъ, находящихся у насъ подъ рукою, «мала, ростомъ въ стрѣлу, видомъ синя, а по сторонамъ по девяти листковъ, на верху четыре листка: червленъ, зеленъ, багрянъ, синь. И та трава вельми добра: аще кто беретъ её на Ивановъ день въ купальницу сквозь гривну златую или серебряную и носитъ на себѣ, тотъ человѣкъ не боится никого, аще на судъ пойдетъ—одолѣетъ сопротивника своего и всѣ люди его любить будутъ. А ростетъ при рѣкахъ и при болотинахъ».

Возвращаясь къ заговорамъ, приводимымъ нами ниже, нелишнимъ считаемъ замѣтить, что заговоръ, помѣщенный подъ № 7-мъ, представляетъ изъ себя не что иное како измѣненный и сокращенный «Сонъ Пресвятыя Богородицы», апокрифъ повсемѣстно распространенный среди крестьянскаго населенія Пошехонскаго уѣзда.

Господи Iисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ.
Аминь.

Помолюся я рабъ Божiй (имя рекъ) Господу Iисусу Христу и животворящему кресту твоему и пречистой Богородицѣ матере Господа моего, Спаса нашего, Iисуса Христа и святымъ ангеломъ и архангеломъ, апостоломъ Петру и Павлу, святителю Николаю чудотворцу, святымъ безсребренникамъ Кузьмѣ и Дамiану, Киру и Iоанну, Михаилу Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ и всѣмъ святымъ мученикомъ и пророкомъ помолитеся о силѣ Божiей. Какъ роса-утренняя заря бѣлому свѣту, а свѣтъ красному солнцу, такъ бы всякiя власти градскiя и общественныя: начальники, судiи мировые, старшины и старосты, слѣдователи и становые, губернаторы и приказные засѣдатели, полицiймейстеры и выборные и всѣ приказные православные христiане мужескiй полъ и женскiй—были бы рады мнѣ рабу Божiю (имя рекъ) всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Какъ странодневникъ писатель божественныхъ книгъ по писанiю святыхъ отецъ сказано, что на семъ свѣтѣ и на будущемъ никто не можетъ переворотить Божiей колесницы, такъ бы не могли переворотить раба Божiя (имя рекъ) передъ всякiя власти градскiя и мировыя судiи, слѣдователи и старшины, и старосты, писаря и присяжные засѣдатели и вси православные христiане всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Будь словамъ моимъ небо—ключъ, земля—замокъ. Аминь, аминь, аминь.

Во имя Отца и сына и Святаго Духа отъ нынѣ и до вѣку. Аминь, аминь, аминь.

2. Помяни Господи Кирика и Улиту и царя Давида и всю кротость его. Какъ мертвецъ изъ гроба не возстанетъ, такъ бы рабы Божiи рады были и смирны вси начальники мiрскiи судiи мировые и слѣдователи, губернаторы и становые, старшины и старосты и вси православные христiане мужескiй полъ и женскiй и на меня раба Божiя невозставали и сердце бы ихъ унало и руки не поднимались, уста бы ихъ не растворялись отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

3. Господи благослови! Какъ весь мiръ возрадуется красному солнышку, какъ отпирается и отмыкается всякая утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнышко, такъ бы мнѣ многогрѣшному рабу Божiю (имя рекъ) возрадовались а возвеселились окомъ благоутробнымъ, сердцемъ прiятнымъ граденiе и вотчинные начальники, губернаторы, прокуроры, мировые судьи, слѣдователи, исправники, становые, предсѣдатели и вси православные христiане, мужескiй полъ и женскiй, и дай имъ Господи Боже мой очи ангельскiя и утробу материну. Мать Пресвятая Богородица! прикрой своей нетлѣнной ризой раба Божiя (имя рекъ) отъ всякаго врага и супостата. Аминь, аминь, аминь.

4. Лягу я рабъ Божiй благословясь и встану перекрестясь, помолясь Iисусу Христу сыну Божiю и выйду въ чистое поле на востокъ краснаго солнышка подъ младъ свителъ мѣсяцъ, подъ чистыя мечтанныя звѣзды и обложусь я рабъ Божiй (имя рекъ) тѣми облаками и наложую я на главу красное солнышко и опояшусь я радъ Божiи (имя рекъ) мечтаннымъ частымъ звѣздамъ яко бисеромъ отъ всякаго лихого человѣка. Какъ рѣки быстрые покорились окiяну морю, такъ и мнѣ бы рабу (имя рекъ) были бы покорны и возлюбили бы паче всѣхъ на свѣтѣ; когда я пойду къ нимъ, то у нихъ сердца трепетали бы и радовались бы мнѣ рабу Божiю (имя (рекъ) во всѣ концы моего вѣка и скрѣпи Господи мой заговоръ переговорчивыйкрѣпчѣ латыря камня бѣлаго и вострѣ укладу остраго, меча булатнаго во вѣки отнынѣ и до вѣку. Аминь, Преподобный Логинъ вошелъ въ царскую палату а палата августова затряслась и вси люди отъ страха того и трепета не могли на Логина очами зрѣти тако бы супостаты мои не могли на меня зла подумать и лиха помыслить и дай имъ Господи Боже мой супостатамъ моимъ и лихимъ людямъ уста бы ихъ заковались, что бы ихъ обвинили, а мнѣ никакого противнаго слова не сказали. И тѣмъ моимъ словамъ буди небо ключъ, море-замокъ, евангельская печать—самъ Господь праведный Iисусъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь.

5. Пресвятая Божiя Матерь, спаси и помилуй раба Божiя (имя рекъ) отъ бѣдъ и

напастей, отъ напраслинъ и отъ лихова человѣка на всю жизнь. Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ. Аминь, аминь, аминь.

6. Помяни Господи отца нашего Адама и мать нашу Еву царя Давида и всю кротость его, помяни Господи царя Соломона и всю мудрость его, помяни Господи тѣхъ имя рековъ къ которымъ я иду, помяни Господи Кирика младенца и мать его Улиту, царя Константина, Варвару великомученицу, христолюбивое воинство, вселенскихъ учителей. Аминь.

7. Мать пресвятая Марія Богу помолясь, стала перекрестясь, умылась Божьей росой, утерлась Христовой пеленой, пошла она въ путь дороженьку въ Іерусалимъ градъ, въ Іерусалимѣ градѣ стоитъ апостольская церковь, въ апостольской церкви стоитъ престолъ Господень, за престоломъ Господнимъ сама мать пресвятая Марія. Передъ ней стоитъ самъ Господь Богъ и речетъ своей матери: «Мать ты моя пресвятая Марія, что ты спишь или на меня зришь?»—«Сыне мой возлюбленный, я сплю и на тебя зрю, я вижу предъ Тобою пропятіе при понтійскомъ Пилатѣ. Руци и нози гвоздями приковаша, ребра Твоя копіемъ прободоша, кровь Твоя какъ вода потекоша, терновый вѣнецъ на главу накладаша хотятъ Тебя на тріехъ дрявахъ распинати: первое дряво илево, другое пилево, третье кипарисъ дряво. Кто етотъ сонъ прочтетъ по трижды въ день тотъ избавленъ будетъ отъ ужасти, отъ страсти, отъ бѣды и отъ напасти, отъ меча и отъ огня и отъ полымя, отъ звѣря бѣгучаго и отъ змѣя ползучаго и отъ лихого человѣка, Аминь. На аминѣ свѣтъ стоитъ, на моихъ словахъ крестъ лежитъ, на крестѣ самъ Іисусъ Христосъ опочиваетъ.

Какому святому въ какомъ случаѣ должно молиться.

Изъ народныхъ вѣрованій въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Св. преп. Нифонту—о прогнаніи лукавыхъ духовъ. Для той же цѣли читается 12-я каѳизма или даже одинъ псаломъ «Живый въ помощь Вышняго».

Св, Іоанну Крестителю—отъ головной боли.
Преп. Марону или Сисинію—отъ лихорадки.
Пророку Науму—при началѣ ученія дѣтей.
Зосимѣ и Савватію—предъ выставкою пчелъ.
Георгію Побѣдоносцу—предъ выгономъ скота въ первый разъ въ поле.
Іоанну Воину—о возвращеніи украденнаго.
Св. Власію—о сохраненіи скота.
Св. Ѳомаидѣ—объ избавленіи отъ блудной страсти.
Св. Иліи пророку—о поданіи дождя.
Св. Моисею Мурину—объ исцѣленіи отъ запоя.
Иконѣ Неопалимой Купины—о прекращеніи пожара.
Св. Екатеринѣ—при трудныхъ родахъ.
Св. пророку Давиду—объ укрощеніи гнѣва начальниковъ.
Св. Вонифатію—объ исцѣленіи отъ запоя.

А. Баловъ.

Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ.

Дополненіе къ статьѣ:
«Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи». Жив. Стар. 1891 г., № 3.

1) Однажды въ недавнее время несли икону преподобномученика Адріана по дерев-

нямъ Соколовской волости, въ мѣстности Ухтома [1]). Одинъ крестьянинъ, пахавшій въ полѣ, увидѣвъ это, замѣтилъ въ слухъ: «Вотъ Адріанъ преподобный по міру сбирать пошелъ...» Тотчасъ ударилъ громъ, и молнія поразила на смерть и мужика, и лошадь, на которой тотъ пахалъ.

2) Одна бѣдная крестьянка желала принять въ свой домъ икону преподобномученика Адріана, но не имѣла денегъ для того, чтобы заплатить за молебенъ. Такъ какъ взаймы никто ей денегъ не давалъ, то она и принуждена была заложить свой послѣдній праздничный сарафанъ и на полученныя деньги приняла икону. Молебенъ въ домѣ крестьянки былъ отпѣтъ, но когда хотѣли взять икону и вынести её изъ избы—икона оказалась столь тяжелою, что присутствующіе не могли её поднять. Послѣ долгихъ расспросовъ узнали, что деньги, которыя заплатила крестьянка за молебенъ, были ея послѣдними деньгами. Деньги возвратили крестьянкѣ и икона безъ труда была вынесена изъ избы.

Въ деревнѣ Усовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Горинскаго прихода у одной «келейницы» была икона, лико которой окончательно стерлось и икона эта употреблялась хозяйкой вмѣсто покрышки.

Вдругъ изъ трубы этой кельи по ночамъ стали замѣчать сосѣди большой столпъ выходящаго пламени. Въ то же время хозяйкѣ иконы приснилась Божія Матерь и повелѣла поставить свой образъ на божницу. Келейница исполнила это приказаніе, икона была поставлена на божницу и въ ту же ночь «поновилась» т. е. сдѣлалась совершенно новою.

Сказаніе Арсенія инока Селуня града о Іерусалимѣ.

Азъ рабъ божій Арсеній, смиренный инокъ, діаконъ Селуня града, былъ есмь во Іерусалимѣ градѣ 31 лѣто, видѣлъ есмы Ерусалимъ и вся знаменія іерусалимская, скажу все воистинну предъ Богомъ: первое знаменіе святый Сіонъ, храмъ Господень, церковь велика, сведена на 4 стороны надъ гробомъ Господнимъ и не покрыта церковь, а двери въ ней 12 отъ великахъ дверей, входя въ церковь въ правую сторону гробъ Господень, 12 ступеней ;нога, къ нозе прикладываются: первое братіе знаменіе. Въ правую сторону отъ гроба Господня 5 саженъ пупъ земли: а величество его 3 обоймища около его, подобенъ человѣкъ пупу; въ лѣвую сторону гроба Господня пропасть, гдѣ Христосъ входилъ во адъ, стоитъ часъ во всякъ запечатана, только на воскресеніе Христово отпадаютъ печати, а приходитъ патріархъ со діакономъ и сведетъ главу свою и слышутъ шумъ великъ въ пропасти и потомъ обратится ко гробу Господню патріархъ съ попы и со всѣмъ народомъ у гроба Господня, а пропасть за $1^1/_2$ сажени. И иное знаменіе сходитъ съ небеси молнія на гробъ Господень, а въ гробѣ Господни суть три свѣщи горятъ что мироносицы поставили ту во гробѣ Господни. суть три свѣта едино аки свѣча горитъ вторая узрится аки дымъ и третья аки слеза. Въ великій четвертокъ, въ пятокъ, въ субботу на нощь въ третьемъ часу сходитъ съ небеси молнія въ гробъ Господень и зажигаютца свѣчи три святыя и видѣ патріархъ знаменіе Христово влазитъ въ гробъ Господень со двуия діаконы и зажигаетъ свѣщу и почнетъ пѣти «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», и потомъ даетъ огня изъ гроба Господня; отъ ногъ камень великъ лежитъ аки яицо подобіемъ что былъ на гробѣ Господни.

По лѣвую сторону отъ гроба лежитъ глава адамова первороднаго человѣка отъ дверей 32 сажени до главы адамовой, а въ главѣ той церковь, а служба въ ней вседневная а лежитъ взничь а двери въ главу горломъ а влазятъ въ нее 20 человѣкъ а лежитъ въ закрылу церковномъ. Отъ Іерусалима до Виѳаніи града гдѣ гробъ лазаревъ 6 миль и до Геѳсиманіи гдѣ гробъ Святой Богородицы 6 миль. Другое знаменіе жидовинъ

---

[1]) Пошехонскаго у., Ярославской губ.

ухватилъ за одръ у святыя Богородицы а ангелъ Господень отсѣче ему руце и эта кровь стекла отъ рукъ его и стоитъ близъ гроба Богородицы наркла и парна кровь. А отъ Iерусалима до Виѳлеема 7 миль гдѣ родился Христосъ церковь велика Рождество Христово и иное знаменіе въ вертепѣ млеко капало отъ у св. Богородицы персей Богородицы стоитъ и до сего дни ссѣлося бѣло мягко иное знаменіе гдѣ родися Христосъ хватила руками за землю святая Богородица ту справа аки рука святыя Богородицы а слѣвую страну трава аки крестомъ свися вмѣстѣ а рука сжалася и коли на рожество Христово бываетъ служба начнутъ молити рука ся простретъ и крестъ и млеко святыя Богородицы и пара изъ него идетъ и будутъ рука святыя Богородицы просторта доколѣ отпоютъ и рука сожметца и крестъ и млеко ссядетца. Отъ Iерусалима до Елеонской горы 12 миль гора велика и высока вельми на горѣ той древеса масличныя инова лѣсу нѣсть на ней а на боку горы тоей отъ Ерусалима гробъ святыя Пелагеи гдѣ есть исповѣданіе грѣховъ пришедшихъ ко гробу трижды обоити вокругъ гроба а пойдешь въ третій лежатъ два камня и одинъ камень отскочитъ отъ гроба Пелагіина а человѣкъ исповѣдываетъ вся грѣхи своя отъ юности. Отъ того мѣста и Iерусалима до Елеонской горы поле есть Ермонъ среди того поля есть гора Ѳаворъ гдѣ преобразися Христосъ гора велика а лесу на ней нѣтъ стоитъ на ней церковь а служба въ ней вседневная а въ алтари предъ престоломъ стопы Христовы на камени гдѣ стоялъ Христосъ и до сего дня а въ праздникъ преображенія Христова патріавхъ обѣдню соборне поетъ рано какъ солнцѣ восходитъ а отпѣвъ побѣжитъ з горы зане какъ отпоетъ сходитъ на гору съ небеси столпъ огненный и молнія огненная. Отъ Iерусалима до скуделнаго села семь милей странныхъ погребеніе коли іюда Iисуса предалъ за тридесять сребреницъ жидомъ и раскаяся и поверже сребро и поверже сребро тіи же купи село на погребеніе нищихъ. Отъ Iерусалима до Капернаума 20 миль и ту стоялъ Христотъ на молитвѣ со ученики своими. Отъ Iерусалима до Iордана 20 миль здѣсь Христосъ крестился св. Iоанна Предтечи и ту камень и на камени томъ знати стопы Христовы а отъ Iордана до дуба маврицкаго гдѣ явися святая Троица Аврааму миля а отъ дуба до святого отца Зосимы миля. Отъ Iордана до града самаріи 30 миль отъ самаріи до студенца іаковлева гдѣ явися Христосъ женѣ самарянинѣ миля. Отъ іерусалима до дверей затворенныхъ 4 мили когда Христосъ пришелъ къ дверямъ затвореннымъ и глагола имъ миръ вамъ ту есть стѣна огненная а сбоку стѣны отворены двери а гдѣ ета Христосъ а тѣ отворены. Отъ іерусалима до силуамли купели 2 мили и до камня яже нарицается слава тебѣ Боже когда шелъ Христосъ во іерусалимъ и рече ученикомъ своимъ идите во іерусалимъ и обрящете человѣка во скуделницѣ воду носяще и речете ему уготовайте ми пасху того ради зоветца камень слава тебѣ боже а и дому давыдову нѣту силы зрѣти докомъ солнечный день осіяетъ а сія на солнце зрети доколѣ солнце не зайдетъ къ дому давыдову нѣту силы дойти ограждено страхомъ божіимъ со единыя страны долу асаеитовъ а съ другую сторону долу земля трясется нѣту силы приступити а въ дому Давыдовомъ 12 верховъ и ни единаго столпу изъ верховъ тѣхъ 4 двери видѣти и богу нашему слава отцу и сыну и святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Сказаніе о преподобной Ѳеодорѣ, ея же память 11 сентября.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ: была у него жена Ѳеодора — женщина, лицомъ красивая, а нравомъ распутная: при мужѣ жила она въ блудѣ со своимъ сосѣдомъ... И захотѣлъ видно Богъ взыскать грѣшницу: вдругъ напала на нее тоска, опротивѣлъ Ѳеодорѣ сосѣдъ, опостылъ мужъ, надоѣла и прежняя грѣшная жизнь; совѣсть, какъ звѣрь лютый, и днемъ и ночью грызла Ѳеодору. Недалеко отъ Ѳеодориной деревни былъ скитъ женскій, а игумья тамъ была старица святая: много приходило къ ней народу за совѣтомъ и молитвой. Пошла туда же тихонько отъ мужа и Ѳеодора, пришла къ старицѣ, покаялась въ своихъ грѣхахъ и стала просить совѣта. И повелѣла ей старица одѣться мужчиною, идти въ дальній глухой мужской монастырь и тамъ,

среди мужчинъ, спасаться въ образѣ мужчины. Послушалась Ѳеодора святой старицы: ушла тихонько отъ мужа остригла свою длинную косу, одѣлась мужчиною, назвалась Ѳедоромъ и пошла въ тотъ дальній монастырь, про который сказала ей старица. А монастырь тотъ стоялъ среди лѣсовъ дремучихъ среди болотъ непроходимыхъ: много было въ нихъ и звѣрья лютаго, и всякаго гада. Ничего не побоялась Ѳеодора: долго ли. коротко ли она шла, и наконецъ пришла къ тому монастырю, пришла въ сумерки и стала стучать у воротъ. Доложилъ придверникъ игумену, что какой то незнакомый юноша проситъ впустить его въ монастырь, Спросилъ игуменъ: «чего этому юношѣ нужно?» «Хочетъ принять чинъ ангельскій», отвѣтилъ придверникъ. И захотѣлъ испытать игуменъ Ѳедора, не велѣлъ пускать его въ монастырь до зари утренней. Не побоялась Ѳеодора ни ночи темной, ни звѣрья лютаго, ни всякаго гада и ночевала у воротъ святой обители. Увидѣлъ игуменъ послушаніе Ѳедора и принялъ его въ послушники чернорабочіе. А послушаніе ему далъ—чистить помойныя ямы, да сорныя мѣста въ монастырѣ.

Много лѣтъ несъ Ѳедоръ это послушаніе со смиренствомъ: никого не было въ монастырѣ кротче, благочестивѣе и смиреннѣе Ѳедора. Замѣтилъ смиренство Ѳедора и игуменъ и началъ его возвышать, и наконецъ, на столько приблизилъ къ себѣ, что довѣрилъ ему закупъ провизіи нужной для монастыря.

Вѣрно и честно проходилъ Ѳедоръ новое послушаніе.

А покупать провизію приходилось съѣздить въ далекій городъ черезъ лѣса дремучіе, топи, да болота. На дорогѣ жилъ богатый купецъ—щедродатель монастыря. «У этого то купца и останавливался всегда Ѳедоръ, когда ѣхалъ въ городъ или возвращался изъ города. А у того купца была молодая дочь красивая дѣвица. Дѣвица эта и слюбилась тайкомъ отъ отца съ однимъ молодцемъ, слюбилась, а тамъ заберемѣнѣла и принесла младенца мальчика. Разсердился старикъ купецъ и началъ пытать у дочки, кто былъ ея обидчикъ.

Дочь всю вину сложила на неповиннаго ни въ чемъ Ѳедора.

Взялъ купецъ младенца и тотчасъ поѣхалъ въ монастырь, гдѣ жилъ Ѳедоръ, пришелъ къ игумену и разсказалъ ему все дѣло. Игуменъ взялъ младенца себѣ, обѣщалъ наказать Ѳедора, а купца отпустилъ съ миромъ домой.

Созвалъ игуменъ всю братію монастыря и призвалъ Ѳедора на судъ. Не оправдывался ни въ чемъ Ѳедоръ и братія порѣшила, что онъ виноватъ. Тутъ же и порѣшили наказать Ѳедора, какъ можно тяжче, порѣшили закласти Ѳедора вмѣстѣ съ младенцемъ въ пустой каменный чуланъ и черезъ маленькое оконце подавать ему скудную пищу.

Какъ порѣшили. такъ и сдѣлали: заключили Ѳедора съ младенцемъ въ затворъ, заклали входъ кирпичами, оставили только маленькое оконце, черезъ которое можно было передавать заключеннымъ пищу.

Семь лѣтъ пробылъ Ѳедоръ въ затворѣ. На восьмомъ году однажды принесъ монахъ ежедневную пищу и увидалъ, что вчерашняя пища лежитъ не тронутой на окнѣ.

Тотчасъ побѣжалъ монахъ къ игумену. Пришелъ игуменъ съ братіею и стали разламывать дверь. Когда вошли они къ заключеннымъ, то увидали, что на полу лежитъ Ѳедоръ, а на персяхъ у него мертвый младенецъ. Стала братія приготовлять тѣла для погребенія, стала раздѣвать ихъ для омовенія. Тутъ то всѣ и увидали, что предъ ними не мужчина, а женщина, что предъ ними не грѣшникъ, а праведница.

Сдѣлалъ игуменъ пышные похороны Ѳедору, позвалъ на поминки и купца съ дочерью. Во время поминокъ онъ разсказалъ купцу о томъ, что у нихъ случилось въ монастырѣ и что Ѳедоръ оказался женщиною. Услышала это и дочка купца и тутъ же при всѣхъ покаялась въ томъ, что понапрасну оклеветала праведницу. Былъ на похоронахъ и мужъ Ѳеодоры и призналъ онъ въ Ѳедорѣ свою жену и разсказалъ онъ всѣмъ ея прежнюю жизнь: и дивились всѣ тому подвигу, какой несла преподобная.

Записано 27 сентября 1889 г. со словъ крестьянки д. Ежора, Давыдковской волости, дѣвицы Марьи Васильевой.

А. Баловъ.

Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію лѣтомъ 1892 года.

Весной нынѣшняго года, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, я, м. гг., получилъ порученіе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться во время лѣтнихъ каникулъ собираніемъ матеріаловъ по этнографіи корельскаго края. Такое предложеніе общества какъ разъ совпало съ моимъ искреннимъ желаніемъ поработать, что-нибудь сдѣлать полезное корельскому родному краю. Въ первыхъ числахъ іюня я уже былъ въ Святозерѣ, корельскомъ селѣ Петрозаводскаго уѣзда, и съ охотою принялся за работу,—наблюдая за всѣми сторонами жизни кореляка. Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ представляетъ еще очень много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Особенно много этого оригинальнаго въ тѣхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми обставляются важнѣйшие моменты въ жизни кореляка: въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ, крестильныхъ и др.

Свадьбы въ корелѣ происходятъ большею частью или осенью—до Филиппова поста, или въ Рождественскомъ мясоѣдѣ. Выборъ такого времени—вполнѣ понятенъ. Относительная свобода отъ работъ и домашнихъ занятій, нѣкоторая зажиточность крестьянъ въ это время—все это обусловливаетъ выборъ такого времени для заключенія браковъ.—Колдуны и колдуньи на корельской свадьбѣ занимаютъ первое мѣсто. Съ колдуньей невѣста ходитъ въ баню, колдунья одѣваетъ ее къ вѣнцу; и какихъ только, какихъ наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ не совершается при этомъ!?... Вода, которой умывается въ банѣ невѣста, идетъ на приготовленіе тѣста, изъ котораго потомъ пекутся пироги для жениха; невѣста одѣвается къ вѣнцу въ чуланѣ и стоитъ при этомъ на разостланной овечьей шкурѣ мѣхомъ вверхъ, на пилѣ и наточенномъ топорѣ. При входѣ въ церковь, у нея поднимаются подолы платья чуть ли не до колѣнъ, чтобы они какъ-нибудь не коснулись церковнаго порога (чтобы отъ этого у невѣсты не было чирьевъ на тѣлѣ). Стоя подъ вѣнцемъ, она держитъ межъ грудями пироги, которые потомъ съѣдаетъ въ мужнином домѣ, чтобы не скучать, не тосковать по родителямъ. Въ домѣ жениха, послѣ вѣнчанія, сажаютъ молодыхъ на печку и кормятъ брусникой или молокомъ

Много такихъ же суевѣрныхъ обрядовъ совершается и при погребеніи и крещеніи. Въ гробѣ для мертвеца прорѣзывается отверстіе, вставляется стекло и дѣлается что-то въ родѣ маленькаго окошечка; въ изголовье покойника кладутъ вѣничные листья и стружки; въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ монету—откупаютъ землю. Въ сороковой день послѣ погребенія—«мустайжедъ»—устраивается по покойникѣ «веро»—поминальный обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ на обѣдъ, встрѣчаютъ съ подушкой на головѣ и на печкѣ, въ домѣ, помѣщаютъ для покойника цѣлыя груды пироговъ. Въ отворенное окно опускаютъ конецъ полотенца и тѣмъ устраиваютъ путь для умершаго.

При совершеніи таинства крещенія, родители крещаемаго не присутствуютъ въ общей комнатѣ, чтобы дитя отъ этого не стало плакать по ночамъ; при погруженіи въ купель младенца, обращаютъ вниманіе на положеніе его тѣла: протянутыя ноги къ смерти, поджатыя и нѣсколько скорченныя къ жизни. Отрѣзанная пуповина прячется въ такое мѣсто, гдѣ ее никто не имѣлъ бы возможности пошевелить; «лійкутидъ лапсэнъ нябанъ, разсуждаетъ кореляк. лійкутидъ ћänэнъ міеленъ»—«крянулъ пуповину младенца—крянулъ его умъ, сдѣлалъ его навѣкъ сумасшедшимъ.

И въ повседневной жизни кореляка есть много любопытнаго, заслуживающаго вниманія. Утромъ кореляк встаетъ часа 2—3 и первымъ дѣломъ, по пробужденіи, съѣдаетъ пясть муки или кусочекъ хлѣба. «Зачѣмъ это дѣлаешь, Пекко?» спрашиваю я одного такого крестьянина: «Привычка что ли у тебя такая?»—Нѣтъ не привычка, а это средство обезопасить себя отъ дѣйствій «паћалайнэ»—дьявола; безъ «пюћяллядъ»—безъ предварительнаго принятія пищи опасно выходить на воздухъ—«илмалэ»; «паћалайнэ» можетъ послать болѣзнь «нэнä». Отправился кореляк рыбу удить въ ламбу (лѣсное озерко) — замѣтили его сосѣди, не быть удачѣ. Попилъ изъ лѣснаго колодца

воды, подумалъ тутъ же что-нибудь недоброе—глядишь и нажилъ себѣ зобъ на шею или боль въ желудкѣ. Заблудился вечеромъ въ лѣсу, идя домой, проплуталъ дня два, три,—на «худыхъ слѣдахъ» былъ (паһуойль далгилъ), на слѣдахъ «метчäлäйнэ»—лѣсовика. Купался въ лѣсномъ озерѣ, забрелъ на глубину, едва не утонулъ—всѣмъ разсказываетъ, что у водянника въ «кобрахъ» — пясти былъ, ощущалъ его холодное шерстнатое тѣло и ясно видѣлъ его, какъ видитъ теперь своихъ сосѣдей.

Заболѣла корова, опаршивѣла отъ худой, голодной пищи—«муа-һардій»—дворовый не взлюбилъ; вездѣ у него суевѣрная подкладка, всюду привнесеніе элемента нечистой силы: кеһно, паһалайнэ, метчäлäйнэ, ведэһинэ, муа-һардій.

Самая молодежь корельская и всѣ ея удовольствія какъ-то отличны отъ забавъ молодежи русскихъ селъ и деревень. Какая-то вялость, холодность, постоянная застѣнчивость—отличительныя черты корельскихъ парней и дѣвушекъ. Вы не услышите отъ нихъ ни разудалой пѣсни, остроумной шутки и веселыхъ прибаутокъ; никогда не увидите у нихъ ухарской бойкой кадрили и жаркаго выраженія взаимныхъ чувствъ. Какъ-то все дѣлается у нихъ сосредоточенно-холодно, методически-размѣренно... Самое веселое время для корельской молодежи—это святки, масляница и «віäндüöйдъ» [1])—время отъ Иванова дня до Петрова дни. Святки для нея время желанное, съ нетерпѣніемъ ожидаемое чуть ли не съ самой осени. На канунѣ Рождества начинаются святочныя гаданья. Собирается компанія парней и дѣвушекъ, дѣлаетъ въ складчину «пряженые» пироги и, закусивъ ими, идутъ слушать «сüндüдъ»; слушаютъ подъ окнами домовъ, на перекресткахъ дорогъ, на церковномъ крыльцѣ, на кладбищѣ, въ ригахъ и баняхъ. Вотъ въ морозную лунную ночь крадется группа молодежи за село, на перекрестокъ дорогъ. Всѣ соблюдаютъ строжайшее молчаніе, боясь смѣхомъ и говоромъ оскорбить «великаго сüнди». Отыскали мѣсто, очертились сковородникомъ, стали спинами другъ къ другу и внимательно слушаютъ. Изъ села несутся далекіе, неясные звуки: то тихо звякнетъ колокольчикъ, то залаетъ собака, то расходившійся дѣдушка—морозъ щелкнетъ въ уголъ крестьянской избы;—все это суевѣрно-настроенными слушателями объясняется по своему: болѣзненной Огуой (Агафьѣ) слышалось тѣсанье досокъ—значитъ умирать ей въ эту зиму; Мачч́и (Матвей), здоровенный дѣтина 21 года, слышалъ ружейные выстрѣлы—не миновать ему тяжелой солдатской службы; Катти (Катерина) слышала звонъ колокольчиковъ—скоро, должно быть, будутъ къ ней женихи...

Способовъ узнать своего суженаго—существуетъ очень много: дѣвушки одѣваютъ въ полночь на шею хомутъ, садятся подъ столъ и ждутъ своего будущаго жениха; ложатся на печку съ зеркаломъ въ рукахъ, запираютъ на всю ночь косу на замокъ, мѣряютъ сапогомъ полъ, ходятъ съ лучиной на прорубь, мочатъ её тамъ и потомъ, придя въ избу, зажигаютъ... и многое множество—другихъ средствъ и способовъ. Маскированье и «бесѣда» (ѣ—слѣдуетъ произносить какъ ё) усиливаютъ святочное веселье. Вывороченная на изнанку шуба или рваный кафтанъ, большіе, стоптанные катанцы или сапоги-коньги и опущенный на глаза платокъ—вотъ и весь незамысловатый костюмъ кореляка «смуута». Вечеръ до поздней ночи проводится на бесѣдѣ: здѣсь танцуютъ—кадриль, лянсье, совдино-чоукку, а въ старину—шина и касарейку: пѣсни поются исключительно русскія, но такъ исковерканныя, что трудно было бы уловить въ нихъ какой-нибудь смыслъ или значеніе: «доцумери, доцумери—показался денъ малинъ, денъ малина—коротина, на одинъ часочикъ; теперь моды при часахъ, котикова шапки... Меня милой не узналъ прямо доктору послалъ; докторъ улица дѣвица стала спрашивати; танцы—пляски на каляски буду радость веселить я глазаленькой, голосокъ—соловей, изъ себе картина...»

Время «віäндüöйдъ»—дорогое время для женскаго пола и въ особенности для дѣвушекъ. Въ это время корельскія бабы приносятъ изъ лѣсу вересъ и ольховые листья для паренья молочныхъ горшковъ, ломаютъ березовыя вѣтви для вѣниковъ и сбираютъ цѣлебныя травы и цвѣты. Аптека кореляка—не богата медикаментами и приспособлена

[1]) *ü* какъ франц. *u*, а не какъ русск. *ю*.

для лѣченія самыхъ простыхъ—«мужицкихъ» болѣзней: «равдэ-hейнэ»—останавливаетъ кровь при урѣзахъ; «урчой-hейнэ»—годится при разстройствѣ желудка; «кувзи-лехти»—отъ чесотки, «айлазъ-hейнэ»—отъ колотья и друг... Но особенно, говорю, дорого время «віяндуйдъ» для дѣвушекъ. На канунѣ Иванова дня онѣ идутъ въ лѣсъ и кладутъ въ ржаныя поля—полотенце, мыло и серебрянную монету. Въ ночь на Петровъ день все это берется обратно и становится прекраснымъ средствомъ—«ностай лемби»—пустить о себѣ въ народѣ хорошую молву,—понравиться любому парню. При умываніи—монету опускаютъ въ воду, и дѣвушка моется тѣмъ мыломъ, утирается тѣмъ полотенцемъ, которыя лежали все время «віяндуйдъ» въ полѣ. — Чтобы пустить «лемби»—существуетъ еще другое средство—это купанье во ржи. Представьте себѣ теплую іюньскую ночь, съ нѣжнымъ запахомъ распустившихся цвѣтовъ; въ полѣ, въ росистой ржи, какъ русалки, прыгаютъ, скачутъ, валяются—дѣвушки, совершенно нагія... Куда дѣвались ихъ постоянная застѣнчивость и стыдливость, заставляющія нерѣдко краснѣть ихъ до корней волосъ?!.. Все забыто, лишь бы «лемби-ностай»—пустить хорошую молву...

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь кореляка съ его горемъ и радостью, печалями и весельемъ... И она-то служила мнѣ предметомъ наблюденій. Я записывалъ все, что только замѣчалъ въ ней—любопытнаго и оригинальнаго: въ обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и рѣчи,—записывалъ частію, наблюдая непосредственно самъ за жизнью корела, а частію и по разсказамъ стариковъ и старухъ-разсказчицъ. Такъ, въ Святозерѣ. при помощи такой старушки, я съ подробностями записалъ свадебные обычаи съ причитаньями, погребальные обряды, обряды «мустайжедъ»,—т. е. сороковаго поминальнаго дня, и нѣсколько способовъ—присушить парня къ дѣвкѣ. Въ среднихъ числахъ іюня я вышелъ изъ Святозера и направился на сѣверо-западъ Петрозаводскаго уѣзда, по направленію къ Финляндіи. Въ селѣ Пряжѣ (Петрозаводскаго уѣз.) мало нашелъ заслуживающаго вниманія. Это село, не смотря на большое число жителей, почти лишено своего оригинальнаго, собственно-корельскаго: здѣсь нѣтъ ни сказочниковъ, ни старухъ-причитальщицъ, не сохранилось ни старинныхъ національныхъ корельскихъ обычаевъ,—все постепенно замѣнено «мѣщанскимъ, вульгарно-русскимъ», идущимъ широкимъ теченіемъ изъ Петрозаводска... Самый говоръ Пряжинцевъ—особый говоръ, отличающійся отъ рѣчи другихъ кореляковъ, и сильно испещренный русскими словами (церковь—черковъ; крыша—кровля...)... Эта особенность говора дала мнѣ поводъ—обратить вниманіе на рѣчь кореляковъ,—и отчасти послужила побужденіемъ—составить словарь корельскаго языка... Въ Сямозерѣ (Säämjarwi)—побывалъ на «руочинъ-саари» и осмотрѣлъ шведскую могилу; выслушалъ нѣсколько сказокъ отъ мѣстныхъ жителей и записалъ десятокъ—другой корельскихъ загадокъ. Пребываніе въ деревнѣ Проккойла—было нѣсколько удачнѣе. Одна мѣстная крестьянка разсказала мнѣ обо всѣхъ обрядахъ—свадебныхъ и погребальныхъ, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ Святозерскихъ; пропѣла «голосомъ» нѣсколько свадебныхъ причитаній, сказала сказку и сообщила нѣсколько загадокъ и пословицъ. Въ с. Вешкелицахъ (вези-кюля), находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ финской границы, замѣтно уже вліяніе Финляндіи. Здѣсь нѣтъ уже такихъ кучныхъ селъ, какія встрѣчаются въ восточной и сѣверо-восточной корелѣ, каждые два три домика стоятъ наединѣ и составляютъ деревню съ особымъ именемъ (Ахпой-Микки, Лёбойнэ). Говоръ здѣсь болѣе или менѣе—чисто корельскій, безъ замѣтной примѣси словъ русскихъ; встрѣчаются только иногда слова финскія. Одежда мѣстныхъ жителей очень похожа на финскую. Визитка изъ сѣрой домо-тканной шерстяной матеріи; у каждаго на ремнѣ ножъ въ кожанныхъ ножнахъ, и частенько встрѣчается—рубашка, заправленная въ брюки. Мое пребываніе въ Вешкелицахъ совпало съ временемъ «віяндуйдъ». При содѣйствіи мѣстнаго учителя (М. А. Никольскаго) я узналъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей—какъ проводится здѣсь молодежью это время, какіе существуютъ способы «ностай лемби»—пустить въ людяхъ хорошую молву, познакомился съ нѣкоторыми святочными гаданьями и выслушалъ нѣсколько разсказовъ о «паганъ нэнѣ» —о дѣйствіяхъ нечистой силы...

Изъ Вешкелицъ мой путь лежалъ обратно въ Святозеро, чрезъ Салменицы (Салменъ-нишка). Въ с. Салменицахъ я не засталъ почти никого дома: весь народъ, даже

старые и малые—были въ лѣсу, работали на пожняхъ. Къ моему счастію, у мѣстнаго священника оказалась служанкой—одна бойкая старушка изъ мѣстныхъ крестьянокъ, и она то мнѣ сообщила полсотни однихъ загадокъ и нѣсколько примѣтъ и наговоровъ на счетъ домашняго скота. Дорогой въ Святозеро я зашелъ въ одну небольшую деревеньку Киндазъ-Рукавица. Почему-то жители этой деревни служатъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ сосѣдей-кореляковъ; о нихъ ходитъ много всякихъ анекдотовъ, напоминающихъ отчасти пошехонскіе разсказы. Былъ, разсказываютъ, одинъ киндасовецъ на охотѣ; приходитъ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что въ «куопѣ»—ямѣ, куда на зиму кладутъ рѣпу, видѣлъ сто зайцевъ.—«Полно врать, замѣчаютъ ему родственники, откуда взялось такое множество зайцевъ...?»—Ну не сто, такъ 50 да все таки было... «А откуда 50-то, да еще и въ «куопѣ?»—Ну, не 50—такъ десять хоть было...»—«Ну да и то очень сомнительно»...—Ну, если не десять,—такъ одинъ хоть да былъ... «Да былъ ли хоть одинъ-то...?»—Такъ что-же тогда шуршало въ ямѣ?...

Или еще другой разсказъ: Наступаетъ праздникъ Крещенія Господня—Ведэристэ. Киндасовцы въ прежніе годы на этотъ праздникъ постоянно ходили на свой погостъ—въ Пряжу, а тутъ почему-то вздумали устроить Іордань у себя дома: «не пойдемте, братцы, на Іордань въ Пряжу, разсуждаютъ киндасовцы на канунѣ праздника, не стоитъ ходить туда; рѣка у насъ есть своя, иконъ въ часовнѣ много, такой можно Іордань смастерить, что любо...» Покричали, потолковали, и всѣ согласились устроить Іордань дома. На другой день, въ самый праздникъ Крещенья, рано утромъ сдѣлали на рѣкѣ большую прорубь, и торжественно съ иконами на груди народъ повалилъ изъ часовни на Іордань. Морозъ былъ въ тотъ день трескучій; руки мерзли даже въ рукавицахъ. Вотъ одинъ крестьянинъ держитъ на груди большую икону «пӥһӓ Ведӧй»—св. Введеніе... Руки у него отъ холода посинѣли, окоченѣли, и самъ онъ не чувствуетъ, какъ икона постепенно соскальзываетъ, соскальзываетъ и, наконецъ, бултыхнулась въ Іордань... Сильнымъ теченіемъ рѣки икону тотчасъ-же подхватило и унесло подъ ледъ. Между киндасовцами началась тревога: ахъ «нюнню суугъ»—penis in os «пӥһӓ-Ведӧй» въ воду пала!.. Притащили изъ деревни неводъ, запустили его по теченію ниже Іорданской проруби, вытащили—глядятъ кусокъ льду... «Да это должно быть и есть «пӥһӓ-Ведӧй»—сдогадались киндасовцы и торжественно понесли льдину на печку въ домъ часовеннаго старосты: пока обѣдаемъ, молъ, «пӥһӓ-Ведӧй» тѣмъ временемъ на печкѣ и оттаетъ:.. Сидятъ киндасовцы обѣдаютъ, ѣдятъ праздничные пироги... «А подика ты, Микко, посмотри, что «пӥһӓ-Ведӧй дѣлаетъ на печкѣ», посылаютъ одного изъ своихъ товарищей справиться на счетъ иконы. Микко поднимается изъ-за стола, лѣзетъ на печку и оттуда съ священнымъ трепетомъ сообщаетъ: «А, «нюнню суугъ»—penis in os «пӥһӓ-Ведӧй» то, братцы, сбѣжала, только мочи немножко на печку брызнула»...

По возвращеніи въ Святозеро, чрезъ нѣсколько времени я снова отправился въ путь—по направленію къ Олонцу... Дошелъ до Кескозера (Кескуой-Ярви) и, по случаю болѣзни, долженъ былъ возвратиться обратно въ Святозеро... Въ Кескозерѣ мнѣ случилось видѣть раздѣлъ братьевъ. Раздѣлъ былъ полюбовный и происходилъ мирно, безъ крика и спору, безъ присутствія сельскихъ властей. Старшій братъ, широкобородый, плечистый мужикъ принесъ изъ «перти-айтэ»—домоваго чулана (въ отличіе отъ «пелдо-айтэ»—чуланъ на полѣ) ржаной хлѣбъ, положилъ его на столъ, засвѣтилъ восковую свѣчу предъ иконами,—и оба брата съ семьями стали на молитву. Потомъ, послѣ молитвы, братья поцѣловались, и старшій, отрѣзавъ ножомъ половину хлѣба, отдалъ её брату... И затѣмъ начался самый раздѣлъ имѣнія: старшій братъ взялъ избу, а младшій «свіязи», т. е. дворъ и сарай: зерновой хлѣбъ, скотъ, поля,—все пошло пополамъ.

Въ заключеніе скажу вкртцѣ о результатахъ моихъ наблюденій за жизнью кореляка, подведу, такъ сказать, итогъ моей лѣтней работѣ.—Мною подробно описаны обряды корельской свадьбы и приложены свадебныя причитанья въ двухъ текстахъ (корельск. и русск.); описаны обряды погребальные и приложены огрывки изъ причитаній. Собрано больше полтораста загадокъ и пословицъ, и изложены онѣ въ двухъ

текстахъ. Сдѣлано описаніе времени «віандуойдъ» и корельскихъ святокъ со всѣми гаданьями, примѣтами, ворожбами и увеселеніями этого времени; указаны въ краткомъ очеркѣ воззрѣнія и взгляды кореляковъ на нечистую силу: паha, метчäлäйнэ, ведэhиiэ, и муа-hардій; записано нѣсколько сказокъ и легендъ, и, наконецъ, начато составленіе русско-корельскаго словаря.

Сознаюсь предъ вами, м. гг., что я не сдѣлалъ того, что мечталъ сдѣлать, уѣзжая изъ Петербурга въ Корелу... И причиной того было, во 1-хъ лѣтнее время, неудобное для собиранія этнографическихъ матеріаловъ,—время, когда народъ цѣлыми днями бываетъ въ лѣсу на работѣ и не имѣетъ никакой охоты разсказывать сказки, загадки, сообщать о своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ,—заниматься, по его выраженію, «пустяками». Во 2-хъ, скрытность и недовѣрчивость кореляка, съ какими онъ встрѣчаетъ всякаго, не принадлежащаго къ числу его односельчанъ, и въ третьихъ, наконецъ, моя неопытность и нѣкоторая, пожалуй, неумѣлость взяться за этотъ трудъ, какъ слѣдуетъ. Собираніе матеріаловъ по этнографіи корельскаго края Олонецкой губерніи—было для меня первымъ опытомъ въ занятіяхъ этого рода,—это были, такъ сказать, мои первые, еще неумѣлые шаги, а потому я въ правѣ, м. гг., разсчитывать у васъ на полное ваше снисхожденіе... Если же случится мнѣ снова побывать въ Корелѣ, то я надѣюсь, что, взявшись за трудъ собиранія матеріаловъ уже съ нѣкоторымъ запасомъ опытности, я исполню его болѣе удовлетворительно и съ большимъ успѣхомъ для себя...

Н. Лѣсковъ.

Latwju dainas.

Извѣстный латышскій этнографъ Хр. Е. Баронъ и членъ Литовско-Латышской Коммиссіи при Этнографическомъ Отдѣленіи Импер. Русск. Геогр. Общ. Г. А. Виссендорфъ приступаютъ въ скоромъ будущемъ къ изданію обширнаго, единственнаго въ своемъ родѣ сборника латышскихъ народныхъ пѣсенъ подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Съ помощью мѣстныхъ любителей лат. народнаго творчества собраны обширные матеріалы вопервыхъ гг. Бривземніаксомъ и Барономъ, затѣмъ ученою Коммиссіею при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ, Литературнымъ Отдѣленіемъ при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ и Г. А. Виссендорфомъ. Въ сборникъ войдетъ около 20.000 пѣсенъ и около 60.000 варіантовъ. Сборникъ будетъ выходить выпусками въ 6 печатныхъ листовъ каждый. Печатается этотъ сборникъ Митавскимъ издателемъ I. Я. Дравинъ-Дравніакомъ, извѣстнымъ своими образцовыми и общеполезными изданіями.

От Ред. Четвертая книга Ж. Стар. за 1893 г. и первая книга Ж. Стар. за 1894 г. набираются и приблизительно выйдутъ одновременно.

Во 2 кн. Ж. Ст. 1893 г. въ статьѣ проф. Уленбека (Отд. I, стр. 178—210) вкрались слѣд. опечатки: стр. 180 напеч. Yuddhishthira слѣд. чит. Yudhishthira, стр. 185 напеч. его тупымъ мечемъ слѣд. чит. его бѣлымъ мечемъ, стр. 192 напеч. Winkel слѣд. чит. Te Winkel, стр. 209, 210 напеч. y слѣд. ij.